

Международный издательский центр

ЭТНОСОЦИУМ

ЭТНОСОЦИУМ

и межнациональная культура

№ 7 (73)

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки России журнал «Этносоциум и межнациональная культура» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Москва
Этносоциум 2014

Содержание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Бессонов Е.Г. Информационно-алгоритмическое познание социума как путь выхода из глобализационного кризиса.....	9
Лоло М.М. Музей кино в формировании политической культуры.....	15
Грязнова В.Н., Байтурина Г.Р. Влияние социальных движений на кадровое обеспечение государственной гражданской службы.....	24
Зорина О.А. Кадровое обеспечение как условие реализации кадровой политики в сфере здравоохранения.....	28
Орлова Е.М. В.М. Бехтерев о социальном значении музыки.....	38
Гайтукиева Е.Б. Повышение активности населения в решении вопросов местной жизни в процессе институционализации местного самоуправления.....	42

МГТУ им. Н.Э. Баумана

Веричев Д.К. Миротворческая деятельность: основы, особенности и вызовы нового времени.....	50
Филатова Т.В. Феномен самоуправления	57

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Нигматулина Т.А. Идентификационные процессы в молодежной среде: политический аспект.....	67
Луценко А.В. Идейная основа современного западноевропейского неоязычества в сравнении с ментальностью классического политеизма.....	76
Бурьяк М.К. Многоголосное пение этнофоров Новгородской земли.....	81
Приходько Я.В. Специфика иноязычной компетентности школьника (кадета).....	103

Пудов А.Г. Символическая онтологизация сознания как основа конструирования этноса на этапе этногенеза.....	110
Деречин А.О. Формирование поликультурной компетентности с таршекласников во внеурочной деятельности.....	117
Аминов И.Р. Критика структурного функционализма в урегулировании этнополитических конфликтов.....	122
Беляев М.А. Этнорегиональные модификации сепаратизма в современной России: политологический анализ.....	128

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Бирюков С.В., Рябова Е.Л. Мануэль Вальс: шанс для Франции?.....	138
Перская В.В. Национальная конкурентоспособность - условие и фактор поступательного развития России. (Обзор материалов международной научно-практической конференции).....	143
Косован Е.А. Основные характеристики украинской эмиграции в ФРГ на современном этапе (1990 - начало 2000-х гг.).....	156
Лян Чжэ. Православие в Китае: на примере китайских русских Трехречья (Северная Маньчжурия).....	160
Корнеева Е.Ю. Создание Евразийского экономического союза как новый виток интеграционных процессов на пространстве СНГ.....	166
Шарко М.В. Россия и Япония в аспекте актуальных тенденций в АТР.....	173
Терновая Л.О. Проявление сезонных отличий в международных отношениях.....	183
Аннотации	192
Авторы	199
Требования к материалам, представляемым в международное издательство «Этносоциум»	201

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АДМИНИСТРАЦИЯ ПРЕЗИДЕНТА

Смирнов А. А., генерал-майор, кандидат исторических наук.

СОВЕТ ФЕДЕРАЦИИ

Озеров В. А., председатель Комитета Совета Федерации по обороне и безопасности, представитель от законодательного (представительного) органа государственной власти Хабаровского края, кандидат юридических наук.

ВЕДУЩИЕ РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ

Михайлов В. А., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой национальных и федеративных отношений Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Калинина К. В., доктор исторических наук, профессор кафедры национальных и федеративных отношений Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Турчинов А. И., доктор социологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, декан факультета «Институт государственной службы и управления персоналом» Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Нечипоренко В. С., доктор исторических наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Пономаренко Б. Т., доктор исторических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Иларионова Т. С., доктор философских наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, генеральный директор Института энергии знаний.

Игнатов И. С., кандидат политических наук, старший советник юстиции.

Бахарев В. В., доктор социологических наук, профессор Белгородского государственного университета.

Бормотова Т. М., Федеральная миграционная служба Министерства Внутренних Дел России, кандидат социологических наук.

Данакин Н. С., доктор социологических наук, профессор Белгородского государственного технологического университета.

Дубровин Ю. Д., эксперт, доктор юридических наук, Государственный советник РФ 2 класса.

Никонов А. В., доктор исторических наук, профессор, Государственный советник РФ 1 класса, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

Белов В.Г., доктор экономических наук, профессор, Вольное экономическое общество.

Ремарчук В.Н., декан факультета «Социальные и гуманитарные науки» Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана, доктор философских наук, профессор.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Хитарова И. Ю., доктор философских наук, старший научный сотрудник Государственного учреждения культуры Государственном музее-памятнике «Исаакиевский собор», член Санкт-Петербургского философского общества.

Туманян Т. Г., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Востока.

* * *

Дон Ансельмо Сантос, доктор политических наук, профессор, г. Мадрид.

Добров П.В., доктор исторических наук, профессор, академик и член президиума Украинской академии исторических наук, декан исторического факультета Донецкого национального университета, Заслуженный работник образования Украины.

Маурицио Негри, президент Союза фольклористов Италии, член Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО).

Хорхе Марти Мартинес, Чрезвычайный Полномочный Посол.

Лана Виллебранд, кандидат социологических наук, г. Стокгольм, Швеция.

Грэм Стоуэрс, политолог, эксперт, Великобритания.

EDITORIAL BOARD

THE ADMINISTRATION OF THE PRESIDENT

Smirnov A. A., major - general, candidate of historical Sciences.

COUNCIL OF FEDERATION

Ozerov V.A., Chairman of the Federation Council Committee on defense and security, representative of the legislative (representative) authority of the Khabarovsk region, candidate of legal Sciences.

LEADING RUSSIAN SCIENTISTS

Mikhailov V.A., doctor of historical Sciences, Professor, Honored worker of science of Russia, head of the Department of national and Federative relations of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Kalinina K.V., doctor historical Sciences, Professor of the Department of national and Federative relations of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Turchynov A. I., doctor of sociological Sciences, Professor, Honored worker of science of the Russian Federation, Dean of the faculty of «The Institute of state service and personnel management» of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Nechiporenko V.S., doctor of historical Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ponomarenko B. T., honoured worker of higher education, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ilarionova T.S., doctor of philosophical Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of energy of knowledge.

Ignatov I.S., candidate of political Sciences, the senior adviser of justice.

Bakharev V.V., the doctor of sociological Sciences, Professor of The Belgorod state University.

Bormotova T. M., The Federal migration service of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of social Sciences.

Danakin N. S., doctor of sociological Sciences, Professor of The Belgorod state technological University.

Dubrovin U. D., expert, doctor of legal Sciences, State Advisor of the 2nd class.

Nikonov A.V., doctor of historical Sciences, Professor, State Councillor 1st class, The Lomonosov Moscow State University.

Belov V.G., doctor of economic Sciences, Professor, The Free economic society.

Remarchuk V.N., dean of the faculty of Social and humanitarian Sciences», The Bauman University, doctor of philosophical Sciences, Professor.

Hitarova I. U., doctor of philosophical Sciences, senior researcher employee of the State institution of culture the Museum Complex The State Museum St Isaac's Cathedral, a member of Saint-Petersburg philosophical society.

Tumanyan T.G., the doctor of philosophical Sciences, Professor, head of chair of philosophy and culture of the East.

* * *

Don Anselmo Santos, doctor of political Sciences, Professor, Madrid.

Dobrov P.V., doctor of historical Sciences, Professor, academician, member of the Presidium of the Ukrainian Academy of historical Sciences, Dean of the historical faculty of Donetsk national University, Honored worker of education of Ukraine.

Maurizio Negri, President of the Union of folklorists Italy, a member of the United Nations Educational Scientific and Cultural Organization (UNESCO).

Horhe Marti Martinez, Ambassador Extraordinary Plenipotentiary Ambassador.

Lana Villebrand, candidate of sociological Sciences, Stockholm, Sweden.

Graeme Stowers, political scientist, expert, UK.

А

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

РАНХиГС при Президенте РФ

Санкт-Петербург

Бессонов Е.Г.,

*кандидат философских наук, доцент, руководитель лаборатории
современных проблем социальной инженерии СПбГАУ*

Информационно-алгоритмическое познание социума как путь выхода из глобализационного кризиса

Сегодня, в век информационно-технологического развития общества мы наблюдаем то, что человечество находится в глобализационном кризисе. Причина его в том, что представители различных культур и цивилизаций не могут договориться о совместном решении ряда вопросов в области жизнеобеспечения деятельности на планете в процессе построения глобальной человеческой цивилизации. Проявления этого кризиса происходят во всех сферах жизнедеятельности общества, начиная от военных противостояний, заканчивая тупиком в ряде направлений развития фундаментальной науки, связанным с морально-психологическими аспектами деятельности человека. Однако, не правильно понимать, что именно морально-психологические аспекты деятельности человека являются причиной глобализационного кризиса. Как отмечают московские исследователи Е.Л. Рябова и Л.О. Терновая «одним из культурологических факторов дестабилизации стало и проецирование силового вектора внешней политики стран Запада в западный мир, что объяснялось борьбой с террористической угрозой. Однако такая политика явилась фактором, угрожающим национальной и культурной идентичности»¹. Сама по себе морально-психологическая сторона кризиса связана с проблемой информационно-алгоритмического обеспечения. На практике это выражается очень просто: люди в своих действиях допускают ошибки, и всё чаще, эти ошибки становятся критическими. Люди зачатую пытаются что-то изменить, понимая, что что-то они делают не верно, но по какой-то причине они либо просто не решают поставленных перед собой задач, либо ещё больше усугубляют ситуацию. В чём суть такого явления в современном обществе?

Это явление носит многоаспектный характер, однако, несомненно, оно происходит из того, что люди не способны правильно воспринимать информационные потоки. По простому, они не умеют разбираться в той информации, которую получают ежедневно в процессе своей жизнедеятельности, не имеют возможности различения. Если вспомнить то, что информация не существует сама по себе, а всегда имеет некое смысловое, существенное содержание, относящееся к конкретному объекту, процессу или явлению, который

1. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Задачи межкультурного взаимодействия в конфликтном мире // Политика и национальный вопрос: проблемы, пути, решения. –М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2011. –С. 57.

несёт эту информацию, то это означает, что люди не понимают суть этих объектов, процессов и явлений. К примеру, я нашел ключ, который имеет внешнее сходство с ключом от моего кабинета. Думая, что это он я вставляю его в замочную скважину и, проворачивая, ломаю. Из строя выходит замок, я не могу попасть в кабинет, не решаю важные организационные вопросы, процессы теряют устойчивость в управлении и так далее. Маленькая ошибка в информационном обеспечении – и всё! Ошибочный результат может быть даже не исправим.

Почему же мы не умеем различать суть окружающих нас процессов, явлений? Несомненно, это связано с различием информации. Это зависит от того, как нас учат воспринимать информацию. Есть информация, которую мы различаем, а о которой даже не задумываемся. Разберём этот вопрос более подробно.

Информация может отвечать на вопросы: Что? Где? Когда? Такая информация несёт ответ на вопрос: какое событие или явление произошло, в каком месте и в какое время. Человек, получающий информацию на такой основе, может обладать большим количеством знаний о явлениях окружающего нас мира, в том числе, человеческого общества. В качестве примера давайте обратим внимание, что большинство интеллектуальных телевизионных игр основано именно на этих трёх вопросах. То есть лучшим знатоком-интеллектуалом может стать человек, который знает большее чем другие количество так называемой фактологической информации. И, действительно, всё наше прошлое – это набор фактов, событий, имеющих время, место, некую внутреннюю сущность. Не знать мы их вроде и не можем, но с другой стороны, знать их все просто не возможно. Такую информацию мы будем называть фактологической, а педагогику, построенную на её основе – фактологической педагогией. Дадим краткий критический анализ. Изучая действительно большое количество разнообразных фактов, и даже, разбираясь в сути ряда явлений и процессов зачастую человек не в состоянии связать один факт с другим, увидеть взаимосвязь явлений, которые на прямую между собой не связаны. То есть, он не обладает так называемым «системным» мышлением или методологией.

Тогда какие информационные потоки формируют «системную» информацию, а вместе с ней учат понимать взаимосвязи, взаимозависимости и взаимообусловленности объектов, явлений и процессов окружающего нас мира? Информация может отвечать на вопросы: Как? Зачем? Почему? Это иной уровень информационного обеспечения нашего сознания. Рассмотрим подробнее эти вопросы. Вопрос «как?», собственно отражает возможность выбора пути следования, «дороги» по которой мы идём. Отсюда и такое понятие как

методология – наука о методах, с древнегреческого – путях или способах действия. Вопрос «зачем?» (за чем) определяет в нашем сознании последовательность движения – от чего к чему идём. Это системный вопрос, формирующий представление о том, что мы называем идеалами и целями. Он подводит нас к более сложному информационному обеспечению, обеспечению ещё более высокого уровня. Вопрос «почему?» (по чему) заставляет нас задуматься, на основании чего мы идём именно эти путём. То есть он подводит нас к тому, что есть то, что мы привыкли называть ценностями и принципами. Информацию, основанную на этих вопросах мы будем называть методологической информацией, а педагогику, построенную на её основе – методологической педагогией. Методологическая педагогика позволяет сформировать в человеке видение взаимодействия, взаимозависимости и взаимообусловленности элементов на прямую между собой не связанных. Однако, сделаем критическое замечание, увязывать элементы в единое целое и представлять тенденции и направленность их развития совсем не одно и то же. Увязав ряд элементов в единое целое, мы получим статичную картинку, мозаичный набор фактов, а мир динамичен. В нём нет статики. Статика мира может представляться только в нашем сознании и отражать его действительную сущность, но только в данный конкретный момент времени. Возвращаясь к началу данной статьи, можно сказать, что одна из существенных ошибок в принятии человеком решений на любом уровне (от личной и семейной жизни до глобальных общечеловеческих вопросов) кроется как раз в том, что человек принимая решение, опирается на отраженную в его сознании картинку, запечатлевшую мир в его статичности, то есть его прошлых проявлениях. А мир изменился. Различил ли эти изменения человек, вносил он поправку в момент принятия решения на будущие изменения? Если человек этого не понимает, то – нет. Например, командир корабля, уходящего в автономное плавание должен уметь прогнозировать и различать все те изменения, которые влияют на живучесть корабля и заблаговременно корректировать действия всех служб в зависимости от возможной внешней и внутренней обстановки. А кроме этого, он должен четко понимать цель к которой движется корабль. Если этого командир (или капитан) не понимает, то результат может быть печален. Примером этого может служить катастрофа лайнера «Costa Concordia» в январе 2012 года. Еще один печальный пример неразличения информации такого уровня – авария на Саяно-Шушенской ГЭС, произошедшая 17 августа 2009 года. К сожалению таких примеров сегодня можно привести очень много, когда в заключении экспертов значитса просто: виноват «человеческий фактор». Но что это за «фактор»? До сих пор никто не задумался над описанием этого вопроса. Пора исправить эту ошибку и задуматься в чём его суть. А суть его в вышесказан-

ном – цели и тенденции люди зачастую не различают, живя на основе фактов прошлого в единожды выстроенной ими картине мира.

Получается, есть третий уровень информационного обеспечения, который отвечает на вопросы: С какой целью? Какова тенденция? Такую информацию будем называть алгоритмической информацией, а педагогику, построенную на её основе – алгоритмической информацией. Эта информация по сути включает в себя и фактологию и методологию. Но уже не бездумную фактологию, основанную на принципе: знать как можно больше, чтобы быть самым умным; и не всякую методологию: есть пути, ведущие в Ад (образно говоря). Здесь речь идёт об осознанном выборе необходимых для бескризисной деятельности фактов и путях ведущих к развитию и построению системы, а не различных взаимосвязей между элементами, которые иногда в тенденциях своих ведут все элементы вместе к гибели. Это уже не система, это какое-то временно устойчивое состояние ряда элементов, которое рано или поздно обрушится.

Тогда весь процесс выработки решения, включая корректировку объекта в процессе конкретного действия, осуществляемого над ним мы можем называть информационно-алгоритмическим обеспечением процесса. И если нет осознания этого у человека и общества, то мы как «Costa Concordia» пойдём ко дну, и поведёт нас к нему этот самый «человеческий фактор».

Если вернуться к содержанию нашей работы, то можно ещё добавить, что каждому уровню информационно-алгоритмического обеспечения будет соответствовать своя часть процесса познания. Фактологический уровень – это уровень знаний, методологический уровень – уровень понимания, алгоритмический уровень – уровень осознания. Осознание – это то, чему должно учить современное общество через систему образования.

Таким образом, понимание и различение информационных потоков – это управляемый процесс, зависящий от того, какую информацию нас научили различать. Современная система образования строится, как правило, на фактологической информации с некоторыми элементами методологического мышления. В информационный век, век построения глобальной общечеловеческой цивилизации обучение наших детей необходимо строить не просто на фактологической информации. Даже методологическая педагогика сегодня не решит современные проблемы. Необходимо учить различать цели и видеть тенденции развития объектов, процессов и явлений окружающего нас мира. Информационно-алгоритмическое обеспечение и основанная на нём система образования позволяет не просто различать цели, а понимания методы работы даёт инструментарий для корректировки движения элементов к нужным нам целям.

Почему возникает такая сложность с различением динамики процессов и

выставления целей своего развития? На наш взгляд – это ошибка, связанная с вопросом о смысле жизни (мировоззренческая ошибка). Петербургский философ Т.Н. Бессонова пишет: «Раздробленность, хаотичность мирозерцания становится всё более и более угрожающим для будущего человечества и, в следствии этого, для природы»¹ Сегодня у многих отсутствует понимание смысла жизни каждого конкретного человека, а сам вопрос жизни сводится к материально-техническому обеспечению своих семей и родственников, а также к получению максимума удовольствий по мере своей нравственности. Вопрос о том, что каждый человек является участником тех или иных процессов, что он сам может корректировать их ход, изменять их, разрушать или создавать что-то вокруг себя значимое для многих людей сегодня просто не ставится. А если речь идет о смысле жизни, что зачастую он преподносится как некая абстракция. Почему абстракция? В основе смысла нашего существования лежат некие базовые (субъектные) ценности как внутренние основания выбора цели и средств деятельности². В качестве базовых ценностей приводятся примеры денег, власти, любви, патриотизма, справедливости, гуманизма и прочего. Давайте просто попробуем определить каждое из этих понятий. И станет ясно, что это слова – номинализации³. У людей нет единства в определении этих терминов. Раз нет единства, значит говоря о ценностях, мы, по сути, говорим о наборе ряда абстракций. То же и в отношении идеалов. Коммунизм, социализм, либерализм, демократия – абстракции. Но как же так? Смысл жизни – это абстракция? В сознании каждого конкретного человека смысл жизни – это нечто неопределённое, абстрактное, и, поэтому, лучше о нём не думать. Но ведь поступки-то мы совершаем конкретные? Смысл жизни – абстрактный, поступки – конкретные: вот и ошибка информационно-алгоритмического обеспечения работы нашего сознания. Если говорить о конкретике, то оказывается её можно выстроить для понимания и начала осознания своей деятельности. Возможно это не полное представление, но на данном этапе оно представляется достаточным для постановки задач. Если идеалы абстрактны, то конкретны всегда будут цели, если ценности абстрактны, то конкретны принципы. Цель всегда конкретна. Нельзя абстрактно родить ребёнка, вступить в брак или положить на личный счет миллион евро. Принципы также конкретны: после меня хоть потоп, цель оправдывает средства, сила или уважение.

1. Бессонова Т.Н. Социокультурные проблемы мировоззренческой безопасности // Социальное насилие в истории и его трансформация в условиях социально и личностно ориентированных обществ в постиндустриальной цивилизации (материалы межвузовской научно-практической конференции 20 декабря 2013 года). –СПб.: Петродворец, ВИ ЖДВ и ВОСО, 2014. –С. 83.

2. См.: Сагатовский В.Н. Философия развивающейся гармонии (философские основы мировоззрения). –Ч.2. Онтология (Мир и Человек: укоренён ли Человек во Вселенной?) // авторский курс в трёх частях. –СПб.: издательство С.-Петербургского университета, 1999. – 272 с.

3. Воедилов Д.В. НЛП по-русски. –М.: «Издательство ФАИР», 2008. – с. 34.

Вся проблема кроется в том, что современное знание, описывающее мир останавливается на методологической картине мира. Методологическая картина мира, включающая в себя калейдоскоп фактов не учитывает динамику процессов бытия. Современное социальное знание должно говорить о тенденциальной картине мира, вводящий в наше сознание осознанное отношение к тенденциям и целям, то есть к нашему будущему, основанному на нашем прошлом. Такая картина мира, и основанное на ней мировоззрение позволит научиться корректировать жизненные принципы и выставлять цели, ведущие нас к развитию, обучать этому других; отвергать те цели, которые нас разлагают и деградируют личность. Сформировать подобную картину мира возможно, когда будут существовать экспертные информационно-технические центры, в которых будут учить разбираться в многоуровневых информационных потоках, в которых не будет запретной информации, а каждый информационный уровень займёт правильное место в нашем сознании.

В качестве выводов отметим:

Фактологическое знание является только лишь основой методологического познания мира и человека; методологическое знание – это ступень к освоению и осознанию ответственности за будущее; алгоритмическое знание формирует в человеке осознание возможности изменения реальности на любом уровне, прежде всего, сторону развития.

Представление о мире, основанное только лишь на одной из нижних ступеней информационно-алгоритмического обеспечения ведёт человека к информационному рабству, то есть зависимости от людей, обладающих более высокими степенями познания.

Современная система образования не решает задач, связанных с формированием тенденциальной картины мира. Для формирования тенденциальной картины мира следует использовать новые формы и методы обучения (например, дистанционное обучение), позволяющие охватывать максимальное количество пользователей развивать учебные заведения, адекватные времени.

Местные власти при тесном взаимодействии с бизнесом должны формировать учреждения нового типа, включающие в себя кружки технической направленности (для формирования системного мышления у школьников) и экспертные информационные центры (для формирования созидательной информационной среды)¹.

1. См.: Дмитриева Ю.В. Информационная безопасность России в условиях глобализации // Ключь: философско-общественный альманах Пушкинского центра аналитических исследований и прогнозирования. Выпуск 7. –СПб., 2013. – С. 109 – 114.

Лоло М.М.,

кандидат политических наук,
эксперт в области взаимосвязей политики и кинематографа

Музей кино в формировании политической культуры

Известно, что слово «музей» еще в античные времена обозначало дом муз, которые были покровительницами искусств. Естественно, с появлением каждого нового вида искусства его творцы и поклонники говорили о рождении новой музы. Называли муз живописи и скульптуры, кулинарии, политики. Но ни к одной из них определение «десятая муза» не прижилось, а закрепилось за музой киноискусства, которую считают младшей из муз, поскольку кино представляет собой синтез литературы, изобразительного искусства, театра и музыки, но еще и органично отражающий все технические достижения, что дает основание наименования этой музы на древнегреческий лад Технэ.

Как бы ни были спорны утверждения о приоритете определенных видов искусства, построенные на критерии наличия у них покровительниц, подобных древним музам. Обращение к истории хранилищ художественных сокровищ позволяет судить, насколько сложно фиксировать ценности технического века, отличающегося повышенной мобильностью. Это как раз и фиксируется именем Технэ. Но предложение иметь музу кино искусства подчеркивает значимость собирания кинематографических коллекций и систематизации их в музейном пространстве, а ее имя - особые технические сложности экспонирования их так, чтобы выполнялись все требования презентации экранного документа и процесса его создания широкому кругу зрителей. Кроме того, техника репрезентации истории всегда является репрезентацией власти.

Необходимость образования музеев кино была достаточно рано осознана деятелями киноискусства разных стран. К этой их подталкивало понимание того, что без погружения в тайны кинематографического процесса зритель не будет верно воспринимать кинопродукцию. А увеличение ее объемов сопровождалось одновременным процессом уничтожения ранее созданных и вышедших из проката кинолент. Исключительно ценным представлялся опыт кинематографистов разных студий, относящихся к различным национальным школам. Таким образом, идеи музеефикации кино отвечали как внутренним нуждам молодого искусства и его создателей, так внешним потребностям, когда общество нуждалось в хранилище визуальной памяти¹.

1. Сапанжа О.С. Современный художественный музей: на службе человечеству или человеку? // В поисках музейного образа: Материалы науч. конф. Науч. ред. О. Г. Махо. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007.

Одним из первых музеев кино становится Французская Синематека (фр. Cinémathèque Française), основана в 1936 г. Жоржем Франжю и Анри Ланглуа, как некоммерческая организация, с целью реставрации и сохранения кинолент и их демонстрации новым поколениям зрителей. В настоящее время в ее фондах сосредоточено более 40 тысяч фильмов, а также тысячи связанных с ними материалов: сценарии, эскизы, декорации, костюмы, аппаратура, афиши, фотографии. Синематека сохраняет статус частной организации, но три четверти ее бюджета финансируется государством. Ежегодно Синематека приобретает до 150 новых фильмов.

В Италии Национальный музей кино (ит. Museo Nazionale del Cinema) в Турине был создан в 1941 г. режиссером Альберто Барбера. Турин был выбран не случайно, потому что в Турине в 1905 г. Карло Росси совместно с немецким предпринимателем Реммертом, учредили общество «Карло Росси и К°» (Корсо Казале, 91)¹. В этом городе был снят и первый немой фильм производства компании Itala Film. В 1982 г. в Музее родился Туринский кинофестиваль. С 2000 г. эта обширная коллекция пленок (около семи тысяч фильмов), фотографий, плакатов, предметов со съемок фильмов располагается в знаменитой башне Mole Antonelliana. В Музее представлены самые первые, простейшие кинокамеры, старинные проекторы, позволяющие проследить за развитием кинематографа. Экспонируются также предметы из относительно недавних фильмов, например, более 600 фигур, использованных при съемках «Звездных Войн». Библиотека Музея может похвастаться огромным количеством книг – их более 20 тысяч. Ленты из фильмотеки демонстрируются в одном из кинотеатров Массимо. В Музее находится документальный центр, развивается образовательная деятельность, проводят реставрационные работы и исследования по вопросам сохранения фильмов как истории кино и общества.

Предшественником Амстердамского музея кино был Голландский исторический архив фильмов, основанный в 1946 г. В 1952 г. появился непосредственно Filmmuseum. С 1975 г. он размещается в Вонделпарке (нидерл. Vondelpark). Есть еще несколько площадок. В музее хранятся голландские фильмы, а также иностранные фильмы, снятые в Нидерландах, афиши, плакаты, фотографии. Самые ранние материалы относятся к началу кинопроизводства в Голландии в 1895 г. Музей имеет свой собственный видео и DVD знак, а также участвует в производстве фильмов, исторических программ, театрализованных представлений и публикаций по истории кино. Некоторые голландские кинопродюсеры снимают свои фильмы под эгидой Filmmuseum. В музее ежедневно проходит

С. 6-17; Терновая Л.О. Музей – дыхание памяти // Государственная служба. 2012. № 1. С. 94-98.
1. Садуль Ж. Всеобщая история кино. Т.1. М., 1958.

несколько сеансов, на которых предлагается широкий набор лент, начиная от классики, культовых фильмов, программ для детей. Основной упор сделан на уникальные фильмы с историческим значением. Специальные театральные представления сочетают немного кино с театром и музыкой. С 2003 г. функционирует выставка, отображающая жизнь самого музея. В Filmmuseum хранится самая большая коллекция книг о кино, справочников и видеозаписей. В читальной зале можно ознакомиться с газетными подшивками о кино.

В Берлине официально музей кино был создан в 1963 г. известным режиссером Герхардом Лампрехтом, имевшим собственную крупную коллекцию, которую в 1962 г. передал Сенату Берлина. Эта коллекция и легла в основу Немецкой синематеки. Лампрехт руководил ею до 1966 г. Первоначально это было научное учреждение под названием Немецкий музей кино и телевидения. Но после его переезда на Потсдамскую площадь в одно из зданий комплекса Sony Center часть коллекции стала доступной для обозрения широкой публике, а сам музей получил с 2006 г. в дополнение к прежнему названию и статус Немецкого киноархива. С немецкой скрупулезностью работники музея собирали все, что касалось истории и технологии создания фильмов. Сейчас в берлинском музее свыше 13 тысяч копий уникальных кинолент, начиная с эпохи немого кино, выдаваемых напрокат в некоммерческих целях всем желающим. В запасниках содержатся не только десятки тысяч сценариев, плакатов, миллионы фотографий, но и огромная коллекция входных билетов в кино. В 13 залах, отведенных под экспозицию, можно увидеть всю историю кино. Но главное, есть возможность попробовать себя в качестве светорежиссера или оператора на действующей исторической аппаратуре. Есть залы, предназначенные для обновляемых тематических экспозиций. А постоянные экспозиции посвящены известным кинорежиссерам и их работам, принесшим им мировую славу, например, Фрицу Лангу - фильм «Метрополис», Роберту Вине - фильм «Кабинет доктора Калигари», Лени Рифеншталь - фильм «Олимпия». Отдельными экспозициями представлено творчество Марлен Дитрих, а также периоды нацистского кино и кино послевоенного периода. Отдельная экспозиция посвящена телевизионной части кинотворчества. К развлекательной части относятся экспозиция с «живыми» актерами, которые бесконечно отражаются в зеркальном зале. Также отражены материалы, раскрывающие секреты спецэффектов в кино, что помогает представить кинематограф как «волшебный фонарь». В Германии есть музеи кино и в других городах (Франкфурте-на-Майне, Дюссельдорфе).

London Film Museum был создан сотрудниками лондонского института

кино Дэвидом Френсисом и Лесли Хардкастлом в 1988 г. как Музей Движущихся Образов. В нем была собрана богатейшая коллекция, посвященная истории кино с самых первых шагов его развития. Однако, в связи с трудностями финансирования в 1999 г., он прекратил свою работу, несмотря на популярность. Это вызвало недовольство лондонской общественности, и по истечению почти десяти лет под наименованием Лондонский музей кино он возродился в двух филиалах: в Саут-Банке в Ковент-Гардене.

Постоянная выставка в Саут-Банке освещает жизнь и карьеру великого Чарли Чаплина: его рождение, бедное детство и юность, первые роли и моменты славы. Множество фотографий, газетных статей, сценариев, 35-миллиметровая камера, все фильмы и задумчивая фигура Чарли в центре. Имеется красочная экспозиция, созданная воображением гениального постановщика спецэффектов фантастических фильмов Рэя Харрихаузена, создателя кинотрилогии про путешествия Синдбада. Его кукольные монстры поражают зрителей неправдоподобной убедительностью и реализмом. Жуткая мифическая медуза со змеями на голове из «Битвы титанов», скелет-воин с мечом в костлявых пальцах из «Ясона и аргонатов» производят неизгладимое впечатление.

В 2008 г. часть экспонатов под названием Movieum стала экспозицией филиала в Саут-Банке. Movieum был организован Джонатаном Сэндсом на волне успеха выставки 2007 г., посвященной Звездным Войнам. Более половины коллекции было взято из частного архива Сэндса. Представлено множество декораций и из других известных фильмов. Грандиозная фигура Чужого и злоежащая стальная голова Терминатора пугают и завораживают зрителя своим реализмом. Пинхэд, антигерой серии Hellraiser, протягивает руку со скрюченными пальцами. Расслабиться и отдохнуть можно на желтом диванчике в компании Симпсонов. Часть выставки посвящена Гарри Поттеру. Посетитель может почувствовать таинственную и магическую атмосферу, поиграть с метлами, волшебными палочками, примерить шляпу, костюм. Музей дает возможность на короткое время почувствовать себя частью съемочной площадки. Изнанка всех передовых киностудий оказывается как на ладони. Проводятся специальные экскурсии-семинары для более глубокого ознакомления с основами дизайна, информационных технологий и киноискусства в целом.

В 2010 г. от названия Movieum отказались в пользу London Film Museum. У музея хорошие отношения с киностудиями и коллекционерами, что позволяет постоянно пополнять коллекцию. Интерьер сочетает сложный фотомонтаж, рисованные от руки элементы, стильные вывески, баннеры и плакаты, узнаваемые детали индустрии кино. В результате получается привлекатель-

ная смесь разных исторических периодов, подчеркивающая главный смысл экспозиции. Музей имеет оригинальный логотип.

В филиал в Ковент-Гардене главное пространство отведено истории кино. Экспозиции рассказывают о развитии технологии движущегося изображения с 1890 г: театре теней, механическом кинематографе, световом фонаре, анимации, истории знаменитых киностудий Elstree, Pinewood и Shepperton. С декабря 2012 г. большим успехом пользуется выставка Lights, Camera, London! Она посвящена истории Лондона в кино. На черно-белых фотографиях и кинокадрах оживают лондонские рынки, улицы и вокзалы первой половины XX в. Экспонаты показывают роль британской столицы в судьбах известных режиссеров, актеров, писателей, преступников, монархов раскрывается с новой и необычной стороны. В одну волнительную и будоражащую воображение картину сливаются Оскар Уайлд, викторианская эпоха, бандитские 1930-е гг., Вторая мировая война, Альфред Хичкок, рок-н-ролл, Мэрилин Монро, футбол и кино.

Не так давно открылся первый в истории Испании музей кино и кинотехнологий (исп. Museo del Cine) в здании бывшего кинотеатра «Париж» в городе Вильярехо-де-Сальванес провинции Мадрид. Создателем музея стал предприниматель Карлос Хименес, который на протяжении полувека собирал коллекцию кинотехники. Первые экземпляры кинокамер ему достались от отца. Сейчас он является владельцем сети, состоящей из 13 мадридских кинотеатров. Испанский музей кино занял территорию в 1000 кв. м. Экспозиция состоит из семи тематических выставок, на которых представлены раритетное и современное кинооборудование, исторические фотоматериалы, киноафиши и документы. Всего в коллекцию музея входит 500 кинопроектов разных эпох, 30 из них являются самыми первыми моделями. А два проекта принадлежали самим братьям Люмьер. Также посетители музея могут увидеть первое оборудование для создания спецэффектов - калейдоскопы, перфорированные зеркала, камеры-обскуры, праксиноскопы. Скульптурным символом экспозиции стала семиметровая статуя «Оскара».

Американская академия киноискусства, которая является организатором премии «Оскар» также стала инициатором проекта «Музей художественного фильма» в Лос-Анджелесе. Возглавил работы по созданию музея директор компании Walt Disney Боб Игер с помощью актрисы Аннетт Бенинг и продюсера Тома Хэнкса. Они поставили задачу создать музей мирового уровня о кино.

В Советском Союзе Государственный центральный музей кино был создан в рамках Государственной академии художественных наук (ГАХН) в конце

1920-х гг. В 1932 г. ГАХН упразднили и собранные первым директором Г. Бол-
тянским ценные материалы, в частности, первые киноаппараты, сценарии,
эскизы, плакаты разошлись по разным архивам, частично пропали. В 1947 г.
по ходатайству С. Эйзенштейна учреждается Сектор истории кино в Инсти-
туте истории искусств Академии наук СССР, в 1948 г. - киноархив (Госфиль-
мофонд). А создание Музея кино отложено. В 1960-е гг. Правление Союза
кинематографистов СССР организовало Музейную комиссию под руковод-
ством режиссеров Л. Трауберга и С. Юткевича. Было начато строительство
Киноцентра на Пресне, где должен располагаться киномузей. Но строитель-
ство затянулось, проект здания много раз пересматривался, хотя в нем пос-
тоянно присутствовал и площадки Музея кино. С 1984 г. на базе Киноцентра
на Пресне начал работать Музейный отдел Всесоюзного бюро пропаганды ки-
ноискусства, в марте 1984 г. реорганизованный в Центральный музей кино.
Его рождение совпало со 100-летием со дня рождения Чарльза Чаплина. Уна
Чаплин совместно с фирмой «Баблз» подарила Музею фильм «Великий Дик-
татор» (1940), показом которого 31 марта открылся Большой зал Киноцентра.
В достроенном здании на Пресне располагаются фондовые хранилища, вы-
ставочные залы и система кинозалов, в которых начинается показ отечест-
венного и мирового кино по музейным принципам.

В 1992 г. Музей кино превращается в самостоятельную некоммерческую
культурно-просветительскую организацию, которую учреждают Государст-
венный комитет РФ по кинематографии, Министерство культуры России,
Конфедерация союзов кинематографистов и Союз кинематографистов Рос-
сии, затем к ним присоединяется «Совэкспортфильм». В 2001 г. принято реше-
ние о придании Музею кино статуса государственного. В здании Киноцентра
на Пресне Музей располагал четырьмя, а первоначально - шестью, кинозала-
ми на 40-200 мест, регулярно проводил заседания тематических кино клубов:
«Японского», «Немецкого», «Оперного», «Анима-клуба» и др., ежегодно пред-
ставлял свою ретроспективную программу на Московском международном
кинофестивале. Но 30 ноября 2005 г. музей остался без собственного помеще-
ния, перевезя фонды на территорию киностудии «Мосфильм».

Потеря Музеем кино кинозалов и хранилищ получила широкий общест-
венный резонанс. Однако его вряд ли можно было сравнить с молодежными
бунтами в защиту Французской Синеотеки в 1968 г. Но и принижать факт
высокой активности заинтересованной части граждан невозможно, ибо
письмо с выражением протеста против выселения Музея кино, размещенное
в Интернете, подписали более шести тысяч человек. Было образовано «Обще-

ство друзей Музея кино», которое провело ряд митингов и пикетов в поддержку Музея кино, собравших несколько сотен участников. На этих собраниях выступали режиссеры А. Митта и братья Дарденн, киноведы А. Трошин и А. Плахов и др. Слова поддержки Музею кино передали известные российские и зарубежные кинематографисты: Б. Бертолуччи, К. Тарантино, директор Венецианского фестиваля М. Мюллер и др. Группа молодых российских кинорежиссеров (А. Герман-мл., А. Звягинцев, И. Хржановский и др.) привлекла внимание европейской общественности к проблемам Музея кино на 62-ом кинофестивале в Венеции (2005). В июле того же года по просьбе немецких кинематографистов вопрос о Музее кино затронул в беседе с Президентом РФ В.В. Путиным канцлер ФРГ Г. Шрёдер. Сейчас есть подвижки в начале полноценного функционирования данного музейного собрания¹.

Коллекция Музея состоит из научной библиотеки, рукописного фонда, включающего архивы киноорганизаций и личные архивы кинематографистов, изобразительного фонда (эскизы декораций, костюмов, персонажей, раскадровки и прочие материалы, отражающие работу художников кино), фонда анимации (куклы, марионетки, эскизы, графика), предметного фонда (аппаратура, приспособления для киносъемки, фотоаппараты, стереоскопы), плакатного фонда. Самым многочисленным музейным собранием является фототека, где хранятся негативы (оригиналы и пересъемки), фотоотпечатки, слайды, открытки, а также срезки кадров, вошедших и не включенных в монтаж фильмов.

Понятно, что из-за отсутствия помещения работа с фондами серьезно затруднена. В то же время музейные работники периодически проводят выставки в сотрудничестве с рядом музеев Москвы и различными культурными организациями. Так, образовательная программа «Век кино» знакомит зрителя с развитием художественных направлений и школ в истории киноискусства. В последние несколько лет Музей развивает региональные синематеки в Перми, Норильске, Владикавказе и Беслане.

Кроме того, Музей кино продолжает участвовать в международной культурной деятельности, сотрудничая с зарубежными культурными организациями, посольствами иностранных государств, что позволяет организовывать уникальные программы японского, итальянского, немецкого, чешского, польского, финского кино и кино других стран мира. Ежегодно проводятся показы фестиваля современного итальянского кино N.I.C.E. (англ. New Italian Cinema Events). Этот фестиваль курируют: Министерство культурного достояния и деятельности в сфере культуры – Генеральное управление кинемато-

1. Кармунин О. «Задача у нас одна - чтобы Музей кино работал» // Известия. 2014. 8 июля.

графии, Министерство иностранных дел (Посольство Италии в Москве, Консульства и Итальянские институты культуры в Москве и Санкт-Петербурге), комитет по культуре при муниципалитете города Флоренции, правительство области Тоскана, Кинокомитет области Тоскана при Региональной медиатеке фонда «Система Тоскана».

В начале 2000-х гг. возникла идея создания Петербургского Музея кино. Начало положила программа из трех фильмов, посвященная японскому режиссеру Ясудзиро Одзу в конце 2001 г. Был найден экспозиционный принцип: кинопоказ как экспонат, тематическая рубрика как стеллаж экспозиции, программа как хранилище и запасник. Это помогло созданию концепции виртуального музея, как наиболее соответствующей времени и обстоятельствам. Сейчас Петербургский Музей кино является неотъемлемой частью культурного ландшафта города, а диапазон его работы значительно расширился: пополняется архивный фонд, появились тематические фотоэкспозиции, возникла регулярная программа «Киноэнциклопедия», ставшая настоящей синематекой для зрителей.

Для чего же все-таки необходим музей кино и как носитель культурной традиции, и как транслятор определенной политической культуры? Во-первых, такой музей способен передавать как взрослым, так и детям наследие кинематографа, объединяя разные формы искусства, а интегративное качество киноискусства может служить основой интегративной культуры общества, без чего невозможна не просто его консолидация, но и формирование социокультурной идентичности. Во-вторых, несмотря на появление новых средств информации, облегчающих получение знаний, в мире стремительно падает уровень общей грамотности. Кино способно через распространение медиаграмотности учить учиться, овладеть инструментарием получения образования. И это способен делать музей кино. В-третьих, в современном мире есть противоречивые тенденции расширения круга общения и одновременного сужения круга получения жизненного опыта. Музей кино предлагает людям опыт, который они не смогут получить больше нигде, потому что его экспонаты воспроизводят изображение на экране таким, каким оно было создано и каким стало в пору своего расцвета. В-четвертых, цифровая техника XXI в. многое делает за человека, отсюда понятен интерес к старой аналоговой технике, которая помогает понимать окружающий мир и место человека в нем.

Интерес общества к старым фильмам, а с ним и тяга к экспонатам музеев кино отражает процесс смены принципа восприятия действительности. В послевоенной жизни сюжеты кинолент помогали отвлечься от тяжелых

социально-экономических реалий, однако, уже с начала 1960-х гг. акцент зрительского внимания переносится с сюжета на то, как киноязык отражает моменты жизни, как мастерство кинематографистов демонстрирует знакомые детали поведения киногероев, как человек приспособлен к тому, чтобы воспринимать такие детали. Кстати советский киноавангард задолго до этого формулировал и развивал программу новых киночувств: глаза, уха, тела «электрического Адама»¹. Не случайно на Западе десятилетие 1960-х становится временем подъема протестной волны, в которой заметнее всего представители молодежи, в частности, воспитанные новым кинематографом.

Сформировались два различных подхода, на каких принципах должна базироваться концепция музея кино. Условно их можно назвать берлинским и туринским. Первый - ставит во главу угла демонстрацию развития кино на фоне истории страны. Второй - раскрывает роль кинематографа как фабрики грез. Представляется, что разделение этих принципов неправомерно. Только их органичное соединение способно обеспечить эффективный вклад музея кино в формирование общей культуры и культуры политической.

Литература

1. Булгакова О.Л. Советский слухоглаз. Кино и его органы чувств. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
2. Добренко Е.А. Музей революции. Советское кино и сталинский исторический нарратив. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
3. Кармунин О. «Задача у нас одна - чтобы Музей кино работал» // Известия. 2014. 8 июля.
4. Садуль Ж. Всеобщая история кино. Т.1. М.: «Искусство», 1958.
5. Сапанжа О.С. Современный художественный музей: на службе человечеству или человеку? // В поисках музейного образа: Материалы науч. конф. Науч. ред. О. Г. Махо. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 6-17.
6. Терновая Л.О. Музей – дыхание памяти // Государственная служба. 2012. № 1. С. 94-98.

1. Булгакова О. Л. Советский слухоглаз. Кино и его органы чувств. М., 2010.

Грязнова В.Н.,

кандидат социологических наук, доцент кафедры госслужбы и кадровой политики факультета «Институт государственной службы и управления персоналом» РАНХиГС при Президенте РФ

Байтурина Г.Р.,

магистр кафедры госслужбы и кадровой политики факультета «Институт государственной службы и управления персоналом» РАНХиГС при Президенте РФ

Влияние социальных движений на кадровое обеспечение государственной гражданской службы

Вектор системного обновления государственных институтов предполагает качественное изменение кадрового обеспечения механизма государства - государственной службы. В тоже время ключевой составляющей проводимых преобразований становится ориентация на демократизацию сферы государственного управления и повышение ее социальной эффективности. По своей сути демократическое государство активно включает в процессы государственного управления институты гражданского общества, способные эффективно участвовать в выработке и реализации государственной политики, оказывать на государственную власть существенное влияние. Важную роль в этих процессах в настоящее время играют социальные движения, под которыми мы понимаем различные негосударственные структуры (общественные объединения и организации, политические партии и др.), свободно действующие коллективы, обладающие самоорганизационным потенциалом, участвующие в формировании, конструировании, реформировании российского общества, являющимися важными и востребованными субъектами прогрессивных изменений в социуме.

В условиях глобальной конкуренции, когда обостряется борьба за кадры нового формата, соответствующего вызовам современного мира и отвечающих требованиям граждан России, в качестве естественного «барьера», препятствующего приходу в систему государственного управления непрофессионалов, могут выступать социальные движения. Эффективное взаимодействие социальных движений с органами государственной власти, активная жизненная позиция членов этих движений, будет способствовать тому, что во власть будут приходить новые высококвалифицированные специалисты с практическим опытом управленческой деятельности, с государственной социально-ориентированной жизненной стратегией и привязкой к моральным ценностям общества, государства и государственной службы.

Развитие России в современном мире невозможно без научного осмысления проблемы соотношения двух фундаментальных процессов: общественной самоорганизации и сознательного управления. В практической деятельности решение данного вопроса находится в выборе оптимальной модели

взаимодействия институтов государства и институтов гражданского общества, которое в социальной реальности предстает как многоуровневая система действий различных субъектов, имеющих собственные цели, интересы и потребности, но готовых к компромиссу и взаимным уступкам для достижения общей цели и общественного полезного результата. Значимость социальных движений в том, что они способны включать человека в систему общественных отношений с целью решения общественно-значимых проблем, что делает их школой социально-политической культуры, формой гражданского участия, средством формирования активной жизненной позиции и социальной ответственности личности. Интерес данных вопросов возрастает в условиях непредсказуемости, повышенной рискогенности и динамичной изменчивости общественных процессов. Отметим тесную связь между социальными движениями и социальными изменениями. Любое социальное движение запускает механизм потока социальных изменений, трансформации социальных структур и нормативных установок, по принципу обратной связи. Поток внешних социальных преобразований влечет за собой сдвиги в законодательной системе, идеологии государства, влияют на членов движения, их ценности и внутренние мотивы. Процесс взаимного влияния создает конкурирующую эффективную среду, что влечет за собой осознание социальной ответственности сторон преобразований.

В системе государства государственная гражданская служба выступает связующим звеном между государством и социальными движениями, призванным устанавливать обратную связь с обществом, своевременно получать информацию от граждан и адекватно на нее реагировать. Неэффективность такой деятельности обостряет недоверие между властью и населением, не позволяет решать ключевые задачи социально-экономического развития. Поэтому среди приоритетов, обозначенных в период реформирования системы государственной службы, выдвигаются проблемы вовлечения социальных движений в процессы качественного изменения государственной гражданской службы.

Подчеркнем, что конструирование социальной реальности и реформирование общества в целом являются динамичными процессами, в которых в настоящее время активное участие принимают социальные коллективные движения. В последние годы в условиях кризиса традиционного политического представительства интересов отмечается общее снижение участия граждан в политике¹, например, участие в выборах, членство в политических партиях и общественных организациях, которые всегда являлись традиционными каналами гражданской мобилизации. Происходит замена привычных организаций коллективного действия новыми социальными движениями, общественными объединениями и политическими сетями, возникающими по поводу определенной проблемы и использующими стратегии прямого воздействия (забастовки, петиции, демонстрации и пикетирования), ориентированные на

1. Полис. Политические исследования». – 2008. – № 5. С. – 113-124.

выход за пределы политического контекста, дополнив его социокультурным аспектом. Для социальных движений нового типа характерна более массовая вовлеченность граждан в процесс принятия решений на всех уровнях и появление альтернативных каналов влияния на политические и общественные процессы. Масштаб деятельности новых социальных движений повышает их легитимность и эффективность. Среди таких социальных движений можно выделить объединенных стремлением укрепить обороноспособность страны граждан, создавших Общероссийское общественное движение «Добровольческое движение особого назначения (ДОН) в поддержку армии, флота и оборонно-промышленного комплекса», Общероссийскую общественную организацию «РОДИНА - Конгресс Русских Общин», среди основных целей которой выделяются укрепление в Российской Федерации традиционных форм управления и формирования гражданского общества, национального единства и гражданского мира. Именно оргкомитет Конгресса Русских Общин в 2012 году инициировал восстановление всероссийской политической партии «Родина», которая в настоящее время включает членов с высокой гражданской позицией. Одним из союзников перечисленных организаций является Фонд подготовки кадрового резерва «Государственный клуб», деятельность которого направлена на формирование патриотически ориентированного «политического класса» нашей страны, финансовую поддержку той части студенчества, которая решила связать свою профессиональную карьеру с государственной службой, а также социальной – патриотический клуб «Сталинград», который призван стать авангардом патриотов в глобальной борьбе с либеральными «элитами».

Именно в этих движениях формируется новый тип коллективного действия, для которого не обязательно наличие коллективной идентичности. Инструментом, открывшим невиданные ранее возможности для взаимодействия участников общественных объединений и движений и для непосредственного участия индивидов в деятельности локальных, национальных и глобальных сообществ, а также для широкого обсуждения проблем гражданского общества, стал Интернет, играющий роль альтернативного канала гражданской вовлеченности.

Ни одна из перечисленных технологий не обеспечивает действительных потребностей в новых кадрах государственного управления во взаимодействии государства и институтов гражданского общества. Необходимо разработать качественно новые технологии, позволяющие структурировать взаимодействие государственной гражданской службы и общественных объединений в работе с кадрами. Это позволит упростить традиционные функции, связанные с решением текущих, повседневных задач, благодаря формулированию их в терминах специфических кадровых технологий (отбора, оценки, аттестации, ведение личных дел и т.д.), потребует меньших затрат сил и средств, а

главное - минимизирует возможные ошибки и случайные сбои.

Перспективными направлениями в области кадрового обеспечения государственной гражданской службы являются:

- создание условий для формирования конкурентоспособной среды для замещения всех категорий должностей не только путем значительного повышения материального стимулирования и уровня оплаты труда, но и расширением источников;

- выделение в структуре государственного управления специальных органов, в задачу которых вошло бы осуществление мониторинга кадровой составляющей государственного аппарата и развитие взаимосвязей с общественными объединениями по работе с кадрами;

- определение степени влияния на деятельность государственных гражданских служащих социально-демографических, социокультурных и иных факторов;

- определение личностных и деловых качеств, необходимых для улучшения качества кадрового состава гражданской службы;

- разработка комплекса мер по обеспечению открытости, гласности в работе по формированию кадрового состава государственной гражданской службы с привлечением общественного сектора как в качестве контрольного органа, так и в качестве активного участника.

Активизация социальной позиции граждан, участие в деятельности социальных движений и желание профессионального взаимодействия с институтами власти будет способствовать реализации многих проектов государственного значения. Необходимо выработать технологии взаимодействия государственной гражданской службы и социальных движений в работе с кадрами для решения современных кадровых проблем и объединению усилий во взаимном кадровом обогащении на благо государства и общества, осуществляемого в рамках сложившихся культурных и ценностных стандартов.

Можно сделать вывод, что в вопросах реформирования государственной гражданской службы рассмотренные проблемы имеют существенное значение. Государственная гражданская служба накапливает, пусть не столь быстро, как хотелось бы, но положительный опыт организации своей деятельности, развивает взаимодействие с гражданским обществом.

Развитие гражданского общества, его институтов и общественных структур, усиливает и активизирует его влияние на процессы государственного управления, формирует особую социальную среду российского общества, способствующую конструктивному взаимодействию с властью, согласованию интересов, компетенций и ответственности в области регулирования общественных процессов.

Список использованных источников

1. Полис. Политические исследования». – 2008. – № 5. С. – 113-124.

Зорина О.А.,

доктор медицинских наук, магистр кафедры госслужбы и кадровой политики факультета «Институт государственной службы и управления персоналом» РАНХиГС при Президенте РФ, Первый МГМУ им. И.М. Сеченова, кафедра стоматологии факультета Института профессионального образования

Кадровое обеспечение как условие реализации кадровой политики в сфере здравоохранения

Формирование и реализация государственной кадровой политики в системе российского здравоохранения – сложный, противоречивый и многогранный процесс. Он начинается с выявления теоретико-методологических основ формирования кадровой политики в такой важной социальной сфере нашего государства, постижения ее природы и предназначения, реализации задач кадрового обеспечения отрасли. Это позволяет наиболее обоснованно определить цели и задачи, принципы и приоритеты кадровой политики как стратегии по воспроизводству, развитию и востребованности кадрового потенциала здравоохранения. Одним из наиболее важных приоритетов на этом пути является кадровое обеспечение лечебно-профилактических учреждений, научно-исследовательских и образовательных организаций, управленческих структур системы здравоохранения.

По данным статистики¹ количество врачей на душу населения в Российской Федерации (51 вр. на 10 тыс. населения) больше, чем в среднем в развитых странах. Всего врачей на 01.01.2012г - 733 тыс. чел., а в 2011г. – 716 тыс. чел. Однако наблюдается диспропорция в их распределении внутри системы оказания медицинской помощи: излишняя концентрация в стационарных учреждениях, где переизбыток врачебных кадров достигает более 100 тыс., и нехватка в амбулаторно-поликлиническом звене - дефицит превышает 60 тыс. врачей. Имеет место дисбаланс между численностью специалистов разных врачебных профилей. Количество отдельных категорий врачей избыточно, в то время как других - недостаточно. Численность среднего медицинского персонала составляет 1530 тыс.чел. (в 2011г. было 1 509. тыс. чел).

Анализ статистических данных в целом показывает, что уровень обеспеченности врачебными кадрами в целом по России за последние годы возрос, однако по субъектам Федерации заметна диспропорция этого роста более чем вдвое. Сложилась несбалансированность подготовки медицинских кадров по отдельным специальностям, а именно рост численности врачей-специалистов «узкого» профиля и уменьшение врачей терапевтического профиля (на 20,4%), педиатров (на 5,3%), санитарных врачей (на 30,7%), врачей

1. Россия: 2013. Статистический справочник/ Росстат. – М., 2013.

скорой помощи (на 8,8%) и др. Асимметрия показателей обеспеченности кадрами в субъектах Федерации, разнонаправленность имеющихся тенденций не в состоянии обеспечить равную доступность и качество медицинской помощи всех категорий населения. Также следует обратить внимание на тот факт, что в Российской Федерации по сравнению с советским периодом сократилось количество лечебно-профилактических учреждений. В 2013 году число амбулаторно-поликлинических учреждений сокращено с 21,5 до 15,6 тысяч. Количество больничных коек сократилось с 2037,6 тыс. до 1398 тысяч. Соответственно на 10 тыс. человек населения число больничных коек уменьшилось со 137,4 до 98,6 коек.

Считаем, что кадровое обеспечение системы здравоохранения, являясь приоритетным направлением кадровой политики, представляет собой масштабный процесс профессиональной ориентации, подготовки и переподготовки, научно-обоснованного формирования кадрового потенциала медицинских работников, рационального подбора и расстановки кадров, особенно в лечебно-профилактических учреждениях и управлении структурами здравоохранения. Под кадровым обеспечением можно понимать обеспечение медицинской организации эффективным персоналом и побуждение его к получению удовлетворения от работы посредством создания привлекательных условий профессиональной деятельности, безопасности, возможности продвижения.

Актуальность обозначенной проблемы определена в настоящее время ролью кадрового обеспечения в реализации кадровой политики в сфере здравоохранения как сложного, проблемного и многоуровневого явления. В концептуальном плане, а также в виде программ и мер кадровой деятельности, стратегия кадровой политики, являющейся важным видом государственной социальной политики, разрабатывается и реализуется на разных уровнях управления здравоохранением. При этом, как на федеральном (общегосударственном), так и на региональном (субъекты РФ) уровнях, она осуществляется, прежде всего, через реализацию Национального проекта «Здоровье» и совершенствование правовых основ развития здравоохранения в рыночных условиях, а затем путем осуществления мер по выполнению задач, включенных в Концепцию развития здравоохранения и медицинской науки в РФ как основы реформирования этой важной социальной отрасли страны.

Высокая социальная значимость кадрового обеспечения системы здравоохранения в условиях реформ, с одной стороны, и отсутствие научно-обоснованной интерпретации его социальной роли на всех уровнях воспроизводства медицинского персонала, обуславливают практическую востребованность

научного изучения проблематики кадрового обеспечения здравоохранения в современной России.

Важно отметить, что с начала 90-х годов XX века в нашей стране создана правовая база функционирования российского здравоохранения. Основные положения, закрепляющие профессиональные права, обязанности и регулирующие вопросы профессионально-квалификационного развития медицинских работников, содержатся в соответствующих законодательных и подзаконных правовых актах Российской Федерации, ее субъектов. Целевое предназначение подзаконных нормативно-правовых актов заключается в развитии и конкретизации законодательных норм, а также создании условий для их реализации.

Конституцией Российской Федерации установлены и действуют три системы здравоохранения – государственная, муниципальная и частная (ст.41). Для каждой из них исключительно важными и приоритетными являются задачи кадрового обеспечения, реализация направлений государственной кадровой политики в здравоохранении.

Государственная кадровая политика в российском здравоохранении реализуется в соответствии с усилением тенденции развития субъектно-объектных отношений на трех уровнях: общегосударственном (на котором разрабатывается стратегия общегосударственной кадровой политики); отраслевом (при этом реализуется кадровая политика системы здравоохранения); учрежденческом (здесь осуществляется кадровая работа, обеспечивающая обучение, подбор, расстановку и мотивацию кадров, оценку результатов деятельности врачей). Для кадровой политики в сфере здравоохранения стратегическим ориентиром и направляющим руслом является общегосударственная кадровая политика, разрабатываемая и реализуемая на протяжении последних десяти лет. Основным субъектом этой политики выступает государство, а объектом – кадровый потенциал страны, включая основную составляющую – квалифицированные кадры российского государства.

Общегосударственное значение имеют реализуемые в стране Концепция кадровой политики в здравоохранении Российской Федерации, Национальный проект «Здоровье». Современное развитие системы здравоохранения характеризуется не только оптимизацией процессов функционирования отдельных механизмов государственного регулирования, но и реализацией программно-целевого управления, определяемого Приоритетным национальным проектом «Здоровье» (далее – Проект). Реализация Проекта потребовала активизацию применения данных механизмов. Это позволило апробировать их в новых условиях развития здравоохранения, расширить содержание механизмов и выявить направления их совершенствования. Воз-

росла роль профессионально-кадрового и социально-информационного механизмов государственного регулирования системы здравоохранения.

Реализация приоритетного национального проекта «Здоровье» включает в себя комплекс мероприятий по укреплению первичного звена медико-санитарной помощи, усилению профилактической направленности здравоохранения, совершенствованию организации оказания высокотехнологичной медицинской помощи, улучшению кадрового обеспечения лечебно-профилактических учреждений.

Национальный проект «Здоровье» отнесен к приоритетным федеральным программам, которые относятся к отраслям, формирующим демографические и социально-экономические показатели развития общества, определяющие качество жизни граждан. Это - «Здоровье», «Образование», «Доступное и комфортное жилье – гражданам России» и «Развитие Агропромышленного комплекса». Внимание государства к этим областям определяет доверие населения к государственному аппарату в целом. По определению В.В.Путина: «Во-первых, именно эти сферы определяют качество жизни людей и социальное самочувствие общества. И, во-вторых, в конечном счете, решение именно этих вопросов прямо влияет на демографическую ситуацию в стране и, что крайне важно, создает необходимые стартовые условия для развития, так называемого человеческого капитала». Опыт реализации всех программ Проекта показал, что самая сложная и большая проблема российского здравоохранения - укрепление кадрового потенциала отрасли. Оказывается недостаточным лишь изыскать финансовые средства на дополнительное оснащение и капитальный ремонт лечебно-профилактических учреждений. Необходимо, к тому же, обеспечить их квалифицированными врачами и средним медицинским персоналом и выстроить логистику всего процесса оказания медицинской помощи, преемственно на всех этапах.

Кадровое обеспечение представляем как систему комплексного целенаправленного воздействия соответствующих структур здравоохранения как социальных институтов, обеспечивающих совместную последовательную деятельность по управлению профессиональной специализацией, социальным воспроизводством медицинских кадров в соответствии с потребностями ЛПУ и отрасли. Сущность стратегии кадрового обеспечения как определение перспективных целей системы профессионализации кадрового обеспечения организации, методов и времени их достижения, а также степени оценки качества реализации этих целей. По своей методологической сути стратегия кадрового обеспечения выступает в виде перспективных целей системы профессионализации кадрового обеспечения организации, методов и времени их достижения, а также степени оценки качества реализации этих целей.

Профессионализация кадрового обеспечения органов здравоохранения является комплексной функционирующей системой с определенными субъектами действия, присущими функциями и полномочиями. Она охватывает широкий круг проблем, решение практических задач, начиная от профессионального отбора и найма медицинского персонала, его профессионального развития (включая планирование и реализацию карьеры врача, расстановку кадров, служебное выдвижение, организацию аттестаций, конкурсов, квалификационных экзаменов и др.), стимулирование эффективности труда, воспитание кадров, социальное обеспечение настоящих и бывших медицинских работников.

Исходя из этого, можно дать определение профессионализации кадрового обеспечения органов здравоохранения как деятельности звеньев управления, направленной на профессиональный поиск, оценку, отбор, развитие кадров, их мотивацию и стимулирование к выполнению задач, стоящих перед государственными органами. Система профессионализации кадрового обеспечения должна включать в себя систему механизмов, операций, технологий кадровой деятельности органа государственного управления.

С учетом опыта и уроков от реализации Концепции кадровой политики в здравоохранении РФ более предметно и основательно стратегические направления кадровой политики отражены в Концепции развития здравоохранения в Российской Федерации до 2020 года (далее – Концепция). Здесь в качестве приоритетной цели здравоохранения, как важной социальной отрасли страны, выделено повышение эффективности ее деятельности, прежде всего, за счет качественной подготовки врачебного корпуса, повышения профессионального уровня (знания, умения, навыки) работающих врачей лечебно-профилактических учреждений (далее – ЛПУ).

Концепция включает результаты комплексного анализа состояния отрасли, а также основные цели, задачи и способы его совершенствования на основе применения системного подхода. Концепция разработана в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права в области здравоохранения и с учетом отечественного и зарубежного опыта.

В ряде субъектов РФ уже разработаны программы дальнейшего развития этой отрасли. Показателен пример учета опыта и уроков реализации Концепции Правительством г. Москвы. Здесь реализуется Государственная программа Москвы на среднесрочный период (2012-2016гг.) «Развитие здравоохранения города Москвы «Столичное здравоохранение». Цель программы состоит в улучшении состояния здоровья жителей столицы и повышении доступности и качества медицинской помощи для жителей города. В столи-

це действуют 806 медицинских учреждений городской системы здравоохранения, около пяти тысяч негосударственных медицинских организаций. В реализации программы участвуют 115 стационаров, 453 поликлинических учреждения города. В обеспечении медицинской помощью участвуют 47 учреждений федерального и 96 – ведомственного подчинения. Негосударственный сектор здравоохранения представлен 17 организациями, работающими в системе ОМС, а также 5000 индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами.

В городе Москве на 01.01.2012г. в ЛПУ работали около 75 тыс. врачей, в т.ч. на основной работе в учреждениях подготовки кадров, НИИ и аппаратах органов учреждений здравоохранения около 20 тыс. человек. Из общего числа врачей имеют квалификационные категории: высшую – около 30%, первую – около семи процентов. Обладателями сертификатов качества являются около 85% врачебного персонала. Третья часть кадрового состава врачей – женщины. Количественные показатели по среднему медицинскому персоналу таковы: общее количество – около 97 тыс. чел., в т.ч. более 30 тыс. чел., имеют высшую квалификационную категорию, а 60 тыс. чел. – сертификаты качества.

Современная ситуация в здравоохранении предполагает проведение глубоких преобразований в области управления кадровым потенциалом отрасли. Целью кадровой политики является подготовка и переподготовка специалистов, обладающих современными знаниями и способных обеспечить экономическую и клиническую эффективность применяемых высоких медицинских технологий и новых методов профилактики, диагностики и лечения, достижение оптимального соотношения численности врачей и среднего медицинского персонала, а также устранение диспропорций в кадровом обеспечении всех уровней системы здравоохранения.

Важно подчеркнуть, что для полноценного кадрового обеспечения здравоохранения в целом необходима эффективная реализация кадровой политики в данной отрасли, а также осуществление регулирующей и координирующей деятельности государства по отношению к кадровой политике в системе здравоохранения страны.

Представляется, что в настоящее время кадровая политика в здравоохранении должна быть направлена, прежде всего, на рациональное планирование, оптимизацию численности кадров с учетом потребности этой жизненно важной для российского общества социальной отрасли. В процессе увеличения численности кадров и структуры их размещения, необходимо сохранение и повышение качественных показателей их подготовки, развитие системы непрерывного образования, совершенствование государственных стандартов подготовки медицинских специалистов, а в целом – полноценное качествен-

ное кадровое обеспечение.

Проблема кадрового обеспечения здравоохранения – это проблема не сегодняшнего и не вчерашнего дня. Она создавалась десятилетиями. Теперь характеризуется увеличением количества врачей, с одной стороны, а с другой, – возросшей диспропорцией не только по специальностям, но и между врачами, работающими в городе и в труднодоступных районах, в первую очередь, в сельской местности.

Проблемы остаются, и чем они обусловлены? Первая причина – это весьма слабая мотивация молодых специалистов работать в труднодоступных или недостаточно доступных территориях. Второй чрезвычайно важной причиной является недостаточный контроль со стороны органов власти субъектов Российской Федерации, органов власти муниципальных образований за кадровым обеспечением лечебно-профилактических учреждений в субъектах и муниципальных образованиях с учетом прогнозирования потребностей в медицинском персонале не только на отдаленный период, но даже на ближайшие 5-7 лет.

В последние годы возникли еще две важные причины. Это – существенное улучшение материально-технической базы большого количества лечебно-профилактических учреждений в рамках реализации приоритетного национального проекта «Здоровье» и ввод в строй федеральных центров высоких медицинских технологий. Именно из-за этих двух последних вложений определился дефицит в особых кадрах, которые не имели раньше возможность работать в таких условиях. Это связано, конечно, с качеством подготовки специалистов. Не только на студенческой скамье, но и на всех этапах его профессиональной деятельности. Кадровое обеспечение здравоохранения остается напряженным. В среднем по России один врач занимает полторы ставки. В системе российского здравоохранения работают 3,1 млн. человек. Из них 17,0 проц. — это врачи, а 42,8 — средний медперсонал, 19,4 проц. — младший медперсонал. Пятая часть работников отрасли (19,6 проц.) — это прочий персонал.

Сейчас квалификационные характеристики врачей различных специальностей включены в «Единый квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих»¹. В разделе «Должности специалистов» по каждой из врачебных специальностей установлены должностные обязанности, перечень обязательных для изучения вопросов, требования к квалификации. Нормами права определено, что повышение квалификации врача организуется не реже одного раза в 5 лет в течение всей его трудовой деятельности.

1. Приказ Минздравсоцразвития России от 23 июля 2010г. №541н.

Опыт реализации программ Национального проекта «Здоровье» показал, что самая сложная и большая проблема российского здравоохранения - укрепление кадрового потенциала отрасли. Оказывается важно, но недостаточно изыскать финансовые средства на оснащение и капитальный ремонт лечебно-профилактических учреждений. Необходимо, прежде всего, обеспечить ЛПУ квалифицированными врачами и средним медицинским персоналом, выстроить логистику целостного процесса оказания пациентам медицинской помощи, преемственно на всех этапах лечения.

Анализ распределения врачебных кадров по регионам страны показывает, что во всех федеральных округах численность врачей между субъектами Федерации различается в 2-3 раза. В настоящее время диспропорции лишь возрастают, причем кадровый дисбаланс ведет к серьезным экономическим последствиям, усложняет доступ населения к системе здравоохранения. Поэтому, требуется повышенное внимание государственных органов к проблеме кадрового обеспечения, эффективного распределения и использования кадровых ресурсов ЛПУ. Недостаточная социально-экономическая и правовая база кадров здравоохранения является также тормозящим механизмом, выражающимся в несовершенных мотивационных стимулах к врачебной деятельности, низком уровне оплаты труда, несоответствии нагрузки и ответственности; слабой социальной защищенности работников здравоохранения; усилении тенденции оттока из отрасли молодых специалистов; несовершенстве нормативно-правовой базы, организации и управления кадровой службой.

Анализируя факторы, влияющие на формирование современных подходов к качественному профессионально-кадровому обеспечению лечебно-профилактических учреждений, отмечаем, что:

- собственно управление здравоохранением требует специалистов, имеющих профессиональную подготовку в области общественного здоровья и управления здравоохранением;
- усиливающиеся различия в государственной, муниципальной и частной подсистемах здравоохранения, территориальные и ресурсные различия между лечебно-профилактическими учреждениями поселения, города и регионального центра обуславливают потребность в управленческих кадрах, способных реализовывать внутриотраслевую интеграцию в здравоохранении.

К проблемным вопросам относим и слабую подготовку руководителей лечебно-профилактических учреждений по психологии, социологии, управлению персоналом. Буквально перезрела задача включения в подготовку специалистов по управлению здравоохранением юридических и экономических

основ, предметов психологической, социологической, управленческой специализации, развития навыков коммуникаций, освоения возможностей информатизации управления лечебными учреждениями.

Полагаем, что кадровая политика в здравоохранении должна быть направлена, прежде всего, на рациональное планирование, оптимизацию численности кадров с учетом потребности отрасли; научное и техническое улучшение подготовки специалистов, реализацию полноценной управленческой деятельности в отношении человеческих ресурсов здравоохранения, их эффективное размещение и использование.

Одним из содержательных направлений развития здравоохранения и медицинской науки страны, кадрового обеспечения этой социальной сферы является профессиональное развитие кадров здравоохранения всех уровней от медицинского персонала до управленческих кадров высшего звена. Как показывает анализ проблем профессионального совершенствования врачей в стране и столичном регионе, а также личный врачебный и научный опыт автора, в условиях реализации Стратегии социально-экономического развития страны вплоть до 2020 года¹ требуется «создание четкой и всеобъемлющей системы управления профессиональным развитием медицинского персонала и, прежде всего, врачей ЛПУ, находящихся на переднем крае борьбы за здоровье граждан Российской Федерации». К приоритетным задачам отнесены: управление профессиональным развитием врачей, совершенствование государственного нормативно-правового регулирования их послевузовского образования; методологическое, ресурсное и кадровое обеспечение системы совершенствования врачей лечебно-профилактических учреждений.

В последнее время Министерство здравоохранения РФ уделяет значительное внимание организации оптимальной системы по обеспечению кадрами не только субъектов Федерации, но и отдельных районов, в том числе и сельских. Медицинскими вузами осуществляется целевой прием, организация медицинских классов, лицеев, работа с территориями по проведению летних производственных практик студентов, стажировки специалистов на будущем месте работы в период обучения в интернатуре, ординатуре и т.д. Одним из путей решения проблем кадрового обеспечения отрасли в медицинских вузах становится целевой прием абитуриентов.

Получение образования в высших учебных заведениях регламентируется Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации²», а также отраслевым нормативным актом «О ведении многоуровневой структуры высшего медицинского и фармацевтического образования в Российской Федера-

1. Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года. – М., 2005.

2. Об образовании в Российской Федерации. Федеральный закон №273-ФЗ от 29.12.2012г. – М., 2013г.

ции». Подготовка специалистов с высшим медицинским и фармацевтическим образованием осуществляется на основании федеральных государственных образовательных стандартов, утверждаемых Министерством образования и науки Российской Федерации. Однако получение высшего образования является недостаточным для осуществления врачебной деятельности.

В процессе управления профессиональным развитием кадров возникает необходимость учитывать влияние различных факторов объективного и субъективного свойства. К объективным факторам профессионально-квалификационного развития врачей относим потребности лечебно-профилактических учреждений в профессионалах; высокая социальная значимость здравоохранения, в которой занят врач; требования к медицинскому персоналу, основанные на профессиональных нормах; уровень профессиональных знаний, умений и навыков врачей. К субъективным факторам профессионального развития врачей относятся индивидуальные свойства и состояние врачебного персонала: гражданская позиция, иерархия мотивов и ценностных ориентаций врачей ЛПУ.

Таким образом, кадровую политику в системе здравоохранения представляем как стратегию государственной системы здравоохранения по отношению к формированию и востребованности кадрового потенциала отрасли для поддержания организованности этой системы и эффективным осуществлением медицинским персоналом, врачами непосредственных функций по охране здоровья граждан.

Список использованных источников и литературы:

1. «Об образовании в Российской Федерации». Федеральный закон №273-ФЗ от 29.12.2012г.
2. Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года
3. Приказ Минздравсоцразвития России от 23 июля 2010г. № 541н.
4. Россия: 2013. Статистический справочник/ Росстат. – М., 2013.

Орлова Е.М.,

*психолог, психотерапевт, действительный член ОППЛ
соискатель кафедры психологии МПГУ, г. Москва*

В.М. Бехтерев о социальном значении музыки

Изменения, происходившие в последние десятилетия в социально-политической и экономической жизни российского общества, оказали свое влияние, как на культуру, так и на музыкальное искусство. Сложившиеся условия способствовали снижению популярности и востребованности профессионального музыкального образования, уменьшению числа музыкально-образованных людей (особенно среди подрастающего поколения), усилению тенденций предпочтения массовым потребителем музыкальной продукции сомнительного художественно-эстетического качества. Негативное влияние массовой культуры (в том числе и музыкальной), ослабляющее ценностные и духовные основы общества, на государственном уровне признано в качестве одной из угроз национальной безопасности в сфере культуры, что нашло свое отражение в ряде принятых документов [9, 10]. Музыка, как определял ее Б.В.Асафьев, является «искусством интонируемого смысла» [1]. Смыслы, озвученные в музыке, могут иметь как индивидуальное, так и общественное значение, заключать в себе созидательное или разрушительное начало, обладать объединяющей или разобщающей силой. К проблеме влияния музыки на слушательскую аудиторию, к исследованию механизмов взаимодействия музыкального искусства и общества подходили А.Н. Серов, В.В. Стасов, Б.Л. Яворский, А.В. Луначарский, Б.В.Асафьев, Р.И. Грубер, А.А. Альшванг, В.С.Цукерман, Ю.В. Капустин, А.Н.Сохор и др.

Некоторые вопросы влияния музыки, рассматриваемые в социальном контексте, находят свое место и в творчестве многогранного русского ученого В.М. Бехтерева, и касаются воспитательного, лечебного и гигиенического значения музыки. Основываясь на позициях естественнонаучного материализма, В.М. Бехтерев рассматривал различные аспекты влияния музыки на человека и общество с точки зрения разрабатываемой им объективной психологии и рефлексологии. Обращая внимание на то, что закладка важнейших составляющих личности происходит уже в раннем возрасте, В.М. Бехтерев в своих работах не раз высказывался о необходимости правильного воспитания ребенка. Он указывал на важность раннего музыкально-эстетического воспитания, которое не только развивает слух, но и способствует духовному преобразованию человека [2, 3, 4]. Для изучения лечебного и воспитательного значения музыки по инициативе В.М. Бехтерева была создана специальная комиссия в 1913 г.

Одним из существенных вопросов, обозначенных ученым в отношении развития музыкальности ребенка и сохранения его здоровья, с точки зрения настоящего времени, является необходимость создания условий для гигиены

слуха. Проблема экологии звуковой среды особенно актуальна на современном этапе, в условиях крупных мегаполисов, когда на ребенка уже с самого раннего возраста оказывается интенсивное информационное и звуковое воздействие. Ученый выступает за ответственное использование музыки в общественной практике, особенно по отношению к соматически и нервно больным лицам, указывает на необходимость разработки соответствующих законодательных документов в данном контексте по примеру Европы [3, 11]. Так В.М. Бехтерев писал: «В вопросе о влиянии музыки на здоровье необходимо иметь в виду еще один вопрос общественной важности. Есть лица нервные, которые с трудом и не без вреда для своего здоровья выносят музыку, особенно шумную и однообразную. Есть даже лица, подвергающиеся нервным припадкам, развивающимся в прямой зависимости от музыки. Ясно, что пренебрегать этим нельзя, ибо дело касается не только спокойствия, но и здоровья известного ряда лиц» [11].

Обращение В.М. Бехтерева к изучению проблем социальной психологии, к анализу закономерностей и условий развития общественных процессов, групп и образований происходило на фоне активных и судьбоносных перемен для всех сторон жизни России начала XX века. В своем труде, посвященном коллективной психологии (рефлексологии) [5], ученый указывает на то, что собранные вместе, благодаря общим условиям и интересам лица, представляют собой нечто большее, в своей сумме они образуют собирательную личность, функционирующую как единый целый организм. Согласно В.М. Бехтереву, изучением этой собирательной личности с помощью объективного рефлексологического эксперимента, должна была заниматься разрабатываемая им наука - коллективная рефлексология. По В.М. Бехтереву, для собирательной личности характерны общие настроения и мимико-соматические реакции, присущи коллективное наблюдение, сосредоточение и движение, проявляющиеся в различных формах деятельности и творчества. В качестве объединяющих факторов для собирательной личности выступает язык (в том числе звуковой или музыкальный), внушение и подражание, интересы и задачи, имеющие общую ценность. В.М. Бехтерев также указывал на потенциал использования рефлексологического эксперимента для исследования вопросов влияния искусства на массы и зрителей на артиста [8].

В наблюдениях ученого показано, как музыка, при всех нюансах ее индивидуального восприятия, вызывает некоторые общие процессы, проявляющиеся во внешних реакциях и поведении у воспринимающих музыку людей, собранных вместе, особенно в обстановке коллективных мероприятий. Так, согласно В.М. Бехтереву, музыка возбуждает общее сосредоточение и слушание, создает или выражает коллективное настроение, способствует организованному движению и действиям, становится предметом совместного творчества, объединяет собравшихся вместе лиц в слушательскую аудиторию концерта или профессиональный коллектив. Как отмечал ученый, музыка также способствует утверждению идей, содействует внушению, усиливая своими средствами выразительности словесное послание и вызывает подра-

жание. Музыка, выступая как символ, становится посредником в общении народов разных культур и времен, способствует реализации целей и установлению общих интересов [5]. По словам ученого, музыкальная символизация оказывается способной выразить намного больше, чем словесная [6, с.418]. Анализируя взгляды В.М. Бехтерева, представленные в его работах, можно сказать, что музыкальное искусство, являясь подсистемой культуры, оказывается органично встроенным в общемировой системно-эволюционный процесс, осуществляющий свое развитие в связи с обозначенными ученым общемировыми законами.

Рассматривая многие условия, способствующие объединению людей в те или иные сообщества, В.М. Бехтерев показывает роль слуховой деятельности в данном процессе: «Прежде всего, при посредстве слуха устанавливается однородность движения массы лиц. Достаточно указать на роль музыки в маршах, танцах и массовых гимнастических упражнениях. Такое же значение имеет пение в рабочих артелях» [5, с.104]. Указывая на способность музыки воздействовать и порождать коллективное сосредоточение и слушание, В.М. Бехтерев обращает внимание на объединяющее влияние музыки, производимое ею на слушателей в момент публично исполняемого музыкального произведения. В обстановке концерта музыкант-исполнитель становится посредником в общении слушателей, как с творчеством композиторов, так и с соответствующим культурным и историческим периодом, воплощенным в музыке [там же]. Примером коллективов, связанных общим сосредоточением, наблюдением и настроением по В.М. Бехтереву и служит театральная и концертная публика.

Разрабатывая передовые для своего времени подходы по научной организации труда, В.М. Бехтерев поднял вопрос об использовании эстетических возможностей музыки на производстве в деле облагораживания рабочей атмосферы и создания эмоционального подъема трудящихся при выполнении ими коллективных работ, требующих сложных операций и согласованности в действиях [7]. Ученый обращал внимание на потенциал применения музыки как стимулирующего, отвлекающего, облегчающего работу и восстанавливающего силы средства. С точки зрения рефлексологии музыка рассматривалась В.М. Бехтеревым как сочетательно-рефлекторный раздражитель, благодаря которому может достигаться закрепление сложных двигательных навыков, согласованность при совместных движениях и деятельности (труде, творчестве, спортивных упражнениях). В связи с чем, по В.М. Бехтереву, бывает достаточно предъявить сочетательно-рефлекторный раздражитель (музыку, звуковой сигнал), что бы заученные действия получили свое воспроизведение. Пример выработанного коллективного сочетательного рефлекса ученый приводит и в деятельности оркестра и его дирижера, в хоровом пении и театральном творчестве. По В.М. Бехтереву оживленное настроение находит свое объективное выражение, как у отдельной личности, так и у собирательной в соответствующем мимико-соматическом тоне. Характерная для бодрого настроения стеническая реакция проявляется в стремлении к

наступательным действиям и может воплощаться в том или ином вокальном, музыкальном или танцевальном творчестве. Подавленное настроение проявляется астенической реакцией и также находит свою реализацию в подходящих звуковых и музыкальных интонациях, в соответствующей пластике. Здесь точка зрения В.М. Бехтерева на биосоциальные предпосылки возникновения музыки оказывается в определенной мере созвучной со взглядами Ч. Дарвина, Г. Спенсера, Ш. Фере, К. Бюхера.

Механизм выражения и передачи с помощью музыки того или иного настроения находящимся в сообществе лицам происходит, по наблюдениям В.М. Бехтерева, путем психического эмоционального заражения и подражания. Он так же указывал на то, что подражание часто является причиной возникновения многих социальных явлений, ложится в основу различных течений и направлений в искусствах, модах, даже спустя время. Обращает внимание ученый и на важнейшую роль языка в объединении народов. Язык, как сложная система символических рефлексов, является результатом непрерывного общественного творчества на протяжении длительного времени. «Языку мы обязаны совершенствованием религии и морали, науки и искусств, даже техники» [5, с.122]. В этом отношении, продолжая мысль В.М. Бехтерева, можно сказать, что и музыкальный язык, характеризующий тот или иной народ, более всего находящий свое воплощение в национальной музыке, является мощнейшим фактором объединения народа, носителем его идеалов, самобытности и духовного иммунитета.

Выступая за планомерное изучение влияния музыки на человека с целью более рационального ее использования в повседневной лечебной и воспитательной практике, В.М. Бехтерев обозначил важные исследовательские и практические вопросы, составляющие актуальность для музыкальной социологии и в настоящее время.

Литература

1. Асафьев Б.В. Музыкальная форма как процесс. 2-е изд. Л.: 1971.
2. Бехтерев В.М. Внушение и воспитание // Гипноз. Внушение. Телепатия. М.: Книжный Клуб Книговек, Спб.: Северо-Запад, 2011. С. 171-196.
3. Бехтерев В.М. Вопросы, связанные с лечебным и гигиеническим значением музыки // Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. 1916. №1-3. С. 105-124.
4. Бехтерев В.М. Значение музыки в эстетическом воспитании ребенка с первых дней его детства // Вестник воспитания. 1915. №6. С.47-57.
5. Бехтерев В.М. Коллективная рефлексология. Пг.: Колос, 1921.
6. Бехтерев В.М. Общие основы рефлексологии человека. 4-е изд. М., Л.: 1928.
7. Бехтерев В.М. Основные задачи рефлексологии труда // Вопросы изучения и воспитания личности. 1919. №1. С. 3-51.
8. Бехтерев В.М. Перспективы рефлексологии человека // Будущее психиатрии: Введение в патологическую рефлексологию. СПб.: Наука, 1997. С. 303-305.
9. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (утв. Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537).
10. Федеральная целевая программа «Культура России (2012 - 2018 годы)» (утв. постановлением Правительства РФ от 3 марта 2012 г. № 186).
11. ЦГИА СПб. Ф.2265. Оп.1. Д.834. Л.5. Печатная копия заметки В.М. Бехтерева «О влиянии музыки на здоровье».

Гайтукиева Е.Б.,

*аспирант кафедры государственной службы и кадровой политики
РАНХиГС при Президенте Российской Федерации*

Повышение активности населения в решении вопросов местной жизни в процессе институционализации местного самоуправления

Формирование действенного местного самоуправления в России представляется одной из самых трудных задач реформирования государственного управления. На пути этого нелёгкого процесса существуют объективные трудности: экономические (затянувшееся создание рыночных отношений и муниципальной собственности), финансовые (ограниченность доходной базы и несбалансированность местных бюджетов, неумение эффективно распоряжаться финансовыми средствами и высокий уровень коррупции), социальные (распад существующей социальной инфраструктуры и многих прежних социальных связей), политические (недоверие населения к институтам власти различных уровней и нежелание пользоваться имеющимися правовыми рычагами влияния).

Далеки от совершенства организационно-функциональные структуры, формы и методы деятельности органов местного самоуправления. Это вызвано отсутствием либо неточностью целевых ориентиров и приоритетов муниципальной власти, учёта ситуационных и перспективных приоритетов в управлении. Такие проблемы негативно влияют на претворение в жизнь конституционных принципов местного самоуправления, затрудняют процесс самоорганизации общества.¹

Органы местного самоуправления призваны решать комплексную задачу: расширять возможности народовластия и укреплять публичную власть, способствовать повышению её оперативности и эффективности.

Систему государственной власти нельзя считать сбалансированной и крепкой, пока она не обеспечена эффективным самоуправлением муниципальных территорий. Конституция России провозглашает местное самоуправление как одну из основ конституционного строя, неотъемлемое условие осуществления народом принадлежащей ему власти. Но такое конституционное регулирование предполагает не только четкую организацию власти и управления на местах, но и непосредственное включение населения в процесс экономического и политического развития своей территории, без чего нельзя добиться общественной поддержки осуществляемых в стране социально-экономических преобразований.

При таком подходе население муниципального образования должно стать

1. Падерин Е.В. Конституционные основы решения вопросов местного значения в муниципальном законодательстве/ Томск, 2005, часть 23.

реальным обладателем всех прав местного самоуправления, то есть субъектом управления, с осознанной ответственностью за самостоятельное решение вопросов местного значения.

Многие имеющиеся недостатки в осуществлении развития местного самоуправления корнями уходят в непонимание гражданами сущности функции и возможностей местной власти.

В целом роль местного самоуправления в России недооценивается самим населением. Это подтверждается результатами социологического исследования¹, проведенного отделом государственной и муниципальной службы администрации главы Республики Ингушетия в феврале 2012 года. Оценка участия в деятельности местного самоуправления жителей показала, что лишь один из семи опрошенных подтвердил активное участие в самоуправленческой деятельности. Конечно, стопроцентной активности нельзя и ожидать, всегда какая-то часть населения остается пассивной. Но создавать условия для активизации интереса людей, а самое главное конкретизировать направленность и востребованность социальной активности граждан в решении различных проблем местного самоуправления крайне необходимо. Представляет в связи с этим интерес анализа такой ситуации: «Обращались ли Вы для решения какой-либо проблемы с вопросом, просьбой жалобой в органы местного самоуправления за последний год?». Положительно ответили почти половина (46,7%) из 600 опрошенных респондентов. Из них только 3,5% вносили свои предложения, пожелания. Остальное просьбы, жалобы, заявления. Причем, две трети ответивших на вопрос считают, что их проблема была полностью или частично решена. Следует отметить положительную динамику – сокращение негативных оценок отношения местных чиновников к обращениям граждан: встретили непонимание и невнимание около четырёх процентов (3,9%) респондентов, встретили неуважение и грубость – 0,58%, встретились с некомпетентностью – 1,92%. И, несмотря на то, что люди встречаются в органах местной власти с негативными проявлениями, они чаще, чем в другие инстанции (29,6% опрошенных) при возникновении проблем и необходимости защиты предпочитают обратиться именно в администрацию муниципального образования. Отмечая всё еще большой объем недостатков в работе органов местной власти, жители городских и сельских поселений в то же время подтверждают незначительное повышение авторитета местной власти. Повышение авторитета местного самоуправления в разной степени отметили 28,6% горожан и селян Республики Ингушетия.

И тем не менее, итоги опроса убеждают в сохранении традиций отчуждения граждан от местной административной власти.

Нет никакой альтернативы требованию федерального закона № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Фе-

1. Текущий архив номенклатуры отдела по вопросам государственной и муниципальной службы Администрации Главы Республики Ингушетия

дерации» о приближении местной власти к населению. И ключевым социальным фактором решения этой задачи является развитие демократических начал в управлении, привитие ценностей самоуправления гражданам России.

Исследование подтверждает сложившуюся обстановку, когда интерес простых граждан к участию в местном самоуправлении не востребован практикой администрирования управленческой деятельности. Респонденты отмечают потенциально высокую значимость гражданского участия в муниципальном управлении, однако реально это не отражается в механизмах принятия решений, а также методы формирования организационных структур местного самоуправления не создают действенных стимулов для участия населения.

Вместе с тем, отмеченный респондентами потенциал муниципальной активности граждан очень неравномерен в деятельности конкретных муниципальных образований и в среде отдельных категорий населения. Готовность к участию в местном самоуправлении городского населения в целом существенно ниже, чем сельского. В основном оно ограничивается выборами местной власти и участием в референдумах по вопросам жизни муниципального образования. Пассивность городских жителей в вопросах самоуправления порождается их убеждением в невозможности на что-либо влиять. Даже результаты выборов, по мнению многих респондентов, определяются не их волей а «административным ресурсом», «деньгами», «лоббированием кланов». Возможность участия в жизни города видится горожанам ограниченной мелкими вопросами в сфере благоустройства, тогда как в вопросах застройки, размещения гаражей, вопросов экологии они считают себя практически бесправными. Также свою неготовность участвовать в местном самоуправлении респонденты мотивировали непрозрачностью власти и отсутствием ее реальной ответственности перед населением. Респонденты зачастую не верят ни в собственную нужность органам местного самоуправления, ни в то, что за их усилиями последуют реальные результаты. Они испытывают дефицит информации о полномочиях органов местного самоуправления и хотели бы видеть, что власть предпринимает попытки диалога с жителями. То есть они ждут в вопросе сотрудничества с органами местного самоуправления первого шага со стороны власти.

По всей вероятности такое отношение к самоуправленческой деятельности объясняется не только недостаточным уровнем знаний своих прав и сфер, технологий их реализации, но и сохранившимся традиционным, патерналистским менталитетом значительной части населения, отсутствием интереса к выносимым на обсуждение собраниям, сходам, референдумам вопросам, неверием в продуктивность их обсуждения, или непродуманной шаблонной организацией мероприятий. Нельзя исключать и тот факт, что за последние годы практически утрачено чувство коллективизма, коллективной ответственности за состояние дел.

Между тем, вопросов для обсуждения и поисков путей решения проблем респонденты назвали много. Среди них: материальные проблемы (36,4% опрошенных), проблемы здоровья, лечения, лекарственного обеспечения, воспитания детей, их образования (более 17%), невозможность найти работу(49,8%), изменения в морали, пьянство, наркомания (7,5%), плохая экология (5,9%), отсутствие порядка и законности (15,9%) и другие.

Довольно часто граждане не знают о своих правах на участие в самоуправлении, но даже и о тех муниципальных услугах, которые они могут получить. Менее 29 % опрошенных заявили, что им известно о таких услугах, 38 % знает лишь о тех, которые ему нужны. Остальные ответили, что или не знает о них, или даже не понимает, что имеется в виду под муниципальной услугой.

Результаты опроса позволяют говорить о том, что Республика Ингушетия недостаточно активно и целенаправленно формирует доверительные отношения между населением и местными администрациями в реализации сущности местного самоуправления.

Доверие населения к органам местного самоуправления в определенной мере зависит от общей оценки их деятельности, поскольку именно качество жизни граждан, их социальное самочувствие в значительной степени определяет качество работы местных властей.

А такая задача поставлена Президентом Российской Федерации в его Указе от 7 мая 2012 года № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления». И в соответствии с Указом установлены критерии и порядок оценки гражданами, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и информационных технологий, эффективности деятельности руководителей органов местного самоуправления; унитарных предприятий и учреждений, действующих на региональном и муниципальном уровнях, а также акционерных обществ, контрольный пакет акций которых находится в собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности, осуществляющих оказание услуг, необходимых для обеспечения жизнедеятельности населения муниципальных образований; а также применения результатов указанной оценки в качестве основания для принятия решений о досрочном прекращении исполнения соответствующими руководителями своих должностных обязанностей.¹

Оценка гражданами эффективности деятельности руководителей, сформированная по результатам анализа мнений граждан о качестве предоставления муниципальных услуг, подлежит включению в число показателей эффективности и результативности деятельности местных администраций.

Сегодня в Республике Ингушетия по-прежнему остро стоит проблема по-

1. Постановление Правительства РФ от 12 декабря 2012 года «Об оценке гражданами эффективности деятельности руководителей территориальных органов исполнительной власти(их структурных подразделений) с учётом качества предоставления ими государственных услуг, а также применения результатов указанной оценки как основания для принятия решений о досрочном прекращении исполнения соответствующими руководителям своих должностных обязанностей»

литической и гражданской активности населения, его участия в выработке, принятии и реализации управленческих решений, в первую очередь, на муниципальном и региональном уровнях. Опрошенные в ходе проведения исследования представители органов местного самоуправления отмечали, что многие граждане продолжают относиться к местной власти как к «исполкому». Муниципалитет – это место, где, по мнению обывателей, должны решаться все их основные вопросы: выдача справок, рассмотрение жалоб по любой проблеме, регистрация документов и прав и т.д. Однако реальное место местного самоуправления в механизмах принятия решений не создаёт действенных стимулов для самих граждан в его поддержке, так как невозможно полноценно и лично влиять на процесс выработки, принятия и исполнения решений.

Призывы местной власти принять участие в субботнике, запланированных митингах, проголосовать на очередных выборах зачастую начинаются и заканчиваются на уровне формальных атрибутов. При принятии конкретных и жизненно важных решений в части распределения жилья, земельных участков, налоговых поступлений граждан, как правило, обходят. Муниципальным чиновникам их помощь бывает не нужна.

Население должно реально участвовать в процессе выработки и принятия решений в формате своего муниципального образования. В противном случае ситуация неопределённости в данном статусе граждан приводит их к тотальной пассивности и нежеланию интересоваться вопросами местного значения как политического, так и социально-экономического свойства. Граждане не должны находиться в режиме ожидания от местной власти продуманных решений по включению их потенциальных возможностей в жизнедеятельности своих поселений. Муниципальным чиновникам нужно ни что-то придумать и спустить «сверху» для исполнения, а почувствовать пульс жизни «снизу» и выработать при этом вместе с населением адекватные решения. Например, в Республике Ингушетия применяется практика «тейповых» сходов в сельских поселениях, сходов старейшин, на которых выносятся рекомендательные предложения. Задача муниципальных органов не «убить» инициативу участников этих сходов, вместе разработать механизм реализации вынесенных на сходах предложений.

Традиционными особенностями российского общественного сознания являются противопоставление власти и населения, недооценка возможности и ограниченность стремления влияния на власть и участвовать в принятии ею решений, высокий уровень иждивенческих настроений, привычка надеяться на всё готовое, безразличие населения к общим делам. В то же время, не всегда представители органов местного самоуправления заинтересованы в повышении уровня активности населения на уровне муниципалитета. Разговоры многих представителей власти о пассивности населения на самом деле выдают неспособность и нежелание властных групп по проведению систематической и комплексной работы с населением в данном направлении.

Местное сообщество должно стать основой для социального лифта гра-

ждан «наверх»: в политику, экономику, управление, науку. Для этого необходимо изменить статус и значимость местного самоуправления и подходы к его развитию. Невысокий уровень доверия населению со стороны муниципальных служащих как раз и подтверждает характерную оторванность власти от народа.

Следует выделить определённые барьеры, сдерживающие процесс институционализации местного самоуправления в результате недоучёта роли населения в решении вопросов местного значения.

Первое: недостаёт четкого определения и конкретизации социальной роли граждан как субъектов влияния на решение вопросов местного значения в муниципальном образовании. По результатам опроса, проведенного отделом по вопросам государственной и муниципальной службы Администрации Главы Республики Ингушетия, подавляющее большинство муниципальных служащих (69 %) считают, что на решение вопросов местного значения влияет глава муниципального образования, 44 % опрошенных назвали Главу Республики, 39% - местную администрацию, 31% - представительный орган местного самоуправления и только 3 % обозначили население.

Второе: состоит в определении ресурсов улучшения социально-экономической ситуации в муниципальном образовании. 65 % муниципальных служащих связывают улучшение социально-экономической ситуации в муниципальном образовании с совершенствованием федерального и регионального законодательства, 54 % - с межбюджетными трансфертами из регионального бюджета, 44% - с реализацией приоритетных национальных проектов, всего лишь 13% - с активизацией участия населения.

Третье: связано с определением причин затруднения деятельности местного самоуправления в муниципальном образовании. 67 % опрошенных видит эти причины в недостаточности финансовых ресурсов, закрепляемых за муниципальным уровнем власти, 42% - в невнимании региональных органов власти к социально-экономическим проблемам развития муниципального образования, 39 % - в незаинтересованности региональных органов власти в усилении местного самоуправления, и только 11 % муниципальных служащих считает, что решение вопросов местного значения осложняются из-за недостаточного активного участия населения, а также из-за отчуждённости органов местного самоуправления от населения.

Четвёртое: можно обозначить как определение ресурсов укрепления системы местного самоуправления в муниципальном образовании. 55% опрошенных муниципальных служащих реальную помощь в укреплении системы местного самоуправления ждут от Главы Республики, 39 % - от местной администрации, от населения муниципального образования такой помощи ожидает только 7% муниципальных служащих.

Из проведённого анализа можно сделать вывод, что высока недооценка роли населения в решении вопросов местного значения, а также налицо попусти-

тельское отношение к возможности взаимодействия власти и общества. Основная причина такого отношения к населению со стороны муниципальной власти кроется в том, как понимают муниципальные служащие сущность местного самоуправления. Муниципальные служащие, не имея достаточного понимания и осознания сущности местного самоуправления, не всегда оказываются компетентными в расстановке акцентов в ходе определения субъекта влияния на решение вопросов местного значения в их муниципальном образовании, в ходе определения ресурсов улучшения социально-экономической ситуации и укрепления системы местного самоуправления в их муниципальном образовании, а также причин затруднения деятельности местного самоуправления.

Муниципальные служащие должны осознавать, что низкий уровень активности населения в решении вопросов местного значения, неверие граждан в возможность оказывать влияние на принимаемые решения и их недоверие органам власти порождены работой самих органов местного самоуправления.

Местное самоуправление как социальный институт по определению должен опираться на волю граждан, всемерно способствовать увеличению политической активности населения. Только в этом случае срабатывает понятие местного самоуправления, сформулированного в федеральном законе от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ о том, что местное самоуправление в Российской Федерации это форма осуществления народом своей власти.

Итак, целевая предопределённость, организованное взаимодействие и практическая востребованность социальной активности граждан в решении различных проблем муниципальных образований является фактором ускорения процесса институционализации местного самоуправления.

Литература:

1. Бабун Р.В. Местное самоуправление и муниципальное управление: современные проблемы. – Обнинск: институт муниципального управления, 2010.- 200с.
2. Бабичев И.В., Смирнов Б.В. Местное самоуправление в современной России: становление и развитие. Историко-правовые аспекты: монография/ М.: Норма: ИНФРА-М. 2014.-528с.
3. Болховитина Т.С. Традиции и инновации в государственном и муниципальном управлении: ресурсы и технологии модернизации. Сборник материалов 7 Международной научно-практической конференции/ Брянск: изд-во Брянского филиала РАНХиГС, 2011.-620с.
4. Зотов В.Б. Справочник муниципального служащего.- Ростов н/Д: Феникс, 2009.- 351с.
5. Зотов В.П. Система муниципального управления - 5-е изд., Ростов н/Д: Феникс, 2010 – 717с.
6. Иванов В.В., Коробова А.Н. Муниципальное управление: Справочное пособие - 2-ое изд., доп.-М.: ИНФРА-М. 2009. 718 с.
7. Магомедов К.О. Актуальные проблемы государственной и муниципальной службы: Сборник научных трудов, М.: МАКС Пресс, 2009.- Выпуск 6.-248с.
8. Понеделков А.В. (руков.) и др. Эффективность самоуправления муниципальных образований городских и сельских поселений (опыт России и Германии): материалы международной научно-практической конференции, 14 апреля 2011 г. Ростов-на-Дону, Изд-во СКАГС, 2011 г.
9. Падерин Е.В. Конституционные основы решения вопросов местного значения в муниципальном законодательстве/ Томск, 2005, часть 23.
10. Российское местное самоуправление: итоги муниципальной реформы 2003-2008 гг. Аналитический доклад Института современного развития, 2009.

МГТУ им. Н.Э. Баумана

Александров А.А., ректор

Миротворческая деятельность: основы, особенности и вызовы нового времени

Организация Объединённых Наций является ведущей межправительственной организацией и главной площадкой для обсуждения всех важнейших международных проблем. Она была создана в 1945 году и в настоящее время объединяет 193 государства. Основными целями ООН являются: развитие межгосударственного сотрудничества в различных сферах деятельности, поддержание международного мира, стабильности и безопасности. Для выполнения задач по поддержанию мира исключительную роль играет миротворческая деятельность ООН. Она актуализировалась по причине того, что региональные вооружённые конфликты начинают всё больше угрожать миру и международной стабильности.

Международное вмешательство в вооружённый конфликт осуществляется только тогда, когда все доступные дипломатические средства по поддержанию мира оказываются малоэффективными. В этом случае, согласно главе VII Устава ООН, применяются более решительные меры воздействия на противоборствующие стороны. Совет Безопасности может наделить коалицию стран-членов ООН особым полномочием использовать «все необходимые средства», вплоть до военной силы, чтобы решить конфликт. В главе VII Устава ООН закреплены различные меры для подкрепления решений Совета Безопасности, такие как эмбарго, политические и экономические санкции, возможность использования военной силы для обеспечения полномочий. Однако, проведение военных операций предусмотрено в исключительных случаях и только под руководством Совета Безопасности ООН.

Правительства государств начинают все чаще обращаться к Организации Объединённых Наций с просьбой о помощи в урегулировании конфликтов. Если в течение первых сорока лет миротворческой деятельности ООН было учреждено 13 операций, то с 1988 года было организовано 55 новых операций. В настоящий момент активными считаются 15 миротворческих операций и 1 специальная политическая миссия в Афганистане.[1] В пиковый период, который пришелся на 1993 год, общая численность задействованного на местах военного и гражданского персонала ООН из 77 стран достигла более 80000 человек.[2]

В определенных случаях миротворцы ООН становятся единственным гарантом урегулирования конфликта мирным путем и сохранения жизни гражданского населения. Конфликты становятся всё более частым явлением в современных международных отношениях. А события, произошедшие в Ира-

ке, Афганистане и Ливии, свидетельствуют об актуальности рассматриваемого вопроса о миротворческой деятельности ООН.

Институт миротворчества – это мощный инструмент в руках международного сообщества. Роль миротворцев была оценена по заслугам в 1988 году, когда Силы ООН по поддержанию мира были удостоены Нобелевской премии мира.

Основная цель миротворческих операций состоит в том, чтобы прекратить вооруженное противостояние и принудить конфликтующие стороны использовать дипломатические меры для разрешения конфликта. В этой связи миротворчество можно определить, как: «политическую, дипломатическую, экономическую, гуманитарную, военную деятельность, или их комплексное сочетание, направленную на предупреждение, урегулирование или разрешение спора, конфликта, осуществляемую с согласия конфликтующих сторон, преимущественно мирными способами, в соответствии с мандатом международной или региональной организации».[3]

Непосредственное руководство миротворческими операциями осуществляет Генеральный Секретарь ООН (лично или с помощью заместителя по вопросам поддержания мира, специальных посланников или миссий). Механизм управления миротворческими контингентами в процессе проведения операций складывается из трех управленческих уровней:

1 - стратегический (высший) - обеспечивающий управление в звене «учреждающий операцию по поддержанию мира орган (штаб-квартира ООН, ОБСЕ, СНГ, ОАЕ и др.) - объединенный штаб миссии»;

2 - оперативный (средний) - управление в звене «объединенный штаб миссии - штаб национального контингента»;

3 - тактический (исполнительский) - управление в звене «штаб национального контингента - подчиненные части и подразделения».[4]

Согласно Уставу ООН Генеральный Секретарь может предложить вниманию Совета Безопасности любую проблему, по его мнению, угрожающую международному миру. Генеральный Секретарь может выступать в качестве посредника на заключительных стадиях переговоров или прибегнуть к методам превентивной дипломатии для предотвращения эскалации конфликта. Превентивная дипломатия включает в себя комплекс мер по недопущению возникновения конфликтных ситуаций, их разрешению на ранней стадии, до перерастания в военный конфликт, и ограничению масштабов военных действий, если таковые уже начались.

После окончания активной фазы конфликта силы ООН, как правило, начинают выполнять полицейские функции, направленные на поддержание институтов местного управления, которые будут укреплять мир и стабильность в регионе. Их полномочия распространяются на военную безопасность, гражданский правопорядок, защиту прав человека, помощь в проведении де-

мократических выборов, организацию работы органов местного самоуправления, здравоохранения, образования и восстановление экономики.

Многие международные и гуманитарные организации под эгидой ООН играют важную роль в процессе восстановления стран, укрепления доверия к национальным и местным органам управления. ООН оказывает помощь в репатриации беженцев, уничтожении противопехотных мин, восстановлении инфраструктуры и оздоровлении экономики пострадавшего региона. Подобная деятельность способствует установлению прочного мира в регионе и создает условия для дипломатического решения сохранившихся противоречий.

В состав миротворческой миссии, наряду с военнослужащими входят сотрудники гражданской полиции, врачи и другие гражданские специалисты. Миротворцы привлекаются к решению таких задач, как доставка и охрана гуманитарной помощи, разоружение и демобилизация бывших комбатантов, оказание помощи бывшим противникам в осуществлении мирных соглашений, содействие в подготовке гражданских полицейских, контроль их деятельности, помощь в организации выборов и наблюдение за их проведением. Каждая из подобных задач, возложенных на международный контингент, и способы их осуществления, должны быть четко прописаны в мандате, выдаваемом Советом Безопасности ООН. Работая совместно с учреждениями ООН и другими гуманитарными организациями, миротворцы помогают беженцам возвращаться в свои дома, занимаются обезвреживанием наземных мин, обеспечивают безопасность гражданских специалистов и соблюдение прав человека. Выполняя задачи, они обязаны регулировать свои действия, с учётом международного статуса миссии.

Военнослужащие и полицейские, задействованные в операциях по поддержанию мира, остаются в составе своих национальных формирований и носят форму вооруженных сил своей страны. Их принадлежность к миротворцам обозначается голубыми беретами, касками и отличительными знаками ООН. Приписанные к миротворческим миссиям военнослужащие, получают денежное довольствие в соответствии с их рангом и шкалой окладов в национальных вооруженных силах. Расходы стран, добровольно предоставляющих персонал для операций по поддержанию мира, компенсируются Организацией Объединенных Наций. Гражданский персонал миссии составляют специалисты из Секретариата ООН, государственных учреждений стран-участниц, либо люди, работающие на контрактной основе.

Все миротворческие операции утверждаются в Совете Безопасности ООН. Он определяет их масштабы, ставит цели и задает временные рамки. При этом постоянные члены Совета Безопасности – Великобритания, Китай, Российская Федерация, США и Франция – могут наложить вето на любое решение, касающееся проведения операции. ООН не обладает собственными вооруженными силами и полицейским персоналом, а государства-члены могут

самостоятельно решать, принимать участие в операции или нет, а в случае согласия, какой персонал и прочие ресурсы они готовы предоставить.

Успех операции зависит от четкости сформулированных задач и практической осуществимости выданного мандата, эффективности командования из Военно-штабного комитета и на местах, наличия политической поддержки и достаточного финансирования со стороны государств-членов, а также сотрудничества конфликтующих сторон.

Проведение операции утверждается с согласия руководства страны, где предполагается размещение контингента. Миротворцы не могут быть использованы для поддержки одной из конфликтующих сторон в ущерб другой. Основой эффективной деятельности миротворцев можно назвать то, что они являются нейтральной и объективной силой, а также представляют международное сообщество и это делает их присутствие в зоне конфликта полностью легитимным. Военнослужащие, входящие в состав миротворческого контингента ООН, оснащены легким стрелковым вооружением и легкой бронетехникой. Они имеют право на применение силы исключительно в целях самообороны либо в тех случаях, когда вооруженные лица препятствуют выполнению поставленных в мандате задач. Полицейский персонал, как правило, не вооружен.

Необходимо различать операции ООН по поддержанию мира и иные формы международного военного вмешательства. В определенных случаях Совет Безопасности ООН может разрешить государствам-членам использовать принудительные меры, вплоть до применения военной силы, для урегулирования серьезных вооруженных конфликтов, а также для устранения угрозы мирному населению. Основываясь на подобной санкции, государства создавали военные коалиции во время конфликта в Корее в 1950 году, а также для прекращения вторжения Ирака в Кувейт в 90е годы.

Для стран, в которых проводятся операции Организации Объединений Наций по поддержанию мира, особенно важным является тот факт, что основными для миротворческой деятельности ООН являются принципы непредвзятости и беспристрастности, так как это позволяет:

ограничить негативные последствия для национального суверенитета принимающего государства, к которым могут привести иные формы иностранного военного вмешательства;

подтолкнуть стороны, участвующие в конфликте, к диалогу, в виду того, что ни одна сторона не получает поддержки в ущерб другой;

привлечь внимание к проблемам, связанным с последствиями конфликта, которые в противном случае могли остаться незамеченными или сознательно скрытыми.

Для международного сообщества проведение операций ООН по поддержанию мира должны стать первым этапом мобилизации всех международ-

ных сил. Необходимо показать, что мировое сообщество выступает за мир и безопасность, что, в свою очередь, поможет ограничить распространение противостоящих друг другу альянсов, способных усугубить конфликты. Это позволит странам разделить ответственность, связанную с принятием мер по урегулированию конфликтов, и приведет к увеличению эффективности действий в области гуманитарной и миротворческой политики.

Нельзя не признать, что роль Организации Объединённых Наций в вопросах поддержания мира очень велика. Однако сегодня, роль ООН при разрешении конфликтов, угрожающих безопасности мира, все чаще пытаются свести к исполнению наблюдательных функций, её резолюции игнорируются, а деятельность и мнение инспекторов не учитываются.

В настоящее время на международной арене основной силой проведения миротворческих операций обозначила себя Организация Североатлантического Договора (НАТО). Данный военно-политический блок, основанный 4 апреля 1949 года в США, объединяет большинство стран Европы, США и Канаду.

В конце XX века, в связи с распадом Организации Варшавского Договора, НАТО потеряла своего непосредственного противника. Для сохранения альянса необходимо было найти новые цели для применения военного потенциала. Одной из таких целей стало проведение миротворческих операций, что было отражено в стратегических концепциях НАТО. Альянс стремится играть ключевую роль в системе европейской и мировой безопасности. При этом НАТО всячески пытается изменить саму суть миротворческой деятельности ООН и утвердить свою самостоятельную и независимую роль в разрешении любых возникающих в мире конфликтов. И если раньше миротворческие операции ООН были в максимальной степени нейтральными, то теперь миротворцы нередко стали занимать позицию той стороны конфликта, которая проводит политику более выгодную для США и НАТО. В последнее время ООН становится организацией, призванной сглаживать последствия вмешательства сил, которые, не имеют никакого отношения к миротворческим операциям, проводимым под эгидой Организации Объединённых Наций. США и их союзники уже давно не воспринимают резолюции ООН как безусловное руководство к действию. Они отвели ей роль «старой бабушки, которую все слушают, но никто не слушается».[5]

В Вашингтонском договоре об основании Североатлантического блока было положение о возможности проведения альянсом миротворческих операций под эгидой и по мандату ООН. Однако до 90-х годов XX века НАТО не принимала участия в миротворческой деятельности, хотя возможностей для этого и в то время было не мало (например, гуманитарные катастрофы в ряде африканских стран, в Юго-Восточной Азии, Индонезии и других регионах планеты).

По причине возвышения Североатлантического блока во главе с США над самой значимой для мирового сообщества организацией – ООН, следует рас-

смотреть, как НАТО применяет на практике свои миротворческие концепции. Самой показательной с этой точки зрения, была операция НАТО на Балканах. С её помощью НАТО старалась занять свое место в системе международных миротворческих организаций. В начале, НАТО действовала как часть международной миротворческой системы, но затем стала самостоятельной организацией, способной действовать без одобрения ООН.

Одним из основных направлений стратегической концепции НАТО, принятой в Риме в ноябре 1991г., был контроль за военно-политическими кризисами. Была разработана концепция «управление кризисами», заявленными элементами которой были оказание всяческого давления и возможность применение войск в целях достижения стабильности и урегулирования конфликтов. Балканский кризис был отличной возможностью для апробации данной концепции, но и попыткой закрепить правовую независимость НАТО от ООН и ОБСЕ.

США и НАТО сыграли ведущую роль в судьбе Афганистана. Многие называют антитеррористическую операцию в Афганистане акцией возмездия за события 11 сентября 2001 года. Поскольку, изначально поставленные задачи выполнены не были, зато погибло большое количество мирных граждан, а страна погрузилась в состояние хаоса. Главное заключается в том, что 20 декабря 2001 года в ООН была принята резолюция №1386, санкционировавшая создание Международных сил содействия безопасности в Афганистане. В дальнейшем, ответственность за контроль обстановки в Афганистане руководством МССБ была возложена на НАТО. Это свидетельствует о кризисе ООН как международной организации, вызванном нежеланием или невозможностью пойти против США и их военной мощи, или тем, что страны-члены СБ ООН не решаются противиться политической воле державы, проводящей столь агрессивную внешнюю политику.

Точно так же получилось в случае с Ираком, когда, только Россия и Германия высказали мнение, что военная акция преждевременна. Однако все остальные были уверены, что инспекторы ООН найдут то самое химическое оружие, о котором так много говорили представители США. Но сегодня, все забыли об официальной причине военного вмешательства в эту страну. Теперь США насаждают в Ираке свою демократию, а ответственность за восстановление страны собираются возложить на ООН.

Последним примером «современного миротворчества» являются события в Ливии. Несмотря на принятую 17 марта 2011 года резолюцию 1973, не предусматривавшую военной операции на территории Ливии, 19 марта стартовала операция «Одиссея Рассвет». Были нарушены все принципы международного права и положения Устава ООН, относящиеся к регулированию миротворческой деятельности. В операции были использованы новейшие разработки американских и европейских военных конструкторов. Был полностью про-

игнорирован принцип непредвзятости, являющийся основополагающим для успешной миротворческой операции. Войска коалиции грубо нарушили положения принятой резолюции и общие нормы Устава ООН. Вместо того, чтобы остановить кровопролитие, они приняли в нем самое активное участие.

Во всех рассмотренных случаях миротворчества, при подмене сил ООН силами НАТО, гуманитарные цели отошли на второй план, а проведенные под прикрытием резолюций Совета Безопасности операции превратились в инструмент глобальной политики США, отводя ООН роль пассивного наблюдателя.

Исходя из выше сказанного, можно сделать вывод о том, что в настоящее время ООН является единственной международной организацией, способной проводить миротворческие операции, действительно ведущие к урегулированию конфликтов. Только неукоснительное соблюдение Устава ООН и основополагающих принципов миротворческой деятельности способно помочь мировому сообществу выйти из многих кризисных ситуаций, несущих прямую угрозу международному миру и безопасности. Силовые акции других организаций и блоков, проводимые в обход Устава или решений Совета Безопасности ООН, являются грубым нарушением принципов международного права и подрывают суверенитет стран проведения таких операций. Международное сообщество должно жестко реагировать на подобные действия, а также активно участвовать в разработке и проведении миротворческих операций под эгидой Совета Безопасности ООН, чтобы вернуть организации прежний авторитет в вопросах сохранения мира и безопасности.

Список литературы

1. Официальный сайт Организации Объединенных Наций. <https://www.un.org/ru/>.
2. «Операции ООН по поддержанию мира и урегулированию конфликтов» / А.Горбачёв // Безопасность Евразии. 2003г. - №4.
3. Ремарчук В.Н. Современное миротворчество: политические и военные проблемы: Дисс. докт. фил. наук. – М.: ВУ, 1998, С. 24.
4. Ремарчук В.Н. Современное миротворчество: политические и военные проблемы: Дисс. докт. фил. наук. – М.: ВУ, 1998, С. 224.
5. «Иракский кризис и мировая политика» / В.Дахин // Обозреватель, 2003г. - №4.
6. The Blue Helmets. A Review of United Nations Peace-keeping. 2nd ed. UN DPI. N.Y., 1990.

Филатова Т.В.,

*кандидат политических наук, доцент кафедры «Политология»
МГТУ имени Н.Э. Баумана*

Феномен самоуправления

Современный мир с его противоречивыми тенденциями в части выявления оптимальной модели государственного устройства так и не смог выработать однозначного ответа. Рассуждения о ценностях самоуправления, федерализме и преимуществах передачи полномочий местным органам власти зачастую наталкиваются на фактические примеры усиления унитаристских тенденций в различных государствах и регионах мира.

В качестве наиболее актуального примера можно привести ситуацию на Украине. Украинская государственность строилась на принципах унитарного государства, несмотря на глубокие социокультурные, экономические, этнические и исторические различия регионов. В итоге, разразившийся кризис показал не только неустойчивость подобной системы, но и ее косность и неспособность к динамичным изменениям внешней и внутренней среды. Сказанное не означает, что развитие местного самоуправления способно было бы разрешить или не допустить кризис на Украине. Однако его развитие могло бы послужить одним из факторов стабилизации обстановки.

Ситуация в Российской Федерации позволяет говорить о формировании более устойчивой системы государственного управления с достаточно широкими правами местных органов власти. Однако данное утверждение справедливо лишь в сравнении с теми же украинскими реалиями или с другими нашими соседями в постсоветском пространстве, которые сталкиваются с очевидными проблемами при попытке выстроить четкую централизованную модель управления страной. В этой связи можно упомянуть и Грузию, которая также не смогла выработать оптимальную модель в отношениях с регионами и оказалась в остром кризисе.

Если же рассматривать российскую ситуацию обособлено, то становится очевидным, что проблема внедрения эффективного самоуправления в систему государственного управления является одной из основных.

Современной российской государственности без малого 25 лет и за это время практика местного самоуправления показывает, что в России пока не сложилось устойчивой тенденции на расширение либо на сокращение данной формы власти. За эти годы Россия переживала периоды бурного расширения полномочий местных властей и масштабной централизации власти. Излишняя концентрация власти в центре порождает коррупцию, неэффективность государственного управления в части скорости принятия решений и учета местных особенностей. В тоже время излишне широкое делегирование пол-

номочий местным властям также ведет к коррупции, сложностям с рекрутированием местных элит, которые начинают формировать так называемую клиентелу, а также оказывает влияние на растущую диспропорцию в уровне развития различных регионов единого государства.

Как показала практика крайние формы организации взаимодействия Федеральной и местной власти порождают нестабильность и влияют на эффективность управления. В настоящий момент, российское общество и власти находятся в поисках баланса в государственном управлении для минимизации рисков и создания основы для поступательного развития. Для успеха данного начинания уместно обратиться и к историческому опыту.

Как и при анализе многих других процессов, происходящих в социально-политической сфере общества, в вопросе самоуправления, история не дает однозначных ответов, представляя лишь пищу для размышления. Тем более обобщить огромный мировой опыт самоуправления непросто, учитывая значительные различия между историческими эпохами, цивилизационными условиями и региональными особенностями. Тем не менее, можно утверждать, что феномен самоуправления на протяжении всей истории выступал значимым фактором устойчивости государственных образований.

Если несколько отойти от правового толкования местного самоуправления, которое главенствует в современной теории государственного управления, и смотреть на феномен самоуправления в более широком политологическом поле, то можно констатировать многообразие форм организации местного управления, которые можно наблюдать в исторической ретроспективе.

Единой теории местного самоуправления на сегодняшний день не существует, так как существует многообразие форм самоуправления, которые показывают свою эффективность непосредственно на конкретной территории. В практике же местного самоуправления обычно выделяют два исторически сложившихся типа самоуправления – англосаксонская и континентальная модели. Хотя, естественно, история местного самоуправления не ограничивается западным миром, и каждый регион имеет свои традиции в организации государственного управления. Тем не менее, западный опыт наиболее исследован и структурирован, что облегчает его анализ и осмысление.

Отличия англосаксонской и континентальных систем местного самоуправления достаточно существенны. В первом случае, это безусловная выборность местных органов власти, высокая степень их реальной самостоятельности в принятии решений, а также фактическое сращивание органов местного самоуправления и государственной власти.

Континентальная система местного самоуправления имеет большую степень иерархичности, выборность тут соседствует с назначаемостью, центральная власть обладает большими полномочиями для контроля над решениями местной власти.

Однако эти усредненные модели не дают готовых рецептов. У каждой страны существует свой опыт организации местного самоуправления. И Россия тут не исключение.

Историки вопроса вспомнят о глубоких исторических традициях народной демократии и самоуправления, которые были характерны для древних русских городов Новгород и Псков. Широко известна и история реформ Александра II в области местного самоуправления, связанная с земством.

Были и очевидные неудачи в области построения эффективной системы самоуправления. Так, масштабные реформы Петра I в данной конкретной области не привели к какому-либо эффекту. Советский опыт также можно считать скорее неудачным: декларируя народовластие и власть советов народных депутатов, советская система в итоге превратилась в строго иерархичную и достаточно костную в принятии необходимых решений структуру.

Однако при более детальном анализе можно обнаружить, что рассмотренные формы самоуправления являлись скорее экспериментом в российской истории. При этом гораздо более укорененная тенденция к тотальной централизации управления прослеживается на всем протяжении российской истории. Более того, излишняя централизация государственного управления рассматривалась многими исследователями как одна из проблем развития России, тормозом на пути внедрения прогрессивных начинаний в области государственного управления.

Естественно, абсолютизировать негативные или позитивные аспекты какого-либо явления в политической жизни общества при строго научном подходе не верно. Концентрация властных полномочий в различные исторические периоды в России позволяла достичь впечатляющих успехов в общественном развитии. Однако затянувшиеся периоды такой концентрации неизбежно порождали потребность в организации системы местного самоуправления. В любом случае, местное самоуправление в России всегда являлось вторичным фактором развития государственного управления, и зачастую развивалось как полностью подчиненная система в отношении центральной власти.

Несмотря на попытки внедрения эффективной структуры местного самоуправления, практика подобных решений в российских условиях всегда вызывала сомнения. Этому находили объяснения и в ментальности русского народа, и в традициях централизации власти, и в неэффективности местного самоуправления перед лицом внешних угроз. Тем не менее, во все исторические эпохи в российском обществе существовала потребность в организации, отвечающей интересам общества системы местной власти. И современная эпоха не является исключением. Причем основной особенностью данного исторического периода является повышенное влияние на систему самоуправления в национальных государствах «извне». Речь идет о влиянии такого явления как глобализация.

Глобализация в политической области сегодня стала столь же очевидна, как и глобализация в экономической и культурной сферах. «В настоящее время отчетливо формируется глобальная политика, которая оказывает влияние на суверенитет национальных государств. Политическая глобализация преобразует современный мировой порядок, реконструируя традиционные формы национальной государственности и перестраивая международные политические отношений».¹

Столь же очевидной становится и потребность в модернизации отдельных государств, которая вызвана глобализационными процессами. В мире, который стремительно меняется, причем не только технологически, но и структурно, традиционные промежутки времени становятся гораздо более насыщенными событиями, инновациями, что в конечном итоге приводит к существенным изменениям в системе государственного управления. Казалось бы, глобализирующие факторы обладают консолидирующим качеством. Ведь сегодня гораздо актуальнее говорить о мировой экономике, чем об экономике отдельных государств, о мировой безопасности, чем о безопасности локальной. Но в то же время, глобализация явственно показывает разрыв между теми, кто собственно и является флагами данного процесса и государствами-аутсайдерами, которые без проведения структурной модернизации, неизбежно оказываются «на обочине» современных процессов, прежде всего, информационных. Сказанное справедливо и в отношении государственного управления, и в формировании эффективной системы местного самоуправления.

В тоже время нельзя абсолютизировать глобализацию и сводить все внутривластные процессы к влиянию данного, безусловно, значимого, явления современного мирового развития. Как совершенно верно заметил российский исследователь Т.И. Макогон «Глобализация и локализация – параллельно протекающие процессы. Ни одно место не может быть чисто локальным, государство – только национальным, глобус – только глобальным, это показывает, что исследование в форме шкалирования объединяет важные пространства, которые друг друга пересекают, перегружают и друг на друга влияют»². В этой связи, местное самоуправление играет важную и многоплановую роль. С одной стороны, оно также подвержено изменениям и модернизации. Оно изменяется, впитывая передовой зарубежный опыт, отвечая на запросы местного сообщества. В этом смысле, местное самоуправление можно представить в виде динамично развивающейся структуры в динамично меняющемся мире.

Одновременно с этим, местное самоуправление в эпоху глобализации становится фактором устойчивости государственных образований, когда

1. Выхватень В. А. , Кузьмина Ж. Ю. Глобализация в политике// http://www.rusnauka.com/13_NPN_2010/Politologia/65480.doc.htm

2. Макогон, Т. И. Местное самоуправление как ресурс ограничения глобализации / Т. И. Макогон // Вестник ТГУ. – 2008. – № 317. С. 231

центральные власти неизбежно сталкиваются с необходимостью интегрироваться в различные надгосударственные структуры, делегируя им некоторые аспекты своего суверенитета. В этих условиях местное самоуправление оказывается в роли хранителя национальных традиций управления. Иными словами, вместе с известной долей динамики, местное самоуправление предстает во многом устойчивой структурой. Этот тезис созвучен с мыслями российских исследователей феномена самоуправления С.П. и Н.С. Дуревых, которые писали, что «самоуправление ... не только сводится к достижению реформаторских целей государства, но и представляет собой средство поддержания его целостности, его оптимального функционирования и развития»¹.

Фактом является расширение деятельности и сфер компетенции местного самоуправления. Многие центральные правительства под влиянием глобализационных изменений провозглашают курс на более тесную интеграцию в рамках различных региональных объединений. В то время как вопросы регионального значения переносятся на органы власти местного самоуправления. Однако наиболее актуальным вопросом следует считать определение границ ответственности центральной власти и местного самоуправления.

Так, на местный уровень переходят многие важные вопросы, такие как сохранение культурной идентичности конкретного региона, вопросы защиты субъектов малого и среднего бизнеса от растущего влияния транснациональных корпораций, вопросы социальной интеграции мигрантов и т.д.

Для западного мира вопрос разграничения полномочий в решении социально значимых вопросов становится ключевым. Например, в США вопрос о легализации однополых браков решается на уровне штатов, то есть в системе местного самоуправления. Во многих же европейских странах эти вопросы решаются на государственном уровне путем принятия законов национальным парламентом.

В силу особой щепетильности некоторых важных вопросов в эпоху глобализации центральные правительства все чаще делегируют полномочия для их решений на региональный и муниципальный уровни. Например, если говорить о европейских странах, то вопросы статуса региональных языков, национальных меньшинств в большинстве случаев решаются силами местного самоуправления.

Также можно вспомнить и о решении проблемы с распространением мультикультуризма, которая принята как негласная доктрина в странах Западной Европы. Однако противоречия, заложенные в практике распространения мультикультуризма непосредственно в обществе, решаются в основном на уровне местного самоуправления. В качестве примера можно вспомнить ре-

1. Дурев С.П., Дуреева Н.С. Феномен самоуправления // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология, Выпуск № 2 / 2010

шения о ношении паранджи в учебных заведениях Франции, которые принимались отдельными коммунами из-за опасения центральных французских властей принять непопулярные либо неполиткорректные решения.

Таким образом, система местного самоуправления в современном мире играет, в том числе, и своеобразную защитную роль в плане преодоления негативных последствий глобализации. Среди опасностей такого пути следует отметить появление у местного самоуправления несвойственных ему функций. Здесь мы вновь вынуждены обратиться к теме баланса между местными и центральными органами власти. Выполнение несвойственных им функций местными органами власти, вынужденный выход за пределы своих полномочий и принятие решений, выходящих за рамки конкретной территории и приобретающих национальное значение, может значительно нарушить тот самый баланс, который необходим для эффективности принимаемых решений и авторитета государственной власти.

Еще одним важным выводом является нежелательность того подхода, при котором противопоставляются глобализация и самоуправление. Между тем, многие исследователи считают фактор местного самоуправления в качестве едва ли не основной сдерживающей силы глобализации. Например, Э. Гидденс считает местное самоуправление сдерживающим фактором, как рынка, так и государства. Если применить это к современным реалиям, то с этой точки зрения, местное самоуправление выступает как барьер на пути экономической и политической глобализации.

Среди российских исследователей подобной точки зрения придерживается и цитированная ранее Татьяна Макогон¹. Однако позволим, не согласится с мнением авторитетных исследователей данной проблематики по той простой причине, что глобализация все же не приобрела той степени всеобщности, которая влияет на все аспекты жизнедеятельности общества.

Ведь, несмотря на глобализационные изменения в мире, который стал намного более открыт, общественно-политическая жизнь каждого государства развивается по законам внутренней логики. Апологеты глобализации зачастую игнорируют все еще сильные национальные традиции. А они играют весомую роль даже в таком образце современной интеграции как Евросоюз. В этом смысле местное самоуправление во многом развивается в соответствии с внутренними потребностями. Если говорить о современной России, то эти потребности многообразны и налицо дефицит управленческих возможностей местного самоуправления, несмотря на достаточно серьезные усилия государства (прежде всего, в законодательной сфере) в налаживании механизмов эффективного самоуправления.

Как уже было сказано, в России институциональные основы местного самоуправления имеют богатую историю, достаточно вспомнить земство. В тоже

1. Макогон, Т. И. Местное самоуправление как ресурс ограничения глобализации / Т. И. Макогон // Вестник ТГУ. – 2008. – № 317

время, традиции строгой централизации также сильны в российской управленческой практике. Два этих направления в российской истории то вступали в жесткое противоречие, то находили разумный баланс в интересах государства.

Сегодня институт местного самоуправления является основой российской государственности и опорой, лежащей в основании вертикали государственной власти. Можно сказать, что современный этап развития государственного управления во многом учитывает опыт предыдущих поколений и баланс полномочий и компетенций между государственным и муниципальным управлением в целом соблюден.

Для России вопрос поиска баланса между самоуправлением и централизацией особенно актуален. Глобализационные изменения соединились с необходимостью модернизации многих аспектов государственного управления. Современная Россия еще не преодолела многие недостатки командно-административной советской системы. За годы независимости прибавились и собственные проблемы. Одновременно с этим многие функции государства под влиянием глобализационных факторов трансформируются, передаются органам местного управления. Это объективный процесс, который зачастую происходит наперекор желанию элит.

Но трансформация функций государства не означает автоматически их ликвидацию или значительное сокращение. Не смотря на то, что многие исследователи предрекали уменьшение роли государства в XXI веке, этого не произошло. Да, глобализация и процессы интеграции значительно изменили мир: некоторые функции государства все больше отходят к межгосударственным союзам, объединениям, а то и просто отмирают в процессе эволюции политической системы общества. Однако такое последовательное развитие характерно для стабильных периодов истории. Стоило же, разразится мировому экономическому кризису и наибольшую нагрузку в процессе выхода из кризиса взяло на себе государство как социальный институт. В этот период можно наблюдать, как государство берет на себя новые функции, расширяя полномочия. Например, выполняя не только функцию регулятора экономической деятельности, но и беря на себя функции катализатора экономического роста. Это пример из экономики, но существуют примеры расширения и внешних функций государства. На мой взгляд, функции государства не статичны, они всегда находятся в развитии. Эволюционируют средства и методы их обеспечения. Существуют фундаментальные функции, которые мало видоизменялись с течением времени, но также немало и таких функций, которые появились в современную эпоху. И в российских условиях эффективно выполнять такие функции возможно лишь из федерального центра.

В контексте развития самоуправления в современных российских условиях следует, и затронуть вопрос о региональных элитах, которые в случае получения дополнительных полномочий должны взять на себя и часть обяза-

тельств, за которые в настоящий момент ответственен федеральный центр. В последние годы был достигнут определенный консенсус между федеральной и региональными элитами в части делегирования полномочий и разграничения обязанностей. Некоторые исследователи ошибочно полагают, что это указывает на слабость региональных элит, утрату ими управленческих ресурсов. Однако эмпирические данные свидетельствуют, что региональные элиты, даже с учетом кадровых назначений из федерального центра, сохраняют свои позиции в исполнительной власти регионов, контролируя большинство ключевых постов. Более того, в случае, когда назначенные из федерального центра губернаторы вступают в конфронтацию с местными элитами, нередки ситуации, когда федеральный центр вынужден «отозвать» своего назначенца.

Нельзя обойти и вопрос развития гражданского общества в связи с развитием самоуправления. И хотя само понятие гражданского общества достаточно многоаспектно, но суть ее состоит в том, что общество и власть открыто взаимодействуют, направляя общие усилия на развитие общественно значимых инициатив. Сегодня происходят процессы, которые можно охарактеризовать как многовекторные – с одной стороны, вектор их направлен на взаимодействие власти и общества, на их общие цели. Не случайно, по всем опросам общественного мнения большинство населения одобряет действия федеральной власти практически по всем направлениям, а рейтинг доверия высших лиц государства чрезвычайно высок. С другой стороны не преодолен характерный для России разрыв между властью и обществом, даже сами власти признают, что размер бюрократизма, коррупции – достигли небывалых высот, что при зрелом гражданском обществе невозможно. Местная власть по умолчанию ближе к обычным гражданам, более открыта для диалога с общественностью и подвержена контролю со стороны последней. Поэтому развитие гражданского общества на микроуровне – на уровне взаимодействия с местными органами власти представляется более перспективной практикой налаживания контроля со стороны общества над властью вообще.

Таким образом, положительные моменты в развитии системы местного самоуправления для современного состояния государственного управления в России, безусловно, присутствуют. Более того, именно сейчас, когда во многих сферах достигнута стабильность в хорошем понимании данного термина, возможна передача больших полномочий на места. Ведь еще одной исторической особенностью российского опыта является проведение реформ и изменений в условиях необходимости. Например, в условиях острого общественно-политического или экономического кризиса. В таких условиях эффективность преобразований снижается, в том числе и на фоне негативного отношения общественности к сложившейся кризисной ситуации. В условиях же относительной стабильности, преобразования всегда происходят менее болезненно, с правом на исправление ошибок.

Сказанное выше позволяет прийти к некоторым важным выводам. В частности:

1. Игнорировать исторический опыт, в том числе и российский, в формировании эффективной системы местного самоуправления представляется неверным. В различные исторические эпохи были сформированы эффективные модели самоуправления, что и позволяет говорить о феномене по отношению к данному термину. Однако никакие исторические аналогии не могут заменить реального анализа актуальной социально-политической обстановки. Самоуправление должно отвечать современным запросам населения и способствовать формированию эффективной системы власти «здесь и сейчас».

2. В связи с этим необходимо рассмотреть современные влияния на феномен самоуправления, и главное из них – влияние глобализации. Безусловно, это влияние присутствует. Однако это не приводит к сокращению полномочий местных органов власти. Напротив, налицо расширение деятельности и сфер компетенции местного самоуправления. Многие центральные правительства под влиянием глобализационных изменений провозглашают курс на более тесную интеграцию в рамках различных региональных объединений. В то время как вопросы регионального значения переносятся на органы власти местного самоуправления. Однако наиболее актуальным вопросом следует считать определение границ ответственности центральной власти и местного самоуправления.

3. В России институциональные основы местного самоуправления имеют богатую историю, достаточно вспомнить земство. В тоже время, традиции строгой централизации также сильны в российской управленческой практике. Два этих направления в российской истории то вступали в жесткое противоречие, то находили разумный баланс в интересах государства.

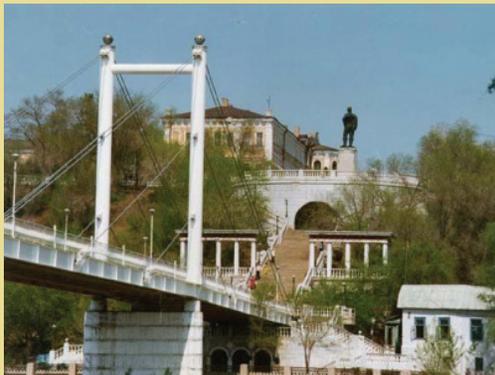
4. Для современной России расширение функций и компетенций местного самоуправления является назревшей задачей, вызванной недавним масштабным перераспределением полномочий в пользу центральной власти. Как результат, баланс вновь сместился, что сказывается на эффективности принятия решений. От того, насколько удачно пройдет реформирование системы местного самоуправления зависит устойчивость всего Российского государства.

Литература:

1. Выхватень В. А. , Кузьмина Ж. Ю. Глобализация в политике// http://www.rusnauka.com/13_NPN_2010/Politologia/65480.doc.htm
2. Дуреев С.П., Дуреева Н.С. Феномен самоуправления // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология, Выпуск № 2 / 2010
3. Ковешников Е.М. Государство и местное самоуправление в России: теоретико-правовые основы взаимодействия. М.: Издательство НОРМА, 2002
4. Макогон Т. И. Местное самоуправление как ресурс ограничения глобализации / Т. И. Макогон // Вестник ТГУ. – 2008. – № 317.

Р

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оренбург

Якутск

Новгородская земля

Шадринск

Нигматуллина Т.А.,

кандидат исторических наук, доцент,
директор БИСТ (филиала) ОУП ВПО «АТиСО»

Идентификационные процессы в молодежной среде: политический аспект

Глобализация, расширяя возможности производства, приобщения к культуре, с одной стороны, объединяет людей разных этносов совместной деятельностью, создает возможности перемещения людей из одного культурного пространства в другое, а с другой – усиливает опасность утраты исторически сложившегося многообразия этнических культур и уникальности собственной культуры. В ситуациях глобальных социокультурных преобразований актуализируются проблемы идентичности, обусловленные стремлением человека понять, узнать себя и определить свое место в социуме. Особую актуальность в этой связи приобретают проблемы формирования этнической идентичности у молодежи в поликультурной среде. В зависимости от того, насколько молодой человек приобщен к своей этнической культуре, нормам и ценностям, его этническая идентичность может принимать разные формы: от этнического фанатизма, крайней формы агрессивности – до этнонигилизма, представляющего собой отрицание этничности, этнокультурных ценностей¹. Политическая и социокультурная значимость проблемы делает ее объектом молодежной политики на федеральном и региональном уровнях.

Особенно остро это проявляется по отношению к проблеме идентичности представителей этнических, религиозных, культурных меньшинств и, что главное, молодого поколения. Ощущение ими своего собственного «я», которое обеспечивалось прежними формами идентичности, утратилось. Произошел разрыв в преемственности, когда разрушение одного типа идентичности с необходимостью компенсируется идентичностью другого типа. Молодежь, как динамичное социально-демографическое образование, выполняет в обществе важную функцию смены поколений, принимает непосредственное участие в преобразовании всех сфер жизнедеятельности социума. Вместе с тем, характер и содержание деятельности молодежи в обществе как субъекта социально-политического развития напрямую зависит от объективных условий инновационной среды, предлагающих ей определенные модели инкультурации и социализации. Условия становления инновационного общества, сопровождающиеся процессами распада прежней системы ценностей, идеалов, существующих моделей социализации и поисками новых, не могли

1. Лазарян С.С. Подходы к анализу ключевых понятий исследования этнических отношений // Анализ ключевых понятий педагогического исследования : науч. ст. аспирантов, соиск. учен. степ. и молодых ученых / Авт.-сост. А. Н. Бакушина; общ. ред. И. Ю. Алексашиной. – СПб.: СПб АППО, 2008. – 167 с.: табл. – (Научные школы Академии. Школа молодых ученых). – С.22–25.

не оказать влияние на личностное формирование и развитие молодежи. Это влияние закономерно носит противоречивый, сложный характер, что обуславливает широкий круг молодежных проблем, требующих многоаспектного изучения¹.

Следует отметить, что право гражданина на свободное этническое самоопределение и самоидентификацию, приоритеты национальной политики в сфере культуры и образования, связанные с сохранением и развитием самобытных культур и духовных ценностей граждан России, межнациональных и межрегиональных культурных связей, гарантируются Конституцией РФ, законодательными актами и нормативными документами, в том числе Законом РФ «Об образовании», «Основами законодательства Российской Федерации о культуре», а также отражены в федеральной целевой программе «Культура России» (2012-2018 гг.); Концепции развития образования в сфере культуры и искусства в Российской Федерации (на 2008-2015 гг.); в Концепции национальной образовательной политики Российской Федерации»; Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г. и др.

Вопросы этнической самоидентичности находят постоянный отклик в обществе. От переосмысления данной проблемы во многом зависит возрождение и освоение национального достояния нашей Родины. Проблемы этнической идентичности и этнокультурных процессов, происходящих сегодня, все больше привлекают внимание ученых различных областей знания.

Как отмечает исследователь Е.И. Казакова, «... Задачи этнокультурного воспитания личности, особенно в свете формирующегося поликультурного общества, как наиболее важные, провозглашаются авторитетными организациями, таким как ООН и ЮНЕСКО. Важнейшей задачей является помощь подрастающему поколению в осознании важности своей принадлежности к определенной этнической группе, в формировании этнической самоидентичности, а также в воспитании уважения к другим культурам»². И это действительно так.

Вследствие усложнившихся в международном масштабе к середине XX века этнических процессов проблема этнической идентичности особенно актуализировалась. Этническая идентичность – это свойство, которое приобретает человек по мере взросления, в процессе социализации; это осознание своей принадлежности к какой-либо этнической общности. В научной литературе можно встретить разные подходы к этому явлению, например, «объективистский» и «субъективистский»³. Этническая идентичность может

1. Разиньков В.В. Место человека в сфере инновационного развития // Личность и творчество в современном мире: научный альманах. – Москва-Курск, 2011. – С. 118–125.

2. Казакова Е.И. Организационно-педагогические условия формирования этнокультурной идентичности подростков в учреждениях дополнительного образования // Актуальные проблемы социально-культурной деятельности: сб. научн. трудов кафедры социально-культурной деятельности. Вып. 7. – Тамбов: ТГУ имени Г.Р. Державина, 2013. – С.46–50.

3. Асылужин Р.Р., Файзуллин Ф.С. Этничность и этническая идентичность. – Уфа, 2005. – С. 21.

пониматься или как форма групповой идентичности¹, или как субъективное свойство психики человека, как часть его «Я – концепции»².

Если рассматривать конкретно российскую молодежь, то она представляет собой многочисленную группу, самоопределение, идентификация, социализация и инкультурация которой происходят в непростых условиях. Политическая и социокультурная идентификация способствует более успешному человеческому общению. Однако культура играет в жизни молодого человека весьма противоречивую роль. С одной стороны, она способствует закреплению наиболее ценных и полезных образцов поведения и передаче их последующим поколениям, а также другим группам. С другой стороны, культура способна с помощью нравственных норм закрепить несправедливость и суеверия, бесчеловечное поведение.

Поэтому, по справедливому мнению ученого В.В. Разинькова, важно изучить не только традиционную культуру определенного общества (что давно и с успехом делается), но и отдельные проявления инновационной культуры, чтобы получить возможность снизить напряженность во взаимодействии молодого поколения с обществом и культурой в целом, чтобы определить пути повышения эффективности процесса идентификации в этих условиях³.

В современной политологии инновация понимается как изобретение новых идей, образов, принципов действия, политических и социальных программ, выработка новых форм деятельности, организации общества или его институтов, появление нового стиля мышления или чувствования. Инновации могут стимулировать идентичность молодежи, адаптацию молодой личности к изменениям внешней среды, способны обеспечивать в долгосрочной перспективе развитие страны, но вместе с тем могут затруднять идентификацию. Инновационное развитие обеспечивает принадлежность молодого индивида к социально-политической системе общества, социальному окружению, формирование определенных стереотипов поведения, характерных для общности.

Одна из характерных особенностей инновационного развития – постоянная нацеленность на коммерческую реализуемость, а также поиск и реализацию своих существенных конкурентных преимуществ в современных политических и социокультурных условиях. Современная ситуация жесткости требований к научно-технической новизне изменяет характеристики включенности молодежи во многие жизненные сферы, в том числе и в сферы инновационного развития, актуализирует проблему места человека в ней, как

1. Стефаненко Т.Г. Этническая идентичность и некоторые проблемы ее изучения // Этнос. Идентичность. Образование. Сб. статей. / Под ред. В.С. Собкина. – М., 1998. – С. 86.

2. Цуй Линь. Межэтническое взаимодействие и этническая идентичность : На примере русинов в Галиции. Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat <http://www.dissercat.com/content/mezhetnicheskoe-vzaimodeistvie-i-etnicheskaya-identichnost-na-primere-rusinov-v-galitsii#ixzz36kiPxXXW>

3. Разиньков В.В. Место человека в сфере инновационного развития [Текст] / В.В. Разиньков // Личность и творчество в современном мире: науч. альманах. – Москва-Курск, 2011. – С. 118–125.

особого положения, характеризующегося выбором вариантов достижения поставленных целей и построения на их основе жизненных и профессиональных перспектив.

Современное инновационное развитие детерминировано рядом специфических особенностей, среди которых наиболее значимыми, с нашей точки зрения, являются:

- инновационная среда, как условие развития молодежи;
- сама молодежь (инновационного типа);
- социокультурные условия, непосредственно влияющие на развитие личности;
- нарастание потребности в инновациях;
- культурное многообразие;
- инновационная культура как система норм, правил и способов осуществления нововведений в различных сферах жизни общества¹.

Эти и другие особенности обуславливают нестабильность, изменчивость и противоречивость инновационного развития, в которой происходит становление идентичности современных молодых людей.

Также заслуживает отдельного внимания и диапазон влияния инновации и культуры на идентификацию российской молодежи в поликультурной среде. Учитывая возможности воздействия инновации и ее культурного закрепления, можно многого добиться как в сферах инновационной деятельности, так и:

- в сфере конкретной политики или экономики – ускорения и повышения эффективности внедрения новых технологий и изобретений;
- в сфере управления – реального противодействия бюрократическим тенденциям;
- в сфере образования – содействия раскрытию инновационного потенциала личности и его реализации;
- в сфере культуры – оптимизации соотношения между традициями и обновлением, различными типами и видами культур.

Для инновационно развивающегося общества крайне важна задача развития родовых творческих возможностей каждого члена общества, что дает возможность участия значительно большего числа людей в инновационном процессе. Поэтому формирование инновационной культуры, прежде всего, связано с развитием творческих способностей, реализацией инновационного и творческого потенциала молодого человека. Инновационный потенциал – одна из важнейших характеристик молодой личности инновационного типа, или «инновационной личности». Инновационная культура личности сегодня все больше определяется уровнем развития творческих способностей молодого человека, а следовательно, необходимо формирование творческой личности молодого человека.

1. Разиньков В.В. Влияние молодежной культуры на формирование идентичности // Материалы VII Ковалевских чтений. – Санкт-Петербург, 2012. – С.34-40.

А творчество не только величайшая ценность для общества, но и самооценочность для каждого человека как условие его развития. Творческая деятельность не всегда приводит к конкретным инновациям, но инновации всегда связаны с творчеством. Творчество – это и феномен, и преобразовательная деятельность, и отношение, что и определяет его ценность в развитии человека и общества. А ценность инноваций как конкретного нового продукта определяется сбытом и прибылью на рынке.

Необходимо научиться предоставлять своим мыслям полную свободу и не пытаться направить их по заранее определенному руслу. В основе такой свободы творческой активности на пути молодого человека могут возникать всякого рода затруднения, что обуславливает необходимость формирования умений и навыков преодоления таких трудностей, а это связано и с повышением инновационной культуры молодежи в целом.

Таковыми затруднениями могут быть: слабая информированность о нововведениях; недостаточность теоретических знаний о новых технологиях и методах; неуверенность в практической пользе новшеств; наличие внутренних противоречий, тормозящих использование новшеств в работе; трудность в реализации новых идей; страх неудач, ошибок; затрудненность в изменении способов деятельности в нестандартных условиях; материальные причины; опасение высказать необычные идеи из-за внутренней боязни оказаться неправым.

При высоком уровне инновационной культуры общества в силу взаимокорреляции, взаимозависимости ее частей изменение одной составляющей вызывает быстрое изменение других. А в условиях инновационной стагнации необходим мощный организационно-управленческий и правовой импульс, чтобы заработали механизмы саморегулирования. Для этого требуется институционализация инновационной культуры, то есть превращение ее развития в организованный, упорядоченный процесс с определенной структурой отношений, правилами поведения, ответственностью участников.

Регресс социальной эволюции означает запуск процесса деградации будущих поколений, идентификационного хаоса, поскольку в настоящее время в условиях современной России имеет место утрата значимости молодежью процесса самосовершенствования на фундаменте традиций и межпоколенческих связей, усиливающийся разрыв между традиционным образом жизни и инновационными моделями поведения, нарастанием гедонистических вариантов жизнедеятельности. В условиях современной глобализации в инновационно развивающемся обществе возрастает роль социализации и инкультурации как факторов идентификации молодежи в поликультурной, демографической, гендерной среде. В этнокультурноконнотированном образовательном пространстве интересы ребенка, молодежи, семьи, этноса и государства слиты неразделимо.

Социализация – это непрерывный процесс получения молодежью навы-

ков, необходимых для полноценной жизни в обществе. Первоначально социализация индивида происходит в семье, а затем – в обществе. Стремительная динамика развития современной цивилизации, сопровождающаяся разрушением морально-этических барьеров и табуированных тем, утратой влияния религиозных догматов – абсолютных ограничителей всех человеческих инстинктов, кризисом европейской культуры, приводит к упадку семьи как гражданского института. Семья перестает быть традиционным носителем миссии «хранителя очага», то есть основным путем межпоколенного включения молодых людей в социокультурную традицию. Латентное знание о воспитании детей, культивируемое в традиционных семьях, постепенно утрачивается. Сегодня городская молодежь все менее ориентируется на многодетную семью, предпочитая активную жизнь в урбанистической среде для себя, не обременяя себя потомством. Развернуть подобную ситуацию в сторону воссоздания института традиционной семьи возможно при условии формирования социокультурной идентичности молодежи, ориентированной на такие базовые коллективистские категории, как «продолжение рода», «создание многодетной семьи», «родной дом», «полная семья», способные нейтрализовать индивидуалистские предпочтения.

Передача в процессе социализации того опыта и знания, которые ответственная группа накопила и сберегла в течение веков, не только уподобляет индивида группе, что составляет интерес последней, но и позволяет ему использовать этот капитал в собственных интересах. В прагматических рамках социализация является благом и для индивида, поскольку, осваивая коллективный опыт выживания и результативной деятельности, индивид уже способен решать ряд проблем и может достигать поставленных целей, в том числе и собственных.

Первичная социализация, которую каждый проходит в период детства – это незавершенный процесс, трансформирующий у взрослого (социализированного) человека в инкультурационные процессы, протекающие в результате смены привычной среды обитания на новую (переезд из сельской местности в город или эмиграция и пр.). Освоение в ходе первичной социализации объектов культуры и их значений возможно только в определенной среде. Культурное пространство, освоение которого начинается с процесса первичной социализации, не только выполняет функцию удовлетворения потребностей, но и позволяет усвоить принципы культурных норм, оно становится также источником самоидентификации человека.

В отличие от социализации, категория инкультурации подразумевает обучение человека традициям и нормам поведения в конкретной культуре. Это происходит в процессе отношений обмена между человеком и его культурой, при которых, с одной стороны, культура определяет основные черты личности человека, а с другой – человек сам влияет на свою культуру.

Креативное использование многогранных пластов духовной культуры, богатство самобытных форм, инструментов народной педагогики в интеграции с научной педагогикой в современном образовании – важнейшее условие эффективного формирования высокого уровня духовно-нравственной культуры, патриотического воспитания и формирования идентичности молодежи, объединения этнокультурного и общечеловеческого начал в ее гармоничном развитии. Как отмечает А.Б. Панькин, «... Все чаще и громче говорят об этнокультурном утверждении в поликультурных государствах, в которых в условиях унифицированной образовательной системы обычно не остается места для сохранения языков этнических меньшинств, для приобщения молодого поколения к культуре своего народа, что приводит к угасанию сформировавшихся веками нравственных и духовных ценностей народов. Все больше людей, прежде всего молодых, вопреки предсказаниям, вглядываются в прошлое, ищут защиту, поддержку и уверенность в себе, в непреходящих, вечных, традиционных ценностях своих предков, стремятся сохранить свою самобытность, уникальную культуру»¹.

Задача инкультурации и социализации молодого индивида – не вписать его в толпу, не обезличить, а напротив, придать его жизнедеятельности максимально человеческий, максимально отличающийся от биологического, максимально «нагруженный» культурой характер. Сам процесс идентификации предполагает построение обобщающей модели жизнедеятельности, причем в процессе идентификации главной целью остается обретение тождества в социокультурной практике. Каждая из таких моделей может существовать достаточно длительное время.

Для полноценного личностного развития молодежи ей требуется организованное социальное пространство. Оно формируется и обеспечивается группой или сообществом, в которое он вписан как его элемент. Личностное становление индивида и его успешная интеграция в общество сопровождается процессом его самоидентификации, формирования его социокультурной идентичности.

А сам процесс передачи социально-политического опыта приводит к разделению двух социально-возрастных групп – молодого поколения и старшего поколения. В свое время Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан в речи, произнесенной на Всемирной ассамблее, посвященной проблемам старения, отметил: «Мы все должны признать и понимать ввиду того, что люди на сегодняшний день становятся гораздо более образованными по сравнению с предыдущими историческими этапами, они дольше живут и при этом дольше сохраняют хорошее здоровье. В таких условиях пожилые люди могут вносить, как никогда прежде, и действительно вносят очень существенный, значимый вклад в процесс развития общества. Содействуя активному участию предста-

1. Панькин А.Б. Этнокультурный парадокс современного образования. – Волгоград: Перемена, 2001. – С. 123.

вителей старшего поколения в жизни общества, в поступательном его развитии, люди могут способствовать использованию талантов, знаний и опыта. Людей в возрасте, которые желают и по своему состоянию могут работать, нужно обеспечивать возможностями для этого. Официально заявляем, что каждому человеку нужно предоставить возможность учиться всю жизнь»¹.

Однако в российской действительности, по мнению общественности, наблюдается снижение значимости роли пожилых людей в социокультурных процессах. К сожалению, на данный момент существующие экономические и социальные программы почти не учитывают специфику единства поколений в процессе инновационного развития. Разрушение традиционных форм социализации, основанной на социальной предопределенности жизненного пути, с одной стороны, повысило личную ответственность молодых людей за свою судьбу, поставив их перед необходимостью выбора, с другой – обнаружило неготовность большинства из них включиться в сферу инновационного развития. Встает вопрос о жизненных перспективах молодежи: ее творческой самореализации, благосостоянии и, как следствие, создания своей будущей семьи. В связи с этим возникает такая важная проблема, как место молодой семьи в инновационном развитии страны. Молодая семья сегодня – одна из самых незащищенных групп населения, один из главных объектов социальной работы. Современная молодая семья переживает сложные, кризисные моменты, характеризующиеся падением рождаемости, ростом числа разводов и увеличением числа одиноких людей. Наличие социальных рисков, неопределенность в будущем, жизненная неустроенность влекут за собой невысокую репродуктивность молодых семей.

Сама динамика ценностных ориентаций, которые есть у представителей молодого поколения, очень разнообразна. Она зависит от огромного количества показателей:

- образование,
- социальное происхождение и положение;
- региональный фактор;
- принадлежность к национально-этническим группам;
- вероисповедание и многое другое².

Однако анализ исследований, проводимых в последние десятилетия в различных регионах страны, свидетельствует, что эти перемены пока еще фатально не затронули базовые культурные ценности россиян: семья, дети, религия, а также друзья и работа.

Изучение жизненных стратегий и ценностных ориентаций представителей современной молодежи представляет несомненный интерес для поли-

1. *Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science.*

2. Разиньков В.В. Влияние молодежной культуры на формирование идентичности // Материалы VII Ковалевских чтений. – Санкт-Петербург, 2012. – С.34–40.

тической науки. Сегодня сложно выделить категорию молодежи, жизненные ценности и стратегии которой отражали бы жизненные планы молодого населения в целом. Подходя комплексно и системно к вопросу жизненных стратегий молодежи, можно более удачно и адекватно прогнозировать будущее инновационное развитие, учитывая при этом социокультурные условия, в которых идентифицируется и развивается молодое поколение.

Использованная литература

1. Асылугжин Р.Р., Файзуллин Ф.С. Этничность и этническая идентичность. – Уфа: Гилем, 2005. – 140с.
2. Казакова Е.И. Организационно-педагогические условия формирования этнокультурной идентичности подростков в учреждениях дополнительного образования // Актуальные проблемы социально-культурной деятельности: сб. научн. трудов кафедры социально-культурной деятельности. Вып. 7. – Тамбов: ТГУ имени Г.Р. Державина, 2013.
3. Лазарян С.С. Подходы к анализу ключевых понятий исследования этнических отношений // Анализ ключевых понятий педагогического исследования : науч. ст. аспирантов, соиск. учен. степ. и молодых ученых / Авт.-сост. А.Н. Бакушина; общ. ред. И.Ю. Алексашиной. – СПб.: СПб АППО, 2008. – 167 с.: табл. – (Научные школы Академии. Школа молодых ученых). – С.22–25.
4. Панькин А.Б. Этнокультурный парадокс современного образования. – Волгоград: Перемена, 2001.
5. Разиньков В.В. Влияние молодежной культуры на формирование идентичности // Материалы VII Ковалевских чтений. – Санкт-Петербург: изд-во Санкт-Петербургского госуниверситета, 2012. – С.34–40.
6. Разиньков В.В. Место человека в сфере инновационного развития // Личность и творчество в современном мире: науч. альманах. – Москва-Курск: ЮЗГУ, 2011. – С. 118–125.
7. Стефаненко Т.Г. Этническая идентичность и некоторые проблемы ее изучения // Этнос. Идентичность. Образование. Сб. статей. / Под ред. В.С. Собкина. – М., 1998.
8. Цуй Линь. Межэтническое взаимодействие и этническая идентичность: На примере русинов в Галиции. Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat <http://www.dissercat.com/content/mezhetnicheskoe-vzaimodeistvie-i-etnicheskaya-identichnost-na-primere-rusinov-v-galitsii#ixzz36kiPxXXW>
9. Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science.

Идейная основа современного западноевропейского неоязычества в сравнении с ментальностью классического политеизма

Для правильного понимания генезиса современного неоязычества Западной Европы необходимо уточнить существенные признаки этого феномена, выявляемые при помощи сравнительно-исторического метода в сопоставлении с классическим политеизмом, который до сих пор считается многими исследователями истоком рассматриваемого явления.

Подобный анализ важен, в первую очередь потому, что самоидентификация с «великими истинными культами прошлого¹» составляет неотъемлемую часть того образа, который последовательно создается многими идеологами европейских неоязыческих общин. Установление генеалогии современной «новой архаики» означает отчасти ее легитимизацию, превращение из маргинальной субкультуры, в значимое религиозное и культурное движение. Именно поэтому в работах неоязыческих идеологов важнейшую роль играет отыскание исторических параллелей и «точек преемственности» с культами древнего политеизма. Можно выделить два основных направления подобной генеалогической легитимизации: отождествление неоязычества с античным греко-римским политеизмом и его провозглашение законным преемником древних германо-скандинавских культов. Первый вариант характерен для менее многочисленных и организованных неоязыческих общин Южной и Центральной Европы (Австрии, Италии, Южной Франции, Греции). Декларация «Римского собрания сторонников исконной веры²» прямо провозглашает неправомочность самого определения «неоязычество». Поскольку современное движение целенаправленно и аутентично возрождает религиозный и культурный дух античности, ни о каком «новом» понимании политеизма не может идти речи. В качестве основного аргумента в пользу «прямой преемственности», основатель римской неоязыческой общины Э. Смолдоре использует утверждение о «едином пространстве гармонии, цельности человеческого духа и непротиворечивости культуры, свойственных как религии античности, так и ее наследникам в наши дни³».

Античный политеизм в данном случае выступает как инстанция, поддерживающая гармонию между человеком и природой путем общеобязательных

1. Neopaganist Petition of free and friendly will: an essential extract, Manchester, 2007, p.2.

2. E. Smoldore, Pensees contre les tyranisme christienne, Brussels, 1999, p. 15-27.

3. W. Stairnes, Neopaganism and cultural identity, London, 2005, p. 112.

ритуалов, а также интегрирует личность в систему города-государства, прививая ей необходимые для этого ценностные и символические модели. В отличие от социума, возникшего в результате христианизации Европы, античность трактуется как пример такой организации социальной, культурной и политической жизни, которую можно определить как гармоничную. Существенным признаком такой гармонии является, в представлении сторонников неоязычества, «совершенный» баланс объективной необходимости общественных законов и субъективных стремлений индивида, якобы характерный для античного социума. Исходя из этого «баланса», даже такие спорные стороны античной полисной жизни, как практика остракизма и пр., могут быть объяснены в качестве необходимых мер по поддержанию состояния пресловутой гармонии. Последнее должны отличать такие внутренние качества, как «идеалы гражданственности, основанные на органическом почтении к родине как реальной и идеальной колыбели личности»¹. Иными словами, провозглашается дистанцирование общества от любых условий и факторов, напрямую не связанных с гражданско-правовой моделью социума, долженствующего как можно более напоминать античный образец.

Сравнение с классическим политеизмом, весьма проблематичное по причине отсутствия у последнего ясной, оформленной идеологии и аксиологии, позволяет все же выделить несколько коренных отличий, ставящих под сомнение всякую возможность происхождения западного неоязычества XX века от язычества античности и, тем более, верований народов Северной и Центральной Европы до принятия ими христианства. В качестве главного критерия, необходимо выделить тотальное несовпадение отношения к мифу в политеистической и неоязыческой ментальности.

Очевидно, тот процесс дезинтеграции элементов древнего политеистического мирозерцания, который упорно отрицается неоязычеством, заложен в самой основе классического политеизма древности. Неоязычество провозглашает сознательное возвращение к архаике и мифу как неизменным, самообусловленным моделям бытия, в то время как миф в античной культуре претерпевал длительную и многосоставную эволюцию, основным итогом которой была его неизбежная и абсолютно закономерная гуманизация. Поскольку «мифа вообще», не зависящего от привходящих исторических и культурных факторов, не существует, постольку возрождения античной ментальности в том виде, в котором этого добивается «южная ветвь» современного неоязычества, состояться не может. Кроме того, понимание «новой архаикой» античного политеизма как важнейшего источника той «действенной гражданственности», которой отличалось полисное государственное устройство,

1. Neopaganist Petition of..., p.22

крайне проблематично. Игнорируется тот факт, что классическое язычество представляло собой сложный конгломерат примитивных и углубленно-эзотерических культов, мифов и символов. Глухое, но очевидное противостояние орфических и мистико-философских тенденций античной духовной жизни официальной «религии города» не раз отмечалось в многочисленных работах исследователей¹. По существу, неоязычество объявляет политеистическое мироздание миром абсолютной благодной гармонии, в котором симфония всех сторон бытия, отраженная в религиозных представлениях, играет определяющую роль. Понимая античный политеизм как целостную и непротиворечивую систему, неоязычество создает фактически неразрешимую дилемму: с одной стороны, все исторически отмеченные противоречия классического язычества объясняются аберрациями сознания представителей позднейших эпох, однако объединение Элевсинских мистерий, официальных культов городов-государств, мистических систем орфиков и пифагорейцев и т.д. под общим знаком «гармоничной античности» остается по-прежнему крайне произвольным. В лучшем случае, возникает эклектичное, не имеющее почти ничего общего с исторической реальностью понимание античной религии. В рамках преодоления этого противоречия неоязыческая идеология «южной ветви» не смогла создать ничего качественно иного, чем наивные и необоснованные суждения об идеальной «прямой демократии» в духе модернизированного руссоизма или «разукрупнении» европейского социума до составных элементов, в общих чертах напоминающих автономный античный полис².

Иными словами, неоязыческая философия предлагает рассматривать древний политеизм как явление, имеющее универсальное или самоценное смысловое ядро, окруженное привходящим и недолговечным историческим элементом. С этой позиции довольно удобно оправдать или нивелировать даже такие общеизвестные и исторически подтвержденные факты, как широкое распространение человеческих жертвоприношений в кельтских и дакийских культах на рубеже нашей эры и позднее. Более того, подобное оправдание зачастую принимает вполне демонстративный характер своеобразного сознательного нигилизма. Последний наглядно иллюстрирует сочувственное отношение неоязыческих общин Северной Европы к попыткам малочисленных сторонников латиноамериканских «возрожденных великих религий ацтеков, майя и инков» реабилитировать данные культы, попутно решив задачу оправдания тех эксцессов человеческих жертвоприношений, ритуального каннибализма и т.п., которые были характерны для большинства религий доколумбовой Америки. Известный идеолог западноевропейского неоязычества

1. См., например: М. Элиаде, История веры и религиозных идей, М. 2010, т.2, с. 229-240. В трактовке Элиаде античный политеизм отчетливо разделяется на «эзотерическую сердцевину для посвященных» и довольно примитивные народные культы.

2. При этом классическая теоретическая база, призванная (начиная с соответствующих трудов Аристотеля), обосновать и оправдать полисный строй, не принимается неоязычеством во внимание.

ва А.де Бенуа в полемическом и провокационном «Приветственном слове» к энтузиасту возрождения ацтекского политеизма, мексиканскому археологу и этнографу Х.Моралесу, подчеркивает, что «обвинять человека великой древности в том, что он не мыслил иного, более сильного и эффективного общения с вечными силами природы, как только через кровь и плоть, значило бы то же самое, что обвинять эскимоса или бушмена в том, что он убивает и поедает живые существа, с высокомерных позиций современного вегетарианства и экологизма¹». Следовательно, каким бы неприемлемым для современности не представлялся политеистический культ в целом или отдельные его практики и ритуалы, неоязычество постулирует «взвешенный и объективный» подход к ним, считая садистические эксцессы закономерным этапом развития отношений народа и «великих сил мироздания».

Если обратиться к критике теории прямого происхождения «северной ветви» неоязычества от скандинавского и древнегерманского политеизма, то обращает на себя внимание факт, который многократно комментировался и анализировался, начиная с труда Тацита «О происхождении германцев и местоположении Германии²». Верования народов Центральной и Северной Европы даже в эпоху их наивысшего расцвета отличались большой долей синкретичности в культовых, обрядовых, мифо-космогонических системах. По сути, религиозным культам германцев, скандинавов, западных славян был свойствен особый мифокультурный протеизм, нивелировавший саму возможность «истинно национального мифа», предполагаемое возрождение которого декларируют адепты неоязычества. Историко-культурные исследования последнего столетия убедительно показали³, что религиозная самоидентификация народов Северной и Центральной Европы была намного менее актуальной для распознавания «своей-чужой», чем кланово-родовая и, отчасти, нарождающаяся сословная. Вопреки уверенности современных сторонников неоязычества в исторической монолитности их «прямых предков», достигаемой за счет интегрирующей и этнообразующей религии «крови и почвы», германские, западнославянские и скандинавские племена уже до начала христианской эры ни в коей мере не представляли собой примера такого образцового единства. Именно социальное и отчасти культурное расслоение повлекло за собой быстрое разделение германского политеистического культа и даже мифологии на элитарную идеологию военных дружин и их вождей и простонародные верования, свойственные основной массе земледельцев, охотников и ремесленников. Несостоятельность аргументов о «прямой преемственности великой политеистической традиции»⁴ наглядно иллюстриру-

1. A. de Benoist, *The Great Unity: a greeting word to Archaic Movement of Central America*, Montreal, 2010, p.3-4.

2. См. Тацит *О происхождении германцев и местонахождении Германии*, 1-16 и сл.

3. См., например, R. Kroll, *Religion in the social life of ancient Germans*, New York, 1985.

4. A. de Benoist, *The Great Unity: a greeting word...*, p.5.

ется фактом той легкости, с которой христианство завоевывало себе позиции в среде древнегерманских и древнескандинавских обществ.

Пытаясь представить политеистический культ и соответствующий ему миф как нечто универсальное и не зависящее от исторического и временного контекста, современное неоязычество фактически отказывается от объективного понимания и анализа настоящей исторической реальности. В тенденции представлять языческий миф в качестве двусоставной структуры, состоящей из универсального, вневременного ядра и привходящих изменчивых исторических условностей проявляется стремление упростить и нивелировать «неудобные» для «новой архаики» стороны действительности. Во всех случаях, сравнение древних культов с неоязычеством оказывается неправомерным, поскольку для последнего архаика и миф ни в коем случае не является символизацией мироустройства, и ритуально-обрядовая модель в современном неоязычестве значительно ослаблена по сравнению с классическим политеизмом. С другой стороны, всемерно подчеркивая важность возврата к язычеству германских и скандинавских народов, как этнообразующей системе ценностей, идеологи современного неоязычества демонстрируют лишь собственное незнание с конкретными историческими реалиями. Основным противоречием является то, что «миф» и «символ» неоязыческой ментальности - своеобразные свидетельства непрерывности связи человека с природой, залог его ненарушимой цельности, при том, что в древнем язычестве понятия цельности и раздвоенности отсутствовали как таковые. Обращение неоязычества к древнему политеистическому мифу и традиции имеет прежде всего характер противопоставления предполагаемой гармонии политеизма столь же умозрительному «расколу», якобы произведенному христианством в эпоху его многовекового господства в сознании среднего европейца.

Литература:

1. Auer, S. The structure of Celtic and German religious beliefs by comparative analysis, London, 1964.
2. Benois, A. The Great Unity: a greeting word to Archaic Movement of Central America, Montreal, 2010
3. Kroll, R. Religion in the social life of ancient Germans, New York, 1985.
4. Stairnes, W. Neopaganism and cultural identity, London, 2005.
5. Smolldore, E. Pensees contre les tyranisme christienne, Brussels, 1999
6. Stairnes, W. The structure of Neopaganist ideology. London, 1999.
7. Tomlinson, G. Archaistic Reconstruction as a Myth, New York, 2010.

Бурьяк М.К.,

кандидат педагогических наук, докторант Московского педагогического государственного университета (кафедра методологии и теории музыки), директор МАУДОД «Новгородская детская музыкальная школа русского фольклора»

Многоголосное пение этнофоров Новгородской земли

В настоящем исследовании предпринят этномузыковедческий подход по выявлению технологий многоголосного пения этнофоров Новгородской земли с опорой на разработанную автором статьи классификацию новгородских народно-певческих стилей [1]¹.

Методологическую базу исследования составляют фундаментальные теории в области народного многоголосно-видового исполнительства этнофоров, изложенные в трудах И.И. Земцовского по выявлению специфики народно-песенного многоголосия различных областных стилей русского хорового пения Брянской, Вологодской, Рязанской, уральской и сибирской (Забайкалье) народно-песенных традиций; в трудах Т.С. Бершадской по выявлению видов народного многоголосия (с бурдоном, подголосочно-полифоническое, втора, аккордо-гармоническое); в трудах А.И. Мозиаса, применившего методику социологического исследования по выявлению структуры внутригрупповых исполнительских связей относительно психологических типов исполнителей – ведущих (лидеров) и ведомых, и типов певцов по склонности к варьированию (импровизации) – стабильных и мобильных; в трудах И.П. Виндгольца, применившего методы социофольклористики по выявлению возможностей многоголосного пения различных ансамблей исполнителей села Кирово Карагандинской области; в трудах Т.С. Рудиченко, разработавшей мелодико-фактурные стереотипы/типы донской казачьей народно-песенной традиции; в трудах Е.А. Дороховой по выявлению мелодико-фактурных типов песенного фольклора русских сел Курского Посемья и Слободской Украины; в трудах Г.Я. Сысоевой по выявлению типологии многоголосно-стилевых фактур воронежско-белгородской народно-песенной традиции и др.

Рассматриваемая тема актуальна, поскольку предпринятое исследование, с одной стороны – раскрывает региональный потенциал многоголосного пения этнофоров, и локальную специфику в том числе, а с другой стороны – позволяет обоснованно применять технологии многоголосно-видового исполнительства в современных образовательных процессах [4, с. 93-98; 5].

многоголосно-видовое исполнительство

этнофоров «древнеславянского» народно-певческого стиля

«Древнеславянский» народно-певческий стиль – редкое явление на территории Новгородской области, встречается в отдаленных северо-восточных

1. Первая попытка описания новгородских народно-певческих стилей, разработки их классификации и выявления характерных видов многоголосного пения была предпринята автором статьи в 1999, 2000 гг. на основе эмпирического подхода [2, 3].

районах области – в деревнях Кашинского, Старогорского сельских советов Хвойнинского района и Погореловского сельского совета Пестовского района. С точки зрения автора исследования, «древнеславянский» народно-певческий стиль сформировался до принятия новгородцами христианства, так как не претерпел церковно-певческого влияния.

Характерными особенностями «древнеславянского» народно-певческого стиля являются единые певческие технологии в ансамблевом пении этнофоров; зычная манера пения на основе открытого типа звукообразования и, как правило, «обрядового» типа голосоведения (не применяются технологии смешанного типа звукообразования); «скованный» тип певческой артикуляции при «плоском» состоянии рупора, узком фокусе звукового потока; преимущественно смешанный тип звукорезонирования при ярком форсированном vibrato и максимальном тембральном спектре голоса; специфичные элементы голосоведения – гейкание, «курлыкание» (глиссандирование вверх за рамки среднего и высокого регистров голоса), «маркато»/«скандирование»¹; ранние виды народного многоголосия – монодийный, гетерофонно-полифонический, в соответствии с жанрово-акустическими особенностями, статичным или в движении поведением этнофоров.

многоголосно-видовое исполнительство

этнофоров д. Жилой Бор Хвойнинского района Новгородской области

Деревня Жилой Бор находится на севере Хвойнинского района (порядка 300 км от областного центра); изолирована во время осеннего и весеннего бездорожья².

В начале XX века деревня входила в состав Минецкостарогорской волости Бежецкой пятины. В деревне проживало более 200 жителей на 42 постройки, имелась часовня и мелочная лавка [7, с. 119]. В годы коллективизации в деревню Жилой Бор были объединены жители ближайших деревень Старская Гора, Мышино, Лачино, Недожат, Погорелка, Заозерье и др. (певческий стиль унифицировался на уровне певческих технологий и песенного репертуара).

Церковные традиции практически не влияли на характер общинно-родового пения этнофоров д. Жилой Бор³ в связи с удаленностью деревни от активных церковных центров, отсутствием профессиональных клиросных хоров и слабым оснащением церковей певческой литературой, недостатком квалифицированных регентов и учителей пения в школах и пр. (полевые за-

1. Данные технологии не применяются в пении младенческого фольклора, не применяются в условиях «партезной», «смешанной» певческо-стилевой среды.

2. Деревня Жилой Бор входила в речной тракт Боровичи – Кончанское – Миголощи – Жилой Бор – Сомино, который связал две речные системы: Мстинскую (Мста – Ильмень – Волхов – Петербург) и Волжскую (Чагода – Молога – Волга). По второму пути хвойнинцы ездили в Нижний Новгород, где торговала и Европа, и Средняя Азия. Основным занятием местного населения (крестьян) было земледелие – растили рожь и гречиху по вырубкам и выжженным местам; отдельные крестьяне занимались извозом (возили бумагу с бумажной фабрики в Кошелях); другие жители собирали грибы (продавали скупщикам) [6, с. 12].

3. Достаточно позднее установление погостов в целом по району (XVI – XVII вв.).

писи автора статьи 1994 г.).

Исполнители (1915-1936 годов рождения) окончили семилетнюю школу. На уроках пения пели революционные песни, на переменах играли в местные игры. Родители певцов не учились в школе и не знали ни грамоты, ни счета, ни церковного пения; посещали приходские церкви по большим праздникам; в церкви только молились, молитв не пели.

В пении песенного фольклора¹ этнофоры д. Жилой Бор Хвойнинского района Новгородской области применяют ранние виды народного многоголосия – монодийный, гетерофонно-полифонический, в соответствии с песенным жанрово-акустическими особенностями, статичным или в движении поведением этнофоров:

- монодийный вид многоголосия применяется в пении свадебных песен 1 класса напевов-формул²: «Потихонику сосватался», «При вечере, вечеришнике», «Ты река ли, моя реченька», «Из-за лесу, лесу тёмново», «Как из улицы в улицу»; в пении 2 класса напевов-формул³: «Как во новом-то во тереме», «Ветры буйны поднимались»; неформульных напевов свадебных песен: «Как Ивану-то женитцы пора», «Уж ты, свашенька, смутница»; в пении лирической песни «Недозрелая калинушка»; линейного хоровода «А мы просу» в статичных условиях (запись 1994 г.); игровой песни «Ох, зая, по сеням»; хоровода «Как во городе»; плясовой песни в движении и статично «Дударь мой, дударь молодой»; святочных подблюдных песен-гаданий «Растворю я квашоночку на донышке»; внехрамового пасхального песнопения «Христос, воскресье на многоё лето», детской заклички «Дождик, дождик, веселей»;

- монодийный вид многоголосия с элементами «терцовой вторы» применяется в пении внехрамового пасхального тропаря «Христос воскресье из мертвых»;

- монодийный вид многоголосия с элементами случайной «секстовой вторы» применяется в пении линейного хоровода «А мы просу» (запись 1989 г.);

- монодийный вид многоголосия с элементами гетерофонии применяется в пении свадебной песни «Подари-ка, гостьюшка» (1 класс напевов-формул);

- гетерофонно-полифонический вид многоголосия применяется в пении

1. Песенное наследие этнофоров д. Жилой Бор составляют опубликованные материалы в новгородских песенных сборниках и фольклорно-этнографические записи автора исследования (находятся в фонограммархиве Новгородской детской музыкальной школы русского фольклора). Отдельные образцы песенного репертуара – см. Приложение «Жилой Бор» в научном исследовании автора статьи «Новгородское народно-певческое искусство» [3, с. 96].

2. 1 классу напевов-формул свадебных песен д. Жилой Бор соответствует простая 2-строчная музыкальная форма на основе 2-строчной композиции мелострофы с тоническим нецезурированным 9-сложным песенным стихом, узкообъёмным звукорядом в амбигусе сексты с низким терцовым тоном (VIIн-I-II-IIIн-IV-V), ритмической модели (далее – РМ) 8q

3. 2 классу напевов-формул свадебных песен д. Жилой Бор соответствует простая 2-строчная музыкальная форма на основе 2-строчной мелострофы с тоническим нецезурированным 9-сложным песенным стихом, узкообъёмным звукорядом в амбигусе септимы с высоким терцовым тоном (VIв-I-II-IIIв-IV-V), РМ 9q

святочной песни «Ох, ти-то, Дударь»¹.

многоголосно-видовое исполнительство

этнофоры д. Комарово Хвойнинского района Новгородской области

Деревня Комарово находится в 40 км от районного центра (в северо-восточном направлении), в 10 километрах от с. Левоча (Никольско-Левочский погост), «в 250 верстах от Новгорода, 107 верстах от Боровичей» [8, с.194].

На погосте стояла деревянная церковь Николы Чудотворца (сведения 1582 года), в XIX в. – поставлена каменная. При церкви в конце XIX в. была открыта 2-классная приходская школа (закрыта после октябрьской революции). В школе обучали истории, географии, арифметике, письму, обиходному пению [3, с. 9]².

В д. Комарово школы не было. В советское время ближайшая 4-классная школа находилась в д. Кашино (в 7 км от д. Комарово). Учителя были приезжими. На уроках пения разучивали песни: «Дан приказ», «По долинам и по взгорьям», «Как родная меня мать провожала». Учитель пения Нина Ивановна Сидорова играла на мандолине. Ни дети, ни сама учительница нот не знали. На переменах, между уроками играли в местные игры [Там же, с. 11].

Исполнители (1913-1934 годов рождения) родом из разных деревень Кашинского сельского совета переехали в Комарово после замужества. В молодости не верили в Бога, в церковь не ходили, но престольные праздники соблюдали.

В пении песенного фольклора³ этнофоры д. Комарово Хвойнинского района Новгородской области применяют ранние виды народного многоголосия – монодийный, гетерофонно-полифонический, в соответствии с жанрово-акустическими особенностями, статичным или в движении поведением этнофоров:

- монодийный вид многоголосия применяется в пении святочных колядок, женских частушек в условиях уличной акустики;
- монодийный вид многоголосия с элементами контрастной полифонии применяется в пении свадебных песен I класса напевов-формул⁴: «Как из улицы в улицу» (запись 1993 г.), «Ты река ли моя, реченька» (запись 1993, 1989 гг.), «Растопляйсе-ко, баенка» (запись 1993, 1989 гг.), «Из-за лесу, лесу тёмно-

1. Песня, которой встречали зимние святки. «Дударь» – шест, окуранный соломой, к которому приязывали завязки-желания. В конце святок «Дударя» провожали – раздергивали и втапывали в снег (полевые записи автора статьи 1994 г.).

2. Родители этнофоров учились в этой школе, но на клиросе никогда не пели (полевые записи автора статьи 1992 г.).

3. Песенное наследие этнофоров д. Комарово составляют фольклорно-этнографические записи автора исследования (находятся в фонограммархиве Новгородской детской музыкальной школы русского фольклора). Отдельные образцы песенного репертуара – см. Приложение «Комарово» в научном исследовании автора статьи «Новгородское народно-певческое искусство» [3, с. 97].

4. I классу напевов-формул свадебных песен д. Комарово соответствует простая 2-3-строчная музыкальная форма (как правило, 1-я и последняя мелострофы – 3-строчные; со 2-й строфы – 2-строчные) на основе тонического нецезурированного 9-сложного песенного стиха, узкообъёмного звукоряда в амбигуе квинты с высоким терцовым тоном: I-II-III^в-IV-V, PM 9q

ва» (запись 1993 г.), «Как на броне» (запись 1992, 1993 гг.);

- гетерофонно-полифонический вид многоголосия применяется в пении святочной коляды (запись 1993 г.), внехрамовых песнопений «Присвятая Троица, мы славу тебе поём»;

- монодийный вид многоголосия с элементами «терцовой вторы» и гетерофонии применяется в пении плясовой песни «У Егорова двора», внехрамового тропаря («Христос воскресье из мертвых»), женских частушек в помещении.

В целом новгородскому «древнеславянскому» народно-певческому стилю характерны ранние виды народного многоголосия – монодийный и гетерофонно-полифонический, в соответствии с исполняемым жанром. Аналогичные виды многоголосия применяют этнофоры «древнерусского» народно-певческого стиля.

Важно отметить, что в пении частушек применяемый вид многоголосия зависит от акустических особенностей: пению частушек в избе соответствует монодийный вид многоголосия с элементами контрастной полифонии и «терцовой вторы», на улице – монодийный вид многоголосия. Отметим также, что в записях 2007 г. упростилась фактура многоголосного пения этнофоров по сравнению с записями идентичных песенных образцов 1992 – 1998 гг.

многоголосно-видовое исполнительство

этнофоров «древнерусского» народно-певческого стиля

«Древнерусский» народно-певческий стиль является самым распространенным на Новгородской земле. С точки зрения автора статьи, на певческие технологии «древнерусского» народно-певческого стиля повлияли традиции древнерусского церковно-певческого исполнительства и образования. Аналогичные певческо-стилевые технологии применяются новгородскими старообрядцами в пении богослужебного репертуара и песенного фольклора, а также аутентичными вторичными исполнителями (аутентичный фольклоризм; термин – М.Б.) Новгородской области.

Характерными особенностями «древнерусского» народно-певческого стиля являются единые регистрово-фонационные технологии в ансамблевом пении этнофоров в соответствии с жанрово-акустическими особенностями, статичным или в движении поведением певцов; «естественно-речевой» тип певческой артикуляции при «естественно-речевом» состоянии рупора, дифференцированном фокусе звукового потока – объемном/суженном/узком, в соответствии с видом регистровой фонации; дифференцированные технологии звукообразования – открытый, смешанный (сочетание открытого и прикрытого типов), в соответствии с видом регистровой фонации, жанрово-акустическими особенностями; дифференцированные технологии подсвяточного давления – насыщенного/среднего/минимального в соответствии с динамикой звукового потока и силой голоса; дифференцированные техно-

логии звукорезонирования (грудной/смешанный/головной типы) в соответствии с типом фонационного дыхания, уровнем смыкания голосовых связок, типом артикуляции и фокусом звукового потока; ранние виды многоголосия в соответствии с жанрово-акустическими особенностями, статичным или в движении поведением певцов.

многоголосно-видовое исполнительство

этнофоры д. Новотроицы Валдайского района Новгородской области

В прошлом д. Новотроицы являлась центром волости, погоста, крепостным поселением Екатерины Петровны Квашниной-Самариной. В деревне располагался один из крупнейших садово-парковых ансамблей XVIII века с многочисленными усадебными постройками (в настоящее время многие утрачены).

В деревне стоит церковь Святой Троице – самая высокая на Валдае (сейчас – полуразрушена, не действует). До революции в церкви пел хор из местных жителей. При церкви с конца XIX в. функционировала церковно-приходская школа, в которой учили грамоте, арифметике, пению (при советской власти – начальная трёхлетняя) [3, с.12].

Этнофоры (1905-1914 годов рождения) объединились в певческий коллектив в начале 70-х годов. Созданию коллектива послужили многочисленные фольклорно-этнографические экспедиции фольклористов по изучению новотроицкой народно-песенной традиции. В 80-90-х годах XX века коллектив являлся постоянным участником этнографических концертов и фольклорных праздников в районном и областном центрах.

В пении песенного фольклора¹ этнофоры д. Новотроицы Валдайского района Новгородской области применяют ранние виды многоголосия:

- монодийный вид многоголосия применяется в пении свадебных песен 1 класса напевов-формул²: «Из-за лесу, лесу тёмного» (запись 1986 г.), «Много, много у сырого у дуба» (запись 1986 г.); в пении свадебных песен 2 класса напевов-формул³: «Как у речки цепочка горит», «Уж как Ванюшка во щи упал»; в пении свадебных песен с неформульными напевами данной певческой группы этнофоров: «Дубчик, дубчик листовастой», «По крыльцам» (запись 1986 г.), «Кто у нас хороший», «Дунай, ты Дунай»; в пении лирических песен «Не ходите, девчонки, в чужи люди», «Вы подружки мои»; игровых песен «А мы просу» (запись 1986 г.), «Олень, ты олень», святочных колядок «Коледа, ко-
1. Песенное наследие д. Новотроицы Валдайского района Новгородской области составляют опубликованные материалы в новгородских песенных сборниках и фольклорно-этнографические записи автора исследования 1985-2007 годов. Отдельные образцы песенного репертуара – см. Приложение «Новотроицы» в научном исследовании автора статьи «Новгородское народно-певческое искусство» [3, с. 98-99].
2. 1 классу напевов-формул свадебных песен д. Новотроицы соответствует простая 2-строчная музыкальная форма на основе тонического нецезурированного песенного стиха, широкообъёмного звукоряда в амбитусе октавы с высоким терцовым тоном (VIв-VIIв,н-I-II-IIIв-IV-V-VIв), РМ 9 + 9q
3. 2 классу напевов-формул свадебных песен д. Новотроицы соответствует простая однострочная музыкальная форма на основе 2-строчной мелострофы с тоническим нецезурированным 9-сложным песенным стихом, узкообъёмным звукорядом в амбитусе кварты с низким терцовым тоном (VIIн-I-II-IIIн), РМ 4q

леда», локальных видов частушки «Я рябинушку ломала», внехрамового пасхального тропаря «Христос воскрес из мертвых»;

- монодийный вид многоголосия с элементами контрастной полифонии применяется в пении отдельных свадебных песен 1 класса напевов-формул¹: «Из-за лесу, лесу тёмного» (запись 1971, 1985 гг.); в пении свадебных песен с неформульными напевами «Дубчик, дубчик листовастый» (запись 1971 г.), «По крыльцам, по крылечикам» (запись 1985 г.);

- монодийный вид многоголосия с элементами «терцовой вторы» применяется в пении свадебной песни «В чистом поле».

Важно отметить, что пению подвижных жанров песенного фольклора и в статичных условиях, и в движении соответствует монодийный вид многоголосия наряду с другими жанрами песенного фольклора. В концертно-сценических условиях фактура многоголосия является монодийной².

В целом многоголосное пение «древнерусского» народно-певческого стиля характеризуются применением этнофорами ранних видов многоголосия, идентичных «древнеславянскому» народно-певческому стилю. Различие заключается в певческо-стилевых технологиях, на которые повлияли традиции древнерусского церковно-певческого образования и богослужбной практики.

многоголосно-видовое исполнительство этнофоров «партесного» народно-певческого стиля

Новгородский «партесный» народно-певческий стиль встречается в отдельных деревнях юго-западных районов Новгородской области, этнофоры которых были клиросными певчими и владели технологиями «партесного» церковно-певческого стиля, знали нотную грамоту и владели навыками пения по нотам. На данные технологии ориентировались и те этнофоры, которые не пели в клиросных хорах. Со временем партесное народно-певческое исполнительство стало доминирующим в многочисленных деревнях юго-западных районов Новгородской области – дд. Любыни, Углы, Княжий Двор, Сосницы Шимского района, дд. Вязовня, Поглядово Волотовского района и др. [1, с.].

С точки зрения автора статьи, «партесный» народно-певческий стиль сформировался под влиянием партесного церковно-певческого стиля конца XIX века, когда в богослужбную практику стали вводиться женские голоса. На фактуру народного многоголосия повлияли традиции церковного строчного пения³, в котором главным был средний голос – «путь» (вёл мелодию знаменного распева), над ним располагался «верх» – дублирующий октавный

1. 1 классу напевов-формул свадебных песен д. Новотроицы соответствует простая 2-строчная музыкальная форма на основе 2-строчной мелострофы с тоническим нецезурированным песенным стихом, широкообъемным звукорядом в амбитусе октавы с высоким терцовым тоном (VIв-VIIв,н-I-II-IIIв-IV-V-VIв), РМ 9q

2. Наблюдения автора статьи 1986-2006 гг.

3. Самым древним историческим документом, отразившим практику строчного пения является «Чин архиепископа Новгорода и Пскова» XVI в. В нем фигурирует «пение по обычаю» и одновременно подробно названы песнопения с «верхом». Нет сомнения в том, что речь идет о двухголосном пении, т.е. раннем варианте строчного [9, с. 39].

голос, а под ним – «низ» [10, с. 13] – дублирующий октавный голос¹.

Характерными особенностями «партесного» народно-певческого стиля являются единые классически-фальцетные певческо-стилевые технологии в ансамблевом пении этнофоров; «естественно-речевой» тип артикуляции при «естественно-речевом» состоянии рупора, узком фокусе звукового потока; минимальная плотность подсвязочного давления при динамике фонационно-го потока р, тр, тф; отсутствие вибрато; бедный тембральный спектр голоса; независимость фонации от акустических особенностей (пение в помещении или на улице) и, как правило, подвижного/статичного поведения исполнителей; развитые виды многоголосия – «ленточные» (параллельное терцовое/секстовое/октавное движение ансамблевых голосов), а также их сочетание с элементами полифонического и аккордо-гармонического видов.

многоголосно-видовое исполнительство

этнофоры д. Любыни Шимского района Новгородской области

Деревня Любыни была центром Любынского погоста Новгородского уезда Шелонской пятины. По изгонной книге (V. 46) деревня Любыни находилась в пятидесяти пяти верстах от Новгорода [8, с. 142]. На погосте стояла тёплая церковь Верховных Апостолов Петра и Павла (сожгли литовцы) [Там же, Приложение III, с. 94]. На месте деревянной церкви была построена каменная. В 1817 г. церковь была переосвящена в честь иконы Знамение Божией матери.

В июле 1935 г. по ходатайству граждан церковь была закрыта и передана под сельский клуб. Были сняты колокола, кресты. Во время оккупации в церкви совершались богослужения; после Великой Отечественной войны церковь закрыли². В настоящее время д. Любыни относится к Подгощскому муниципальному поселению.

В ансамблевом пении этнофоры д. Любыни Шимского района Новгородской области (1904-1910 годов рождения) применяют³:

- «ленточный» вид многоголосия («втора децимой») с элементами контрастной полифонии, октавными окончаниями – в пении свадебных песен: «Да как по этой быстрой реченьке» (с сольным плачем невесты в средне-низком регистре голоса), «Вот вы встанемте, красны девушки» (групповые причитания девушек);

- «ленточный» вид многоголосия («октавная втора») – в пении хороводной песни в статичных условиях «Уродилася Дуняша» (применяют также этнофоры «смешанного»-3 народно-певческого стиля д. Устрека Старорусского и «смешанного»-4 народно-певческого стиля д. Городня Батецкого районов Новгородской области);

- «ленточный» вид многоголосия («терцовая втора») – в пении свадебной песни «Из-за лесу, лесу тёмнава»;

1. Софийский чиновник XVI в. подтверждает также, что в литургии пели мальчики, т.е. вели «верх».

2. Полевые записи автора статьи 1989 г.

3. Отдельные образцы песенного репертуара – см. Приложение «Любыни» в научном исследовании автора статьи «Новгородское народно-певческое искусство» [3, с. 101].

- «ленточный» вид многоголосия («октавная втора» с высоким к ней терцовым подголоском) – в пении церковного песнопения «Воскресение твое».

Итак, «ленточные» виды многоголосия – параллельное движение голосов в октаву, дециму, терцию являются преимущественными в пении этнофоров д. Любыни Шимского района Новгородской области.

многоголосно-видовое исполнительство

этнофоров д. Углы Шимского района Новгородской области

Деревня Углы (погост и деревня)¹ Шимского района Новгородской области (на речке Углянке и ручье Солоном) является центром Краснодворского сельского совета, находится в 7 км от районного центра Шимск. К сельсовету относятся деревни Князево, Красный Двор, Муравьи, Ручьи, Солоницко, Сосницы, Шелонь. Несколько веков назад эти деревни относились к Новгородскому уезду Шелонской пятины. Все деревни оказались в центре исторических событий 1239 г. (накануне Невской битвы), Шелонской битвы 1471 г., восстания военных поселян 1831 г. [11, с. 207] и др.

В ансамблевом пении песенного фольклора этнофоры д. Углы Шимского района Новгородской области (1914-1920 годов рождения) применяют:

- «ленточный» вид («терцовая втора») с элементами контрастной полифонии, как правило, с октавными кадансовыми окончаниями – в пении свадебной песни «Из-за лесу-то было, лесу тёмного», лирической песни «Снежки белые», солдатской песни «На возморье мы стояли», романсов «Зачем ты, безумная, губишь», «Дуют ветры за морями», «По небу тучки ублажились», «Пока жила у маменьки в волюшке», общерусской песни «На речке»;

- сочетание «ленточного» («терцовая втора») и аккордо-гармонического видов с элементами контрастной полифонии, как правило, с октавными кадансовыми окончаниями – в пении лирической песни «Да не по морюшку», романса «На берегу сидит девица», общерусской песни «Скрылось солнце за горами», хороводных песен «Был ли ты, зайныка», «Не пора ли нам, девчоночки»;

- сочетание полифонического и «ленточного» («терцовая втора») видов многоголосия с элементами аккордовых созвучий – в пении баллады «На пригорке земляничка» («Ванька-ключник»).

В целом характерным видом многоголосного пения этнофоров д. Углы Шимского района Новгородской области является «ленточный» – «терцовая втора» с элементами контрастной полифонии и аккордовых созвучий. Схожие технологии многоголосного пения применяют этнофоры д. Мшага Шимского («смешанный»-1 народно-певческий стиль), д. Клопцы Вологовского («смешанный»-2 народно-певческий стиль) и д. Городня Батецкого («смешанный»-4 народно-певческий стиль) районов Новгородской области.

Итак, этнофоры «партесного народно-певческого» стиля, активно участ-

1. До революции 1917 г. в д. Углы проживало более 677 жителей (172 жилых дома), действовала церковь, 2 часовни, школа, хлебозапасный магазин [11, с. 206-207]. В настоящее время в деревне проживают только дачники.

вующие в клиросной деятельности, применяли и совершенствовали в народном пении технологии «партесного» церковно-певческого исполнительства, и партесного многоголосия в том числе. «Расширение сети сельских церквей, а затем и церковно-приходских школ, где обязательно учили «партесному пению, меняло тип интонирования и многоголосия в традиции бытового пения, существенно изменяло репертуар, само музыкально-песенное сознание и систему его ценностных и эстетических ориентаций» [12, с. 153].

Многоголосное пение этнофоров «партесного» народно-певческого стиля явно отличается от применяемых видов многоголосия этнофорами «древнеславянского» и «древнерусского» народно-певческих стилей.

**многоголосно-видовое исполнительство
этнофоров «смешанных»-1-3 народно-певческих стилей**

«Смешанный»-1-3 народно-певческий стиль, с точки зрения автора статьи, формировался/развивался с конца XIX века под влиянием «партесного» церковно-певческого исполнительства на уровне включения в ансамблевое пение «партесных» певческо-стилевых технологий, и развитых видов многоголосия в том числе. Без участия этнофоров, владеющих «партесными» технологиями, певческий стиль соответствует «древнерусскому» народно-певческому.

Характерными особенностями «смешанного»-1-3 народно-певческого стиля являются смешанные виды регистровой фонации на основе сочетания в ансамблевом пении технологий «древнерусского» и «партесного» народно-певческих стилей; независимость фонации от акустических особенностей (пение в помещении или на улице) и, как правило, подвижного/статичного поведения исполнителей; «естественно-речевой» тип певческой артикуляции при дифференцированном фокусе звукового потока (объемном/суженном/узком – в соответствии с видом регистровой фонации); дифференцированные технологии звукорезонирования (смешанный/головной/грудной) в соответствии с типом фонационного дыхания, уровнем смыкания голосовых связок, типом артикуляции и фокусом звукового потока; смешанные (ранние/развитые виды многоголосия) или единые (развитые) виды многоголосия.

Специфика многоголосия, как правило, является дифференцирующим механизмом «смешанных»-1-3 народно-певческих стилей:

«Смешанному»-1 народно-певческому стилю соответствуют¹ различные виды многоголосия – монодийный, «ленточный» («терцовая втора») с элементами контрастной полифонии, аккордо-гармонический, с широким амбитусом ансамблевой фактуры $c^1-e^2/g_m - d^2$.

«Смешанному»-2 народно-певческому стилю соответствуют² различные виды многоголосия – монодийный, полифонический, «ленточный» и аккордо-гармонический (трезвучия, секстаккорды, квартсекстаккорды, септаккорды неполного вида и др.), с широким амбитусом ансамблевой фактуры $f_m - d^2$.

1. В пении новгородской группы этнофоров д. Мшага Шимского района Новгородской области.

2. В пении новгородской группы этнофоров деревень Клопцы, Хотяжа Вологовского района Новгородской области.

«Смешанному»-3 народно-певческому стилю соответствуют¹ «ленточные» виды многоголосия («секстовая/октавная втора») с дублированием мелодии напева сольным октавным высоким голосом (иногда с элементами контрастной полифонии) с широким амбитусом ансамблевой фактуры $g_m - g^2$.

Технологии «смешанных»-1-3 народно-певческих стилей свидетельствуют, с одной стороны – о высокой вокальной культуре новгородских этнофоров, а с другой – об активном влиянии церковного пения и образования на фольклорное исполнительство.

«Смешанный» народно-певческий стиль применяют/применяли группы этнофоров многочисленных деревень Новгородской области – Мшага Шимского, Клопцы Волотовского, Устрека Старорусского районов, и группы вторичных этноисполнителей (аутентичный фольклоризм; термин – М.Б.) новгородских деревень Мокрый Остров Крестецкого, Наволок, Долгово Новгородского районов Новгородской области и др.

**многоголосно-видовое исполнительство
этнофоров д. Мшага Шимского района Новгородской области
(«смешанный»-1 народно-певческий стиль)**

Деревня Мшага является территорией наиболее раннего расселения ильменских словен (VIII-X вв.) – крупные поселения на берегах реки Мшага (при впадении ее в Шелонь), которые в конце XV в. назывались Новая Соль и Новая Русса². Здесь находились соляные ключи, был развит древний промысел солеварения³. В конце XV века в селе Новая Соль/Новая Русса было 22 соляных варницы [13, с.193].

В XVI в. в селении был учрежден ям (тракт Новгород – Псков), имелся почтовый двор. В настоящее время правобережная часть д. Мшага называется Ямской. Левобережная часть именуется Воскресенской – по названию церкви Воскресения Христова (1825 г.), установленной на месте бывшей церкви Параскевы Пятницы⁴.

Мшага была в составе Медведской волости и являлась центром прихода (в настоящее время церковь не действует). Регента в церкви не было, но староста певчих хорошо знал музыкальную грамоту, по камертону давал тон, распределял голоса в хоре, обучал пению. В хоре было много мужчин⁵. До революции при церкви существовала церковно-приходская школа [12, с. 160]. В 1841 году здесь открылась первая в губернии сельская школа Новгородской палаты государственных имуществ [14, с. 30].

Певицы в церковь не ходили и в церкви не пели: «при коммунистах нельзя было», в детстве и молодости в Бога не верили (праздничные тропари освоили от родителей). В школе были уроки пения один раз в неделю. Учитель му-

1. В пении новгородской группы этнофоров д. Устрека Старорусского района Новгородской области.
2. Новая Русса (Мшага) лежала на перекрестке важных торговых путей: сухопутного – из Новгорода в Псков; водного – Ильмень-Шелонь-Уза-волок в Череху-Великая-Псков.
3. Из соляных источников брали воду для варки соли (выпаривали в печах).
4. Полевые записи автора исследования 1988 г.
5. Полевые записи автора исследования 1988 г.

зыка играл на скрипке, обучал названию нот и их интонированию посредством песни «Мы гамму знаем хорошо». На уроках пения пели революционные песни, на переменах играли в местные игры.

Песенный репертуар этнофоров д. Мшага составляют свадебные, лирические, солдатские, плясовые пени, романсы, детский песенно-игровой фольклор, частушки и песенный репертуар из народной драмы «Царь Максемьян»¹.

Характерными видами многоголосия ансамблевого пения этнофоров д. Мшага Шимского района Новгородской области (1918-1931 годов рождения) являются:

- монодийный вид – в пении частушечных жанров;
- монодийный вид с элементами «терцовой вторы» – в пении игровой песни «Сиди, сиди, Яша», игровой песни «У дедушки Якова семиро детей», формульных песен из народной драмы «Царь Максемьян»: «За Максемьяновой спиной», «За Оникиной спиной»;
- сочетание полифонического и аккордо-гармонического видов многоголосия – в пении свадебной песни «Вы сборы, сборы»;
- «ленточный» вид («терцовая втора») – в пении лирических песен «Подул, подул осенний ветер», «Зелёная рощица», «Что на дубе на зелёном», солдатских песен «Стоял он в дозоре», «Ой, да как дралися мы с поляком»; романсов «Васильки», «Ой, милая Маруся»; хороводной песни «Ко мне птичка прилетела»;
- «ленточный» вид («терцовая втора») с элементами контрастной полифонии – в пении сатирической песни «С вином мы родились», хороводной песни «Во саду ли в огороде»;
- «ленточный» вид («терцовая втора») с элементами аккордовых созвучий и контрастной полифонии – в пении лирической свадебной песни «Вот как Лёшина-то матушка», «Уж ты воля», солдатских песен «Ты не вейся, чёрный ворон», «Под ракитю зелёной», хоровода «Вот попалась птичка», игровой песни «А мы просу»;
- «ленточный» вид – сочетание терцовой и октавной «вторы» – в пении солдатской песни «Знаю, ворон»;
- аккордо-гармонический вид с бурдоном в нижнем голосе, параллельными консонирующими и септаккордовыми созвучиями (неполными) – в пении формульных напевов из народной драмы «Царь Максемьян»: «Максемьян владел Европой», «Царь Ирод грозный и жестокий», «Виселяся в чистом поле», «Я в темницу удалялся».

Отметим, что «ленточный» вид («терцовая втора») с элементами контраст-

1. Фольклорно-этнографические записи 1988 – 2010 гг. Новгородского фольклорного театра «Кудесы» – находятся в аудио/видео- и нотированных материалах фонограммархива Новгородской детской музыкальной школы русского фольклора. Отдельные образцы песенного репертуара – см. Приложение «Мшага» в научном исследовании автора статьи «Новгородское народно-певческое искусство» [3, с. 100].

ной полифонии является преимущественным в пении этнофоров д. Мшага Шимского района. Данный вид многоголосия также применяется этнофорами д. Углы Шимского района Новгородской области («партесный» народно-певческий стиль); этнофорами д. Клопцы Волотовского района Новгородской области («смешанный»-2 народно-певческий стиль); этнофорами д. Городня Батецкого района Новгородской области («смешанный»-4 народно-певческий стиль).

Аккордо-гармонический вид многоголосия с параллельными консонирующими аккордовыми созвучиями, и неполными септаккордовыми в том числе, применяют этнофоры д. Мшага и д. Клопцы Волотовского района Новгородской области («смешанный»-2 народно-певческий стиль).

Отметим также, что между этнофорами д. Мшага распределены роли в многоголосном ансамблевом пении – каждая певица исполняет свою голосовую партию. Важно и то, что многоголосная фактура пения подвижных жанров песенного фольклора не зависит от статичного или в движении поведения певцов.

Итак, многоголосное пение этнофоров д. Мшага весьма многогранно: содержит ранние виды народного многоголосия – монодийный, полифонический; различные виды развитого многоголосия – «ленточный» (преимущественный) и аккордо-гармонический. Следовательно, многоголосное пение этнофоров д. Мшага отличается от многоголосного пения этнофоров новгородского «древнеславянского», «древнерусского» и «партесного» народно-певческих стилей.

В фактуре многоголосного пения на основе аккордо-гармонического и «ленточного» видов явно прослеживаются стилевые особенности церковного многоголосия.

***многоголосно-видовое исполнительство
этнофоров д. Клопцы Волотовского района Новгородской области
(«смешанный»-2 народно-певческий стиль)***

Деревня относится к Славитинскому сельскому поселению, которое расположено на западе Новгородской области у административной границы с Псковской областью. До административно-территориальной реформы 1927 года большая часть территории современного Волотовского района входила в состав Старорусского уезда Новгородской губернии.

В XIX в. деревня Клопцы Волотовского района Новгородской области относилась к восьмому округу военных поселений (пахотных солдат)¹. В деревне жили и старoverы, и миряне, и военные поселяне. Строгие традиции старoverов ассимилировались с мирскими (вместе ходили на посиделки, пели песни, играли в игры).

1. В 1814 г. царь Александр I подтвердил своё намерение дать «оседлость» солдатам русской армии. В 1816 г. в Высоцкой волости Новгородской губернии был определён на поселение батальон гренадерского полка графа А.А. Аракчеева. Местные крестьяне были оставлены на своих местах, но гражданские власти лишались права на управление волостью. Система военных поселений охватила несколько губерний страны. Но самыми большими по числу батальонов (до 90 батальонов) были новгородские военные поселения в сёлах Селищи, Муравьи, Кречевицы, Новом селе, Медведь и др. [7, с. 146-150].

В 60-е годы XX века данная группа этнофоров д. Клопцы объединилась в творческий коллектив, который существовал до середины 80-х годов прошлого столетия¹.

Песенный репертуар этнофоров (1908-1918 годов рождения) д. Клопцы составляют солдатские, плясовые, детские песни, музыкальные игры и хороводы, музыкальные сказки, романсы, скоморошины, духовные стихи и др.² Отсутствуют в репертуаре ансамбля свадебные песни³ и календарные песни.

Характерными видами многоголосного пения этнофоров д. Клопцы Вологовского района Новгородской области являются:

- монодийный вид – в пении скоморошины «Каку, девушки, мы славу завели» (с элементами гетерофонии и терцовых созвучий); детской песни «На дворе случилась драка» (с элементами гетерофонии и терцовых созвучий); плясовой песни в движении «А ты, мятелица» (с элементами «случайных» терцовых созвучий); музыкальных игр в движении «Тетёра и шла», «Сеял дед мак», «Вот попалась, птичка, стой», «Где же ты был, наш чёрный баран», «Ах ты, зайка, дубы», «Вокруг журова хожу», «Хрупочки-замочки»; линейных хороводов «А мы просу», «Бояра»; сюжетного хоровода «Когда-то и где-то»; поцелуйной игры «Старенькое рвётся»;

- сочетание монодийного и полифонического видов (контрастная полифония) с элементами «секстовой вторы» – в пении поцелуйного хоровода в статичных условиях «В хороводе были мы»;

- аккордо-гармонический преимущественный вид многоголосия (трезвучия, секстаккорды, квартсекстаккорды, септаккорды неполного вида и др.) с параллельным терцовым движением голосов на фоне нижнего или верхнего бурдона – в пении солдатских песен «Из-за лесу, из-за гор», «Как во поле»; духовного стиха «Помоги мне, Боже» (сочетание «ленточного» и аккордо-гармонического видов); общерусской песни «Во кузнице» (сочетание «ленточного» и аккордо-гармонического видов); детской песни «Про кумарика»; сюжетного хоровода в статичных условиях «Как по морю»;

- «ленточный» вид («терцовая втора») – в пении шуточной песни «Мужик пашенку пахал»; романса «Ехал по морю моряк»; музыкальных игр в статичных условиях «Где ты, зайка, побыла», «Когда-то и где-то»; общинной молитвы на дождь;

- «ленточный» вид («терцовая втора») с элементами контрастной полифонии и аккордовых созвучий – в пении солдатских песен «Из-за гор-горы», «Вот за Дунаем»; детской песни «Чижик, чижик», плясовой песни в статичных

1. «Как-то собрались у нашего тракториста на дне рождения, он попросил спеть, мы спели. Нашему парторгу пение очень понравилось. В Новгороде в тот год были дни Вологовского района, нас позвали на этот праздник. И с тех пор и пошло, и пошло. В Москву ездили – на радио нас записывали... С того всё и началось» [3, с. 28-29].

2. Отдельные образцы песенного репертуара – см. Приложение «Клопцы» в научном исследовании автора статьи «Новгородское народно-певческое искусство» [3, с. 105-107].

3. Свадьбу не пели, уходом шли (полевые записи автора статьи 1987 г.).

условиях «Ах, ты тёща»; линейного хоровода в статичных условиях «Бояра».

Отметим также, что между этнофорами д. Клопцы распределены роли в многоголосном ансамблевом пении – каждая певица исполняет свою голосовую партию. Важно и то, что многоголосная фактура пения подвижных жанров песенного фольклора зависит от статичного или в движении поведения певцов: в движении применяются монодийные виды многоголосия, в статичных условиях – развитые.

Многоголосное пение этнофоров д. Клопцы весьма многогранно – содержит ранние виды народного многоголосия (монодийный, полифонический, элементы гетерофонии), различные виды «ленточного» и аккордо-гармонического в тесном расположении голосов. Схожие виды многоголосия применяют этнофоры д. Мшага Шимского района, но вне зависимости от статичного или в движении поведения исполнителей.

Многоголосное пение этнофоров д. Клопцы Волотовского района Новгородской области отличается от ансамблевого многоголосного пения новгородских этнофоров «древнеславянского», «древнерусского» и «партесного» народно-певческих стилей.

**многоголосно-видовое исполнительство
этнофоров д. Устрека Волотовского района Новгородской области
(«смешанный»-3 народно-певческий стиль)**

Деревня Устрека Старорусского района Новгородской области относилась к Буряжскому погосту Шелонской пятины. В окрестностях деревни имеются следы захоронений X-XII веков. На погосте стояла церковь Николаю Чудотворцу [8, с. 95 (Приложение III)]. Рядом с д. Устрека находится Борисовский погост с церковью Борису и Глебу (не закрывалась в годы советской власти), женской церковно-приходской школой (конец XIX в.) и Ужинский погост с монастырем и церковью Илье (полевые записи автора статьи 1987 г.).

В настоящее время деревня относится к Борисовскому сельскому поселению. Жители д. Устрека и окрестных деревень на протяжении многовековой истории занимаются ловлей рыбы.

Фольклорная группа (этнофоры 1907-1917 годов рождения) образовалась при изучении народно-песенной традиции д. Устрека фольклористами из Москвы, Ленинграда, и автора исследования в том числе.

Характерными особенностями многоголосного пения этнофоров д. Устрека Старорусского района Новгородской области являются¹:

- монодийный вид – в пении хороводов «Что во городе было во Казани», «Хожу я гуляю», «Журавли вы длинноноги» и локальных видов частушки;
- монодийный вид с элементами «терцовой вторы» – в пении плясовых песен «А выросла наша широка полоса», «Ах вы, сени мои, сени», хороводной песни «Во саду ли, в огороде»;

1. Отдельные образцы песенного репертуара – см. Приложение «Устрека» в научном исследовании автора статьи «Новгородское народно-певческое искусство» [3, с. 102-103].

- монодийный вид с элементами «секстовой вторы» – в пении кадрильной песни «Ни стучит, ни гремит»;
- монодийный вид с элементами «октавной вторы», и терцовой/секстовой вторы в том числе, – в пении кадрильной песни «Занесу я ленту алу»;
- полифонический вид («басовый» бурдон) с элементами «терцовой вторы» (запев), «терцовая втора» (рефрен) – в пении кадрильной песни «Что у наших у ворот»;
- «ленточный» вид («октавная втора») – в пении лирической песни «Несчастливая Машенька», кадрильной песни «Прочь, прочь утойди», хороводной песни «Летели две птички» (аналогичный вид многоголосия применяется этнофорами «партесного» народно-певческого стиля д. Любыни Шимского района Новгородской области);
- «ленточный» вид («секстовая втора») – в пении кадрильной песни «Чижик, чижик».

Отметим также, что между этнофорами д. Устрека распределены роли в многоголосном ансамблевом пении – каждая певица исполняет свою голосовую партию. Важно и то, что многоголосная фактура пения подвижных жанров песенного фольклора не зависит от статичного или в движении поведения певцов.

Многоголосное пение этнофоров д. Устрека Старорусского района Новгородской области весьма многогранно и содержит ранние виды многоголосия – монодийный, полифонический, и различные виды «ленточного» многоголосия («терцовая/секстовая/октавная втора») как результат церковно-певческого влияния на народно-певческое исполнительство.

В целом ансамблевая фактура этнофоров д. Устрека Старорусского района Новгородской области отличается от ансамблевого многоголосного пения этнофоров «древнеславянской» и «древнерусской» народно-певческой среды, но имеет схожие технологии с многоголосным пением («ленточные» виды) этнофоров д. Любыни («партесный» народно-певческий стиль), д. Мшага Шимского района («смешанный» народно-певческий стиль).

**многоголосно-видовое исполнительство
этнофоров д. Городня Батецкого района Новгородской области
(«смешанный»-4 народно-певческий стиль)**

Специфика «смешанного»-4 народно-певческого стиля заключается в применении этнофорами певческо-стилевых технологий «древнерусского» и «древнеславянского» (различие заключается в типах артикуляции, певческом рупоре, фокусе звукового потока) народно-певческих стилей.

Характерными особенностями «смешанного»-4 народно-певческого стиля являются смешанные и единые виды регистровой фонации на основе сочетания в ансамблевом пении технологий «древнерусского» и «древнеславянского» народно-певческих стилей в соответствии с жанрово-акустическими особен-

ностями и статичным или в движении поведением этнофоров; «естественно-речевой» тип певческой артикуляции при «естественно-речевом» рупоре и дифференцированном фокусе звукового потока – объемном/суженном/узком, в соответствии с видом регистровой фонации; дифференцированные технологии подсвязочного давления – насыщенного/среднего/минимального в соответствии с динамикой звукового потока и силой голоса; дифференцированные технологии звукорезонирования (смешанный, грудной типы) в соответствии с типом фонационного дыхания, уровнем смыкания голосовых связок, типом артикуляции и фокусом звукового потока; дифференцированные виды многоголосия (ранние или развитые) в зависимости от жанрово-акустических особенностей, статичного или в движении поведения певцов – монодийный, полифонический, «ленточный» («терцовая/октавная втора»).

Деревня Городня находится в 70 километрах от Великого Новгорода (по Изгонной книге IV.11 – в шестидесяти верстах от Новгорода; 25 верстах от Луги [8, с.131]).

Древняя Городня была центром Дмитриевского Городенского погоста Водской пятины Новгородского уезда (упоминается в книге Вотской пятины 1499 – 1500 гг. [Там же, Приложение I, с. 3; 21-23]. Древние курганы, жальники, могилы у ближайших к Городне деревень Белой, Ясковицы, Пневно, Радгостицы, Русыня подтверждают устойчивые поселения людей в этих местах свыше тысячи лет назад¹. С XVIII века д. Городня и ближние деревни вошли в состав Петербургской губернии, а с 1944 года – в состав образованной Новгородской области.

В настоящее время д. Городня – центр сельского совета (муниципального образования), а городенский фольклорный хор (основной состав – этнофоры 1913-1922 годов рождения) является одним из старейших в области² – создан в 30-е годы XX в.

Характерными видами многоголосного пения этнофоров д. Городня Батецкого района являются³:

- монодийный вид многоголосия – в пении свадебной песни «Нам сказали, что Ванюшка грозён» (неформульный напев), хороводных песен в движении «Я селезня», «Жила-была царевна», «Летели две птички», «Со вьюном

1. Деревни Городенского погоста/прихода относятся к территории Верхнего Полужья – одной из самых ранних территорий и плотных расселений словен ильменских (новгородских) и первых погостов княгини Ольги. Именно с Верхней Луги началось постепенное освоение новгородцами земель Ижорского плато и территорий вниз по ее течению, и выходу к Балтийскому морю в том числе. В верхнелужских землях пересекались важнейшие сухопутные магистрали Новгородской земли и Московского государства. Фольклорные традиции, по В.А. Лапину, обнаруживают жанрово-видовую и фольклорно-этнографическую полноту [15, с. 3]. На погосте стояли церковь Покров Пречистые и церковь Дмитрию великому Солунскому [7, прил. I, с.21] – покровителю Дмитрия Донского, возглавлявшего русские войска в Куликовской битве. В XX веке на их месте была выстроена каменная церковь с тремя престоломи: Покрову Богородицы, Фролу и Лавру, святому великомученику Дмитрию Солунскому (престольные праздники д. Городня – в честь этих святых).

2. Об истории создания и деятельности Городенского фольклорного хора – см. [3, с. 22-24].

3. Отдельные образцы песенного репертуара – см. Приложение «Городня» в научном исследовании автора статьи «Новгородское народно-певческое искусство» [3, с. 104].

я хожу», «В нашем садочке», «Заинька по сенечкам», масленичной песни в уличной акустике «Гори, гори ясно», плясовой песни в движении «Во поле берёзынька»;

- монодийный вид многоголосия с элементами контрастной полифонии – в пении свадебных песен 2-го класса формульных напевов¹ «Сине море на волнах стоит» (запись 1981 г.), хороводной песни в статичных условиях «Я селезня», коляды в помещении «Што пришло, прикатило» (запись 1981 г.), плясовой песни в статичных условиях «Во поле берёзынька»;

- монодийный вид многоголосия с элементами «терцовой вторы» – в пении свадебной песни «Я не знала и не ведала», масленичной песни в помещении «Как на масленой неделе»;

- монодийный вид многоголосия с элементами «терцовой вторы» и контрастной полифонии – в пении свадебных песен 2-го класса формульных напевов²: «Затопилась парна баенка» (запись 1978 г.), «Ой, что при вечере, вечере» (запись 1981 г.), «Сине море на волнах стоит»; солдатской песни «За Дунаем за рекой», баллады «Ехали солдаты», хороводных песен в статичных условиях «Жила-была царевна», «Летели две птички»;

- «ленточный» вид многоголосия («терцовая втора») – в пении свадебной песни «Не долго веночку во горенке висеть» (запись 1981 г.; неформульный напев в песенном цикле д. Городня), хороводной песни «Рано, рано по утру» (запись 1981 г.);

- «ленточный» вид многоголосия («терцовая втора») с элементами контрастной полифонии – в пении свадебных песен 3-го класса напевов-формул³: «Соколы вы соколы» (запись 1978 г.), «Да по горам по горичкам» (запись 1978, 1981 гг.), «Да поезжайте, друженьки», «Да при пути-дороженьки», «Ды как у Феде в тереме»; солдатских песен «Под ракитю зелёной», «Знаю, ворон»;

- «ленточный» вид многоголосия («терцовая втора») с элементами аккордовых созвучий – в пении свадебной песни «Не долго веночку во горенке висеть» (запись 1978 г.; амбитус напева малая септима);

- «ленточный» вид многоголосия («октавная втора») – в пении лирической песни «Гуляла я девица»;

- сочетание контрастно-полифонического и «ленточного» (терцовая втора) – в пении свадебных песен 1-го класса напевов-формул: «Да вот пойдете-ка», «Да не ломитесь», «Да благослови-ко» (запись 1978 и 1981 гг.), «Да

1. 2 класс напевов-формул свадебных песен д. Городня на основе простой 2-строчной музыкальной формы, которой соответствует 2-строчная композиция мелострофы с тоническим 9-сложным песенным стихом, семиступенным звукорядом в амбитусе малой септими с высоким терцовым тоном (V-VIb-VIIb-I-II-IIIb-IV), РФ 9q

2. 2 класс напевов-формул свадебных песен д. Городня – см. сноску 3б.

3. 3 класс напевов-формул свадебных песен д. Городня на основе строфической простой 2-строчной музыкальной формы, которой соответствует 2-строчная композиция мелострофы с тоническим 7-сложным песенным стихом, узкообъёмным звукорядом в амбитусе сексты с высоким терцовым тоном (I-II-IIIb-IV-V-VI), РФ7q

подарите»¹;

- сочетание монодийного и «ленточного» (терцовая втора») видов многоголосия – в пении свадебной песни «Кто у нас хороший» (неформульный напев), сатирической песни «Как во граде было Новгороде», хороводной песни в статичных условиях «Со вьюном я хожу»;

- полифонический вид многоголосия с элементами «терцовой вторы» и аккордовых созвучий (в каденциях – с функциональным басом) – в пении свадебной песни 2-го класса напевов-формул «Сине море на волнах стоит» (запись 1978 г.).

Важно отметить, что многоголосно-видовое исполнительство этнофоров д. Городня Шимского района зависит от амбитуса напева исполняемого песенного образца статичных фольклорных жанров: к песенным образцам с узкообъёмным амбитусом напевов (кварта-квинта) применяются ранние виды многоголосия – монодийный с элементами гетерофонии/полифонии или гетерофонно-полифонический; к песенным образцам с амбитусом напевов более сексты, как правило, применяются развитые виды многоголосия или их сочетание с ранними.

Отметим также, что между этнофорами д. Городня распределены роли в многоголосном ансамблевом пении – каждая певица исполняет свою голосовую партию. Важно и то, что многоголосная фактура пения подвижных жанров песенного фольклора зависит от статичного или в движении поведения певцов: в движении применяется монодийный вид многоголосия, а в статичных условиях – различные виды многоголосия. Более того, фактура многоголосного пения этнофоров д. Городня, как правило, упрощается в концертно-сценических условиях².

Многоголосное пение исполнителей д. Городня Батецкого района Новгородской области весьма многогранно и содержит ранние виды многоголосия – монодийный, полифонический, и различные виды «ленточного» многоголосия («терцовая/октавная втора») как результат церковно-певческого влияния на народно-певческое исполнительство.

Ансамблевая фактура исполнителей д. Городня Батецкого района Новгородской области отличается от ансамблевого многоголосного пения этнофоров «древнеславянского» и «древнерусского» народно-певческих стилей, но имеет схожие технологии с «ленточным» многоголосием этнофоров д. Любыни («партесный» народно-певческий стиль), дд. Углы, Мшага Шимского, Устрека Старорусского районов («смешанные»-1,3 народно-певческие стили).

В целом этнофоры Новгородской области применяют/применяли:

- ранние виды многоголосия – монодийный, гетерофонно-полифониче-

1. 1 класс формульных напевов д. Городня на основе простой строфической 3-строчной музыкальной формы, которой соответствует 3-строчная композиция мелострофы с цезурированным песенным стихом, узкообъёмным звукорядом с высоким терцовым тоном (V-VIv-VIIv-I-II-IIIv/ I-II-IIIv-IV), РМ 10q

2. Наблюдения автора статьи 1992-2007 гг.

ский, в условиях «древнеславянской» и «древнерусской среды»;

- «ленточные» виды многоголосия (терцовая/секстовая/октавная параллель голосов) – в условиях «партесной» народно-певческой среды;

- смешанные виды многоголосия – монойдиный/«ленточный»/аккордо-гармонический, в условиях «смешанной»-1-4 народно-певческой среды;

- дифференцированный подход в применении вида/видов многоголосия относительно исполняемых жанров песенного фольклора:

- моноподийный вид многоголосия – в пении подвижных жанров (плясовые песни, музыкальные игры, хороводы);

- гетерофонно-полифонические виды многоголосия – в пении свадебных песен с узким амбитусом напевов (кварта-квинта), ранней лирики, календарных песен;

- аккордо-гармонический, «ленточные» виды многоголосия – в пении поздней лирики, романсов, солдатских песен.

Предпринятое исследование позволило сделать следующие выводы:

1). Многоголосно-видовое исполнительство наряду с применением этнофорами единых/смешанных регистрово-фонационных технологий является дифференцирующим механизмом народно-певческих стилей.

2). На многоголосно-видовое исполнительство этнофоров «партесного» и «смешанного» народно-певческих стилей активно влияли традиции церковно-певческого образования и богослужебной практики.

3). Многоголосно-видовое исполнительство групп этнофоров «древнеславянского», «древнерусского», «смешанных»-2,4 народно-певческих стилей зависит от жанрово-акустических особенностей, статичного или в движении поведения исполнителей.

4). Многоголосно-видовое исполнительство групп этнофоров «партесного», «смешанных»-1,3 народно-певческих стилей не зависит от жанрово-акустических особенностей, статичного или в движении поведения исполнителей.

5). Многоголосно-видовое исполнительство зависит от амбитуса напева исполняемого песенного образца статичных фольклорных жанров: к песенным образцам с узкообъёмным амбитусом (кварта-квинта) напевов применяются ранние виды многоголосия – моноподийный с элементами гетерофонии/полифонии или гетерофонно-полифонический; к песенным образцам с амбитусом напевов более сексты, как правило, применяются развитые виды многоголосия или их сочетание с ранними.

6). Многоголосно-видовое исполнительство групп этнофоров зависит от участия певцов-лидеров и мобильных/стабильных исполнителей в целом, а также характеризуется дифференцированно-ролевым поведением этнофоров-участников многоголосного певческого процесса (развитые виды ансамблевой фактуры).

7). Многоголосно-видовое исполнительство зависит от внутренних факторов – семейно-родового воспитания/образования, участия в общинном пении (внехрамовые церковные песнопения, молебны), клиросных хорах, коллективах художественной самодеятельности и пр.

8). Многоголосно-видовое исполнительство зависит от внешних факторов – близости (или удалённости) к церковным, культурно-образовательным центрам, а также зависит от социокультурных/производственно-географических/историко-культурных особенностей каждой конкретной группы этнофоров [16, с. 45].

9). Каждый конкретный народно-певческий стиль содержит особый потенциал многоголосия и характеризуется его преимущественными видами.

10). Многоголосно-видовое исполнительство зависит от амбитуса напева: к песенным образцам с узкообъёмным амбитусом (кварта-квинта) напевов статичных фольклорных жанров применяются ранние виды многоголосия – монодийный с элементами гетерофонии/полифонии или гетерофонно-полифонический; к песенным образцам с амбитусом напевов более сексты статичных фольклорных жанров, как правило, применяются развитые виды многоголосия или их сочетание с ранними.

Отметим также, что фактура многоголосного пения упрощается за рамками ансамблевого состава исполнителей – в хоровом пении, в концертно-сценических условиях, а также упрощается в преклонном возрасте исполнителей.

Таким образом, предпринятое исследование раскрывает потенциал многоголосного пения этнофоров Новгородской области в целом и особенности многоголосия каждого конкретного народно-певческого стиля. Данный подход позволяет обоснованно применять выявленные технологии многоголосного пения в современных образовательных процессах освоения детьми народно-песенных традиций региона.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурьяк М.К. Классификация народно-певческих стилей Новгородской земли // Научный и общественно-политический международный журнал «Этносоциум и межнациональная культура» (ВАК). № 5 (71). М., 2014. С. 90-107.

2. Бурьяк М.К. Певческие традиции региона как фактор оптимизации художественного развития личности : на примере этнокультурных традиций Новгородской земли : дисс. ... канд. пед. наук : 13.00.05. Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, Санкт-Петербург, 1999. 190 с.

3. Бурьяк М.К. Новгородское народно-певческое искусство: научное исследование. Великий Новгород : ЗАО «Новгородский технопарк», 2000. 120 с.

4. Бурьяк М.К. Певческое этновоспитание детей (на примере этнокультурных традиций Новгородской земли). Часть 1. Учебно-методическое пособие для предмета «фольклорное ансамблевое пение» в музыкальных школах : учебная программа (авторская) для предмета «фольклорное ансамблевое пение» в музыкальных школах в 3-х ч. Великий Новгород : ЗАО «Новгородский технопарк», 2009. 140 с.

5. Бурьяк М.К. Процесс освоения многоголосного ансамблевого пения в аспектах формирования и становления современных носителей русской народно-песенной традиции (на основе этнокультурных традиций Новгородской земли) // научный журнал Московского государственного университета культуры и искусств «Вестник» (ВАК), № 3. М. 2012. С. 221–225.

6. Иванов А.Н. Очерки по краеведению Хвойнинского района. Хвойная: [б.и.], 1997. 92 с.

7. Сто новгородских сел. Вып. 4. Новгород : РИО Упрполиграфиздата, 1992. 246 с.

8. Неволин К.А. О пятинах и погостах новгородских в XVI в.// Записки Имп. Русского географического общества. СПб., 1853 г. Т.VIII. 193 с.

9. Конотоп А.В. Русское строчное многоголосие: Текстология, стиль, культурный контекст: автореф. дисс. ... д-ра искусствоведения. М., 1996. 67 с.

10. Парфентьев Н.П. Профессиональное певческое искусство в духовной культуре Российского Государства в XVI–XVII веках : автореф. дисс. ... канд. иск. наук. Свердловск, 1990. 17 с.

11. Сто новгородских сел. Вып. 2. Новгород : РИО Упрполиграфиздата, 1991. 272 с.

12. Лапин В.А. Русский музыкальный фольклор и история. М. : «Русская песня», 1995. 199 с.

13. Сто новгородских сел. Вып. 3. Новгород : РИО Упрполиграфиздата, 1991. 217 с.

14. Новгородские губернские ведомости. 1874. № 26. 3 июля. 3 с. (30–32).

15. Молчанова Т.С. Территориальное развертывание русских песенных традиций Полужья : автореф. ... дис. канд. иск. наук. СПб., 2011. 27 с.

16. Бурьяк М.К. Образовательная модель русской народно-песенной традиции в современном этнопедагогическом процессе // Научный и общественно-политический международный журнал «Этносоциум и межнациональная культура» (ВАК), № 9 (63). М., 2013. С. 38–51.

Приходько Я.В.,

аспирант, Оренбургский государственный педагогический университет

Специфика иноязычной компетентности школьника (кадета)

В современной России кардинально и стремительно меняются политические и экономические реалии, а также духовные и материальные приоритеты. Эти изменения неминуемо коснулись и системы обучения и воспитания подрастающего поколения, в связи с чем в России стали возрождаться образовательные учреждения, реализующие кадетский компонент: училища, корпуса, кадетские школы и школы-интернаты.

К тому же одной из актуальных проблем современного общества стало создание базы для формирования интеллектуальной элиты в лице офицерского корпуса российской армии, для подготовки молодых людей к поступлению и обучению в высших и средних военных учебных заведениях. Основной целью современных образовательных учреждений, реализующих кадетский компонент, является не только патриотическое воспитание молодежи, но и формирование интеллектуального, образованного и успешного в будущем специалиста.

Оренбургское президентское кадетское училище, созданное в 2010 году Распоряжением Президента РФ от 30 августа 2010 года № 564-рп и приказом Министра обороны РФ № 1125 от 30.08.2010 г. на базе бывшего Оренбургского высшего зенитного ракетного командного училища имени Г.К. Орджоникидзе, – это инновационная образовательная организация, задача которой готовить конкурентоспособных выпускников, ориентированных на военную и гражданскую службу.

К отличительным особенностям учебного процесса кадетского училища относятся:

- сочетание образовательных программ, содержащих кадетский компонент, программ дополнительного образования, кадетского воспитания, направленных на формирование практических знаний по основам подготовки к военной службе;

- ранняя профессиональная ориентация;

- особый уклад жизни военизированного образовательного учреждения, с регламентированной системой жизнедеятельности, с организацией и строгим соблюдением внутреннего порядка, определяемого воинскими уставами с учетом возрастных особенностей и возрастной психологии воспитанников.

Образовательная программа кадетского училища направлена на удовлетворение потребностей: учащихся — в программах обучения, стимулирующих развитие познавательных возможностей личности; родителей — в обеспе-

чении условий для максимального развития интеллектуального потенциала учащихся, культуры семейных отношений; общества и государства — в реализации программ развития личности, направленных на формирование человека, способного к продуктивной творческой деятельности в различных сферах.

Все это может быть достигнуто при компетентностном подходе. В рамках компетентностного подхода к организации учебного процесса основное внимание акцентируется на формировании всех видов компетенции, от которых зависит успешность межкультурной коммуникации.

Понятие «компетенция» уже давно входит в понятийный аппарат теории и методики обучения применительно к обучению иностранным языкам. Оно было введено Н. Хомским в 1965 году [1]. Компетенция (в переводе с латинского – «competentia») означает круг вопросов, в которых человек хорошо осведомлен, обладает познаниями и опытом. Согласно Э. Ф. Зееру, «компетенции - это обобщенные способы действий, обеспечивающие продуктивное выполнение профессиональной деятельности» [2]. По мнению А.В. Хуторского, «Компетенция - отчужденное, заранее заданное, социальное требование (норма) к обязательной подготовке ученика, необходимой для сто эффективной продуктивной деятельности и определенной сфере» [3]. Как один из переводов слова competence в русский язык наряду с термином «компетенция» вошёл термин «компетентность». В научно-исследовательской среде эти понятия либо отождествляются, либо дифференцируются.

Проблеме иноязычной компетентности в последнее время уделяется пристальное внимание многих исследователей, рассматривающих ее как одну из составляющих профессиональной компетентности. Под иноязычной компетентностью подразумевается особый вид деятельности, представляющий собой обмен информацией между представителями различных языковых сообществ в целях взаимопонимания и взаимодействия [4]; способность к пониманию и продуцированию неограниченного числа верных в языковом отношении высказываний при помощи усвоенных правил чужого языка [5].

В науке представлены разные подходы к сущности «иноязычной компетентности» и ее структуре. Так, О.Ю. Искандарова, рассматривая иноязычную компетентность, ориентируется на сформированность качественных характеристик личности, которые определяются совокупностью языковых умений [6]. А.И. Щамов делает акцент на суммарных знаниях, умениях и навыках иноязычной речевой деятельности [7]. Нами разделяется точка зрения Е.В.Шумана, в соответствии с которой иноязычная компетентность является результатом обучения, направленного на формирование способности к иноязычной деятельности в разных областях с учетом интересов будущей специализации [8].

Учебный предмет «Иностранный язык» играет существенную роль в ре-

шении такой важной задачи, стоящей перед общим образованием, как обеспечение условий для формирования у учащихся адекватной современному уровню знаний картины мира и развитие у них интереса к мировой и национальной культурам. Изучение иностранных языков подразумевает возможность общения обучаемых с людьми других национальностей, других культур.

Формирование иноязычной компетентности определяется сегодня как основная цель обучения иностранному языку на этапе общего образования. Так, в ходе изучения предмета «Английский язык» в кадетском училище реализуются следующие цели:

1. Дальнейшее развитие иноязычной компетентности:

речевой компетенции — совершенствование коммуникативных умений в четырёх основных видах речевой деятельности (говорении, аудировании, чтении, письме);

языковой компетенции — систематизация ранее изученного материала, овладение новыми языковыми средствами в соответствии с отобранными темами и сферами общения: увеличение объёма используемых лексических единиц; развитие навыка оперирования языковыми единицами в коммуникативных целях;

социокультурной компетенции — увеличение объёма знаний о социокультурной специфике страны/стран изучаемого языка, совершенствование умений строить своё речевое и неречевое поведение адекватно этой специфике, формирование умений выделять общее и специфическое в культуре родной страны и страны изучаемого языка;

компенсаторной компетенции — дальнейшее развитие умений выходить из положения в условиях дефицита языковых средств при получении и передаче иноязычной информации;

учебно-познавательной компетенции — развитие общих и специальных учебных умений, позволяющих совершенствовать учебную деятельность по овладению иностранным языком, удовлетворять с его помощью познавательные интересы в других областях знаний;

2. Развитие способности и готовности к самостоятельному и непрерывному изучению иностранного языка, дальнейшему самообразованию с его помощью, использованию иностранного языка в других областях знаний; способности к самооценке через наблюдение за собственной речью на родном и иностранном языках, личностному самоопределению учащихся в отношении их будущей профессии; социальная адаптация учащихся, формирование качеств гражданина и патриота.

3. Расширение лингвистического кругозора старших школьников; обобщение ранее изученного языкового материала, необходимого для овладения устной и письменной речью на иностранном языке;

4. Использование двуязычных и одноязычных (толковых) словарей и другой справочной литературы;
5. Развитие умений ориентироваться в письменном и аудиотексте на иностранном языке;
6. Развитие умений обобщать информацию, выделять её из различных источников;
7. Использование выборочного перевода для достижения понимания текста;
8. Интерпретация языковых средств, отражающих особенности культуры англоязычных стран;
9. Участие в проектной деятельности межпредметного характера, в том числе с использованием Интернета.

Учебным планом кадетского училища на ступени основного общего образования предусматривается изучение двух иностранных языков:

- основной иностранный язык (английский, немецкий, китайский (42 кадета выбрали как основной) языки) изучается в 5, 6 классах в объеме 6 часов в неделю (3 часа базового компонента, 3 часа из компонента кадетского училища), в 7-9 классах в объеме 5 часов в неделю (3 часа базового компонента, 2 часа из компонента кадетского училища);
- второй иностранный язык, на изучение которого в 6-9 классах выделяется по 2 часа из компонента кадетского училища.

Для формирования у воспитанников умения участвовать в межкультурной коммуникации, в 5-9 классах на второй иностранный язык дополнительно выделяется 1 час в неделю из времени, отводимого на дополнительное образование.

На ступени среднего (полного) общего образования предусматривается введение следующих профилей обучения:

- в 10 классах: физико-математический, социально-гуманитарный, социально-экономический, универсального обучения;
- в 11 классах: физико-математический, информационный, социально-гуманитарный, оборонно-спортивный.

Во всех профилях изучение иностранных языков преподается с учетом примерных программ учебного предмета «Первый иностранный язык» и «Второй иностранный язык» на профильном уровне.

Повышению уровня иноязычной компетентности на ступени среднего (полного) общего образования способствует тот факт, что помимо учебных предметов «Первый иностранный язык» и «Второй иностранный язык» в программу обучения введены предметы «Военное страноведение» и «Мировая художественная культура» с преподаванием на иностранном языке, основной целью которых является повышение качества языковой подготовки в целом, усвоение иноязычной лексики и терминологии по тематике данных

предметов; развитие и совершенствование основных коммуникативных навыков и умений, обеспечивающих способность учащихся вести беседу на английском языке по предложенным в учебных материалах темам; расширение представлений обучаемых о возможностях использования английского языка как средства познания окружающей действительности; развитие творческого потенциала обучаемых, направленного на проведение межкультурных исследований с использованием английского языка.

С учетом введения новых предметов с преподаванием на иностранном языке и профиля обучения объем отводимого на изучение иностранного языка времени в 10-11 классе составляет от 8 до 10 (социально-гуманитарный профиль) часов.

Немалое значение в повышении уровня иноязычной компетентности имеет наличие в училище современных учебных кабинетов, оборудованных интерактивными досками и проекторами, компьютеризированными рабочими местами преподавателей, Интернет-связью. При этом училище имеет собственную локальную сеть со свободным доступом в Интернет, а каждый кадет имеет персональный ноутбук.

По мнению ученых, информатизация языкового образования постепенно становится приоритетным направлением методики обучения иностранным языкам [9]. П.В. Сысоев пишет, что современные информационные и коммуникационные технологии (ИКТ), всего лишь несколько лет назад казавшиеся далеким будущим, сегодня стали реальностью, и «большая часть педагогов в той или иной степени применяют ИКТ в процессе обучения иностранному языку» [10]. Причем если одни из них делают лишь первые попытки внедрения ИКТ, применяя задания по поиску в сети Интернет материалов по изучаемой теме, то другие уже организуют взаимодействие между учащимися одного или нескольких классов в сети Интернет с помощью e-mail, форума или блога. В научной литературе появилось немало работ, в которых учеными обосновываются и разрабатываются методики обучения иностранному языку на основе современных информационных и коммуникационных технологий. [11]

Повышению уровня иноязычной компетентности способствует и участие кадет в научно-исследовательской и проектной деятельности, в олимпиадах, конкурсах и фестивалях различных уровней. Так, в 2013-2014 учебном году в олимпиадах и конкурсах по английскому языку приняли участие 359 кадет. Многие кадеты принимают участие в программе дополнительного образования лингвистического направления - школа коммуникации и языковые клубы (английский, немецкий, французский, китайский).

В 2013-2014 учебном году по инициативе преподавателей кафедры иностранных языков был дан старт долгосрочному языковому проекту «Lingua

Land», участниками которого стали кадеты 5-11 классов. Это отличная возможность изучать иностранные языки не только на уроках, но и во внеурочной деятельности для снятия чувства языкового барьера в ситуациях повседневного и делового общения.

В рамках проекта создания языковой среды «Lingua Land» разрабатываются и реализуются 6 направлений. Каждое из них соотнесено с определенным комплексом задач, выделенных в проекте. Составляющие проекта (терры) подобраны таким образом, что учащиеся сами приходят к пониманию своего места в мире и мира в себе, определяя свою позицию в отношении ценностей, традиций, истории не только родной страны, но и стран Европейского сообщества, задумываются о тесной взаимосвязи и многообразии культурных социумов.

Так, кадеты 5-8 курсов, изучающие английский, в рамках проекта летней практики «Путешествуем без проблем» общались с живым носителем языка, преподавателем языковой международной школы «Language Link» Велиндой Уолтон (США, Сан-Франциско). Участники проекта провели для иностранной гостьи виртуальную экскурсию по Оренбургу, «прошли» таможенный и паспортный контроль на территории аэропорта, познакомились с традиционной ирландской кухней и правилами поведения в кафе, научились заполнять анкету и гостевую карту в гостинице.

Реализация метапредметности и интегративности при обучении иностранному языку является еще одним средством повышения иноязычной компетентности. В качестве примера можно привести дополнительный курс для учащихся 6-7 классов «Увлекательная информатика на английском языке», представляющий собой совмещение в одном курсе ИКТ и английского языка. Результаты внедрения курса показали, что шестиклассники и семиклассники способны усвоить порядка 100 единиц специальной лексики активно и около 200 - пассивно. Польза от расширения словарного запаса очевидна, поскольку знание специальной терминологии дает возможность получать информацию с англоязычных сайтов, а впоследствии стать продвинутым компьютерным пользователем. Таким образом, помимо повышения иноязычной компетентности, значительно расширяются познания кадетов как компьютерных пользователей, повышается их информационная культура.

Подводя итоги, можно отметить, что образование в кадетском училище способствует формированию и развитию у детей нужных знаний, составляющих целостную картину мира, навыков и умений осуществлять различные виды деятельности. При этом иноязычная компетентность входит в круг компетенций, которые должны рассматриваться как желаемый результат образования.

Список литературы

1. Хомский Н. Язык и проблемы знания // Вестник МГУ. Филология, 1995. №4. С. 130-157.
2. Зеер Э. Ф. Саморегулируемое учение как психолого-дидактическая технология формирования компетенции у обучаемых // Психологическая наука и образование. 2004. № 3. С. 5-40. С. 40
3. Хуторской А. В. Технология проектирования ключевых и предметных компетенций. Инновации в общеобразовательной школе. Методы обучения // Сб. научн. трудов / Под ред. А. В. Хуторского. – М., 2006. С. 65
4. Пассов Е.И. Цель обучения иностранному языку на современном этапе развития общества. Общая методика обучения иностранным языкам. Хрестоматия / Е.И. Пассов, В.П. Кузовлев, В.С. Коростелев. - М.: Просвещение, 2001
5. Ведель Г.Е. Обучение иноязычной речи // Актуальные проблемы обучения иностранным языкам в школе и вузе. Курс лекций для студентов факультетов иностранных языков. Воронеж, 1999. С. 58-82
6. Искандарова О. Ю. Теория и практика формирования иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности специалиста. – URL: <http://diss.rsl.ru>
7. Щамов А. И. Лексические навыки устной речи и чтения - основа семантической компетенции обучаемых//Иностранные языки и школе. 2007. № 4
8. Шуман Е.В. Технология формирования у школьников коммуникативной компетенции // INTER-CULTUR@L-NET. Выпуск 06/2007 URL: <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/69/>
9. Сысоев П.В., Евстигнеев М.Н. Методика обучения иностранному языку с использованием новых информационно-коммуникационных Интернет-технологий : учеб.-метод. пособие. М. : Глосса-Пресс ; Ростов н/Д: Феникс, 2010.
10. Сысоев П.В. Информатизация языкового образования: основные направления и перспективы // Иностранные языки в школе. - 2012. - № 2-3.
11. Лазутова Л.А., Левина Е.А. Информационно-коммуникационные технологии как средство формирования иноязычной речевой компетенции. Код доступа <http://teoria-practica.ru/-1-2013/pedagogics/lazutova-levina.pdf>

Пудов А.Г.,

*доцент кафедры философии, истории и социально-экономических наук ФГБОУ ВПО
«Якутская государственная сельскохозяйственная академия»*

Символическая онтологизация сознания как основа конструирования этноса на этапе этногенеза

Конструктивистская модель этноса, представленная В.А. Тишковым [1] представляет, на наш взгляд, вторичный этап «этнической сборки». Последняя вбирает идеологию этнической мобилизации, проводимой политической или культурной сферой, по заказу первой. Первичный этап «этносборки» в контроверзе к вторичной идеологической, мы приписываем метафизической сборке, вобравшей себя онтологическую символизацию. Она представляет проработку первичного символизма сознания [2] вторичными уникальными символическими конструктами, выработанными на этапе зарождения этноса - этногенеза. Символическая онтологизация сознания являлась фундирующим механизмом этногенеза. Это идеальный процесс сборки, который впоследствии наслаивает на себя новые механизмы, коррелирует природно-ландшафтными особенностями традиционного ведения хозяйства.

Конструктивизм В. Тишкова - это срез проблемы эволюции этничности, которая в традиционную эпоху начала этногенеза имела онтологические основания в символическом сознании культурных героев - создателей этноса, и расширяла свои границы в массах, образующих этническую группу, вторым шагом - культурной самоидентификацией. Для нас несомненно, изначально имело место культуротворчество - факт спонтанного изобретения уникальных вторичных символов сознания, доступных для понимания некоторому количеству индивидов, несущих в своем сознании акт держания символической формы.

Итак, используя метатеорию сознания, данную символами [2], предположим, что этногенез или зарождение нации изначально сопровождается изобретением символических конструктов, фиксируемых в видах и жанрах культуры. Процесс самоидентификации, таким образом, является вторичным шагом формирования и поддержания этничности в массовом сознании, о чем писал В.А. Тишков.

У каждого этноса имеет место уникальный спектр основных символических констант, вокруг и через которые разыгрываться этническое пространство культурных форм и формообразований. Принимая во внимание конструктивистскую позицию В. Тишкова, выгодно и эвристически плодотворно представить этногенез процессом формирования символического пространства зарождающейся этнической культуры. Этногенез в данном ракурсе предстает этапом спонтанного символотворчества, рождающего определенное культурное напряжение смыслов, схваченных сочетанием нескольких символических

конструктов. Поэтому традиционное общество и этногенез в нем, характеризуется символотворчеством – процессом творения спектра символических образований: вербальных, графических, а также вещных формообразований, несущих символическую нагрузку, а как дополнение – дальнейшую идеологическую проработку произведенных символических конструктов через жанры народного творчества.

Оригинальный этнический символизм, отражающий универсальные завоевания этноса важен как онтологическое основание. Это основание в мифологически конципированном сознании и соответственно мире не переведено в трансцендентальное сознание, все же, ритуальное «хождение» вокруг символического спектра конкретного этноса позволяло последнему выносить смыслы и оставаться в истине. Как указали М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорский в своей работе, это был способ приобщения к первичному символизму сознания посредством вторичных символов. Этнокультурные завоевания символической жизни, таким образом, нужно воспринять как исторически первый этап сознательной жизни человека, подготовка к рационально-рефлексивному, переданному философской мыслью и наследием мировых религиозно-философских систем.

Говоря об онтологическом срезе первичных и вторичных символов, отметим методологическую сложность определения существа символа через сознание. Нет достаточно хорошо разработанных инструментов анализа. Оригинальный вариант был предложен указанной метатеорией сознания и символа М. Мамардашвили и А. Пятигорского. Предтечей точки зрения отечественных философов можно считать не столько малоизвестные буддистские трактаты и заложенные в них философские принципы, но и классические учения, возникшие в эпоху Нового времени - работы Рене Декарта и Иммануила Канта.

Напомним, в работе М. Мамардашвили и А. Пятигорского «Символ и сознание...» упоминается, что символическая составляющая языка определяется соотношением невербализованных (символических) и вербализованных конструктов. Это фактически подтверждает, что на заре истории символы являлись доязыковым способом освоения действительности. Они могли использоваться посредством образов. Необходимо отметить принципиальную невербализуемость мысли, а, следовательно, в определенном роде, неуниверсальность языковых средств передачи мысли. Языковая оболочка и нарастающая на ней «языковая игра» стали этапом идеологической проработки и интерпретации символически передаваемых состояний сознания.

Следует заметить, что рассмотренные определения символа вскрывают важную особенность. За вещами-символами, как показали в своей работе М. Мамардашвили и А. Пятигорский, скрывается незавершенное бытие, требующее в нем нашего участия посредством интерпретации этой вещи-символа.

Тем самым совершается попытка завершения бытия, скореллированного состоянием сознания, заводящим нашу психику в определенные структуры сознания. Близкими являются интерпретации символа Ю. Лотманом [3, С. 240], который определяет символ как обязательный атрибут любой семиотической системы. В контексте определения символа в культуре, он дает определение: символ есть содержание, которое служит планом выражения для другого, более ценного по отношению к культуре содержания [3, С. 240-241]. Если заметить выражение «более ценное» на «обретение полноты бытия», то есть ввести в поле видения онтологический контекст, все становится на свои места и для философии. В отсутствии важного для философии дополнения, Лотману приходится уточнять свойство символа, выделяя его как целый, четко выделенный в семиотическом контексте самозамкнутый на себя смысловой и структурированный текст, что при пристальном изучении, можно выразить как скрытое или стоящее за символом незавершенное бытие.

У Ролана Барта символ является отношением означающего и означаемого. Таким образом, любой знак становится возможностью, интенциональной формы для возникновения символа. Не ставя задачи раскрытия онтологического основания в символе, структуралисты заняты потенциалом символа породить тексты. Последующие постструктуралисты вплотную заняты знаками, доведя до крайности в творчестве Ж. Лакана и Ж. Дерриды, обязательное отсутствие означаемого объекта для рассматриваемого знака. В связи с такой практикой, в современной культуре возникает переход от знаков, которые искажают наличие чего-то реального к симулякрам, свидетельствующим отсутствие чего-либо вообще [4, С. 728]. В этом случае размывается онтологический гарант в виде денотата, а остается идеальный конструкт десигната. Символ утрачивает свою онтологию. Он перестает существовать, а его сущность подменяется знаковыми комбинациями, разыгрываемыми языковой игрой в которой отсутствует сознание. Симулякр маскируется под символ, осуществляя вместе со знаком возможность манипулирования мышлением человека. Реальный символ у Ж. Бодрийяра (несущий у него иррациональное: «дар и отдаривание, взаимность и обратимость, трату и жертвоприношение» [5, С. 96]) представляет защиту от манипулирования, нарушая семиозис данной системы, основанной на обмене, выгоде и накоплении.

Итак, символ – это эволюционно сложившийся механизм или способ взаимосвязи субъекта и окружающего мира. Через себя символ реализует указанную функцию, соединяя весь сонм вещей окружающего мира с состояниями сознания. Символ – это то, что мы можем вообще понять в этом мире. Символ становится сопоставлением между этими двумя принципиально не связанными мирами. Один полюс символа погружен в определенные структуры сознания, а другой – указание, причем, как указывали М. Мамардашвили и А. Пятигорский, - спонтанное, на вещи в мире.

Символ – это экономный способ кодирования состояний сознания, а особенно «экономным» способом является миф. Данный способ не требует расхода интеллектуальной энергии и напряжения каждый раз, когда необходимо оказаться в истине. Перманентный адский труд возвращения на вершину истины в мифе происходит как бы по волшебству, без видимых затрат энергии мышления. Мы пользуемся мифом, в результате оказываясь в истине, не вдаваясь в подробности «адской» работы сопоставления и понимания. В философии этот автоматизм сознательно заблокирован. Универсальность символов, подчас пугающая схожестью у разных «неконтактных» культур, может говорить об однозначном соответствии состояний сознания, их онтологическом статусе единства как универсального феномена сознания и человека, как его носителя, независимо от расы, пола и возраста.

Этническое символотворчество - сущность этно-мифотворчества, превращение понятельных структур первичного бытийного символизма в формы внешних феноменальных конструкций - картинок-представлений. Бытие, будучи ключевым механизмом культуры, рефлексивируется мифом как результат «состоявшегося бытия» и напоминание. Древние греки, придумав «логос» - «голос бытия», перестали удовлетворяться «следом» бытия, его содержанием. Их затронул пафос самой мысли, пафос ее удержания через самоусилие и выход на универсальные «нечеловеческие» конструкции, т.е. символические конструкции, максимально лишенные вещности мира, привязанной нашим языком. В этой связи, символ в мифологической традиции любого этноса – это этнокультурный символ, составляющий тождество символа второго порядка, фиксирующего не мысль узнающую бытие, а их конечный результат – содержание мысли-бытия.

Первичный символизм предстает «языком бога». Человеческий удел – это символизм второго порядка. Его можно назвать мифологизацией. Мифологизация, таким образом, предстает способом подмены бытия, его буквализации в картинках-представлениях той или иной этнической культуры. Картинки-представления раскрываются буквально в «человеческом антураже» представлений мира - этно-мировоззрении, которое скореллировано окружающей природе, ландшафту, климату и т.д.

Используя определения в работе М. Мамардашвили [6] заключим, метафизические символы, выполняющие онтологизирующие функции, - это то, что таким способом символизации эксплицируется как «исторический элемент» мира, отражающий первичное вхождение эмпирии в наше мышление в акте трансцендентальной апперцепции; все остальные символы (неметафизические, мифологические, косвенно осуществляющие онтологизацию: знаки, псевдосимволы, символические метафоры и аллегории), - это вторичное вхождение эмпирии в наше мышление (восприятие объектов).

В связи с вышесказанным, если исходить из определения этноса как кон-

структивной сборки вокруг уникальных вторичных символов сознания, выстраивающих вокруг себя такие же уникальные формы культуры в которых эти символы обретают мифологически конципированную функциональность, то отсюда вытекает вопрос: прекращение существования и функциональности этой сборки вокруг вторичных мифологических символов означает разрушение существования этноса? Ответ скорее прозвучит отрицательный, так как на место мифологически конципированной сборки придет место другая, например, мифологически конципированная политикой общих задач сохранения национального языка, обычаев, традиционных видов хозяйствования и ремесел, о чем содержательно изложено В. Тишковым.

Вместе с тем, возникают новые формы культуры, вбирающие в себя новые «новоделные» обряды и ритуалы, центрируемые новым символическим спектром или же тем же содержательным спектром, что и в традиционном обществе, но несущих совсем иной смысл, например, метафизический, религиозный, политический.

Сохраняется ли этнос в условиях утраты своего языка? Если да, то это означает, что наличие указанных выше, вторичных символов эффективно внедрено вне языка. Следовательно, гипотетический спектр вторичных символов смещен в другие неязыковые носители - обрядо-ритуальные, этнос продолжает существовать и без родного языка. Этнографические примеры существования этноса с чужеродным языком изобилуют. Таким образом, предварительно можно заключить, что этнос, на протяжении изменяющейся исторически социокультурной реальности находит новые источники своей сборки. Этими источниками желательны иметь метафизические символические концепты, помогающие рождению человеческого начала, часто сохраняющие мифологизированные приемы сборки и идентичности.

У В. Тишкова есть занимательная фраза, которую можно обратить относительно онтологической позиции первоначал культурных различий. «Этничность – это форма социальной организации культурных различий» [1, С. 105]. Поэтому этничность - это форма существования наличных культурных отличий, которые были изобретены на этапе этногенеза, представляющего из себя способ уникальной интерпретации первичного символизма сознания. То есть этничность несет смысл процессуальности самоидентификации, представляющий из себя вторичный процесс идеологизаторской подпитки, следующий за когда-то случившимся на этапе этногенеза актах самобытия, выявляющего смысл человеческого предназначения. Одним словом, в культуре перманентно происходят два вида процессов – разложения символического спектра за счет вариаций социокультурных интерпретаций идеологией этнической самоидентификации, с другой стороны,

существует процесс перманентной реанимации ядра культуры – символизации. В срезах изменяющихся социокультурных эпох он проводится искусством и религией, порой находя новые смыслы в исконных символических конструктах. В своих исследованиях мы это назвали символическим синтезом и трансмиграцией символов [7]. То есть этнос как конструкт остается живым за счет двух указанных выше процессов - доступного массово и метафизического, доступного культурным агентам современности, творящих культуру.

В онтологических координатах символизма, этнос не есть неизменная субстанция. Номинально он таковым остается, но его суть меняется во времени, оставляя в императиве функцию воспроизводства человеческого начала. Этнос в традиционную эпоху оставался колыбелью сохранения человеческого, причем главным образом, за счет символической онтологизации. Чем больше доминирует идеологического в конструировании этноса и сборке этничности, тем меньше в остатке гуманистического - основного результата функционирования этнического в традиционную эпоху.

Мы считаем, в современном мире возвращение этнического, не продиктованного политической сферой, происходит посредством искусства и этнических верований. Движение ренессанса идет от радикальных культурных течений, например, рок музыки, до вдумчивого обретения духовных корней посредством живой реконструкции вторичных этнических символов в изобразительном искусстве, театре, кино, мультипликации и т.п. Живые примеры реанимации этнического символизма прослеживаются в культуре современных саха (якутов). Так якутский чорон (кумысный кубок) и кумысная посуда, хомус (варганый музыкальный инструмент якутов), хороводный танец «осуохай», будучи введенные в новые формы культуры, искусства и реанимированные ритуалы и формы национального праздника «Ысыах» – становятся новым источником этнической сборки.

Формирование новых этносов по Ю. Бромлею, как указывает В. Тишков [1, С.115] возможно, но это уязвляет теорию этноса. С обозначенной точки зрения, формирование новых этносов принципиально осложнено отсутствием символической онтологизации сознания как качества принципиально отсутствующего у современного человека. Ему придется довольствоваться примитивными моделями идеологического сознания - мифологизирующей идентификации. Цикл «символизация - десимволизация», повторяющийся в сердцевине культуры, возвращает человеческое человеку, обращает его внимание на мысль как свободную ипостась, независимую от нашего рационального волеизъявления. Смоделировать символ волеизъявлением трудно, поэтому необходимо научиться «прочитывать» то, что как свободный процесс сознания протекает в каждом конкретном человеке, в каждом кон-

кретном сообществе. Нужно попытаться синтезировать то, что уже пришло как свободная мысль, отличная от психологизмов и стереотипов. «Первичный символизм» порождается смыслами. Обретение едва уловимых смыслов происходит синтезом символических образований, адекватных для интерпретации данным сообществом. Поэтому многими этносами ведутся «культурные раскопки» по ренессансу и введению в современные формы культуры и быт исконных вторичных символов - артефактов ритуально-обрядовой культуры этноса.

Известно, «нация - ежедневный плебисцит», этнос не в меньшей мере, у которого за отличием от первого конструктора, имеет место апеллирование к мифологически структурированным сакральным первоисточникам происхождения. В якутской мифологии о прародителе (культурном герое) народа саха (самоназвание якутов) Эллэйе [8], имеется уникальный материал для расшифровки этногенеза народа саха. Культурогенез, развязанный Эллэйем выражен рядом действий, имеющих: праксиологический (хозяйственный), ритуальный и метафизический характер. Это подчеркивает дополнительный объяснительный элемент этногенеза - социокод, а в последующем менталитет народа, сорождаемые вместе с его символическим спектром. Социокод фиксируется лингвистическими средствами и социальными шаблонами, кроме того, снивелирован психологией. Но это вопрос для отдельной проработки.

Список литературы

1. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука. 2003. - 544 с.
2. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке / М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорский. - М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. - 224 с.
3. Лотман Ю. М. Семиосфера. - СПб: Искусство, 2000. - 704 с.
4. Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. - 1040 с.
5. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. С. 96.
6. Мамардашвили М.К. Кантианские вариации. М.: Аграф, 2002. - 320 с.
7. Пудов А.Г. Эстетика символического в эпоху транзитивной социальной реальности / А.Г. Пудов. - Якутск: РИО медиа-холдинга, 2014. - 336 с.
8. Ксенофонтов Г.В. Эллэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. - Якутск: Бичик, 2004. - 352 с.

Деречин А.О.,

аспирант 3 курса Шадринского государственного
педагогического института

Формирование поликультурной компетентности старшеклассников во внеурочной деятельности

В рамках поликультурного воспитания нами рассматривается проблема формирования поликультурной компетентности старшеклассников. Основанием разрешения данной проблемы является то, что системой воспитания ценится задача подготовки подрастающего поколения к поликультурному общению с представителями стран с иными социальными традициями, общественными устройствами, языковой культурой. Кроме того, повышение уровня поликультурной компетентности является обязательным условием достижения положительного результата в процессе социализации в увеличивающейся интеграции мирового сообщества.

Поликультурное воспитание исходит из фундаментального принципа, выраженного в признании культуры каждого народа как стиля жизни, как совокупность менталитета, традиций, правил поведения, литературы, символов, нравственных и эстетических ценностей, воспитания, трудовых навыков, религии.

Поликультурное воспитание обладает функциональными вероятностями противостоять расизму, предубеждениям, предвзятости, этноцентризму, ненависти, основанной на культурных различиях; педагогической попыткой помочь осознать свою культуру, роль обобщений и стереотипов в коммуникации между разными культурами, осознать свое Я [1]. Поликультурному воспитанию процессуально значимо тогда, когда личности присуще стремление в общении с людьми иной культуры с целью понять их специфическую систему восприятия, познания, мышления, их систему ценностей и поступков, желание и потребность интегрировать новый опыт в личную культурную систему, изменить ее в соответствии с иной культурой [7, С.83].

Обращаясь к понятию «поликультурная компетентность» мы обнаружили, что эта дефиниция трактуется различными учеными неоднозначно – одни рассматривают ее как компетенцию, другие оперируют компетентностью и вкладывают в их смысл социальное, экономическое и прочее значение.

Анализируя имеющиеся исследования мы открываем ее существенное и содержательное наполнение и понимаем, что поликультурная компетентность толкуется как «знание и принятие человеком культурного разнообразия мира, доброжелательное, открытое и непредвзятое отношение к любой культуре и ее носителям» [6, С.24-25]; определяется как «совокупность знаний, умений, навыков, способствующую усвоению учащимися знаний о куль-

туре своего народа, как непереносимое условие интеграции в иные культуры; совершенствованию у учащихся представлений о многообразии культур в регионе, России, мире; развитию умений и навыков продуктивного взаимодействия с носителями иных культур» [2].

То есть, поликультурная компетентность имеет сложный многоаспектный характер, что проявляется в ее интегративной сущности и различном уровне обладания главными.

Мы в своем исследовании под поликультурной компетентностью старшеклассников понимаем интегративное качество, включающее совокупность знаний, умений, навыков, выраженных в знаниях о культуре своего народа, осведомленность в содержании, средствах и способах взаимодействия с миром культуры, реализующиеся в способности свободно ориентироваться в поликультурном мире, понимать его ценности и смыслы, позитивно с эмпатией взаимодействовать с носителями чужой культуры.

В качестве механизмов формирования поликультурной компетентности старшеклассников выступает обучение, воспитание, деятельность и общение. Анализ научной литературы позволяет выделить пять моделей формирования поликультурной компетентности учащихся: межпредметная, модульная, монопредметная, комплексная и дополняющая.

Рассматривая указанные модели образования в контексте формирования поликультурной компетентности старшеклассников, мы отмечаем, что в их содержательной характеристике прослеживается поликультурная составляющая с разной степенью акцента:

- межпредметная модель предполагает равномерное распределение материала по всем учебным предметам, содержание которого рассматривается в аспекте общего образования [5,С.36];

- модульная модель включает в учебные дисциплины гуманитарного цикла темы, которые отражают поликультурное своеобразие окружающего мира (своеобразие региона, России, других народов и стран);

- монопредметная модель связана с углубленным изучением учащимися этнических культур, языков, истории, географии, искусства региона, России, других народов и стран за счет вариативной части базисного плана [5,С.36];

- комплексная модель реализуется в виде интегративных курсов, в которых отдельные аспекты национальной культуры могут быть представлены во взаимосвязи истории, краеведения, культуроведения, литературы, историографии и т.д. [3,С.54];

- дополняющая модель предполагает изучение поликультурных аспектов содержания образования во внеклассных и внешкольных мероприятиях [5,С.36].

В каждой из названных моделей стоит проблема поликультурного образования посредством приобщения к культуре региона, России, других наро-

дов и стран. Мы в контексте нашего исследования позиционируем к дополняющей модели, в которой организация деятельности, формы организации процесса формирования поликультурной компетентности старшеклассников (кружки, студии, объединения, клубы, выставки и др.) позволяют приобщать их к сфере духовно-практической деятельности разных народов.

В рамках модели внеурочной деятельности в процессе формирования поликультурной компетентности старшеклассников нами поставлена цель, достижение которой осуществляется через следующие задачи: накопление, систематизация и обобщение культуроисторических фактов, традиций, обычаев, нравов другой культуры и своей; формирование умений ориентироваться в традициях, обычаях и духовных ценностях своего народа и других народов; формирование способности понимать закономерности развития культуры как непрерывного процесса по созданию, сохранению и трансляции общечеловеческих ценностей; формирование умений устанавливать контакты в поликультурных ситуациях и преодолевать ситуации «культурного шока»; формирование умений осуществлять рефлексию и творческое преобразование в ситуациях поликультурного содержания; формирование и развитие потребности в поликультурном развитии; формирование умений и опыта поликультурного взаимодействия и общения; формирование поликультурной грамотности: овладение поликультурными знаниями (фактами, представлениями, понятиями и т.д.), умениями, символами, правилами, нормативами в общении.

Внеурочная деятельность - это «совокупность преобразующих действий, совершаемых за пределами учебного предмета и процесса в непосредственной связи с ним; она имеет собственную специфику и логику, присущие ей элементы, функции, содержание, принципы, формы, методы, критерии оценки результатов этой деятельности» [4].

В процессе формирования поликультурной компетентности старшеклассников внеурочная деятельность функционально обладает существенными признаками: тесная связь с урочной деятельностью, свобода выбора и степени участия в ней; осознание личностной значимости деятельности; возможность выполнения творческой деятельности; широкое использование методов стимулирования активности учащихся; занимательность, новизна содержания, форм и методов работы; гибкость организационных форм.

Анализ сложившейся практики показывает, что школа не ограничивается использованием только традиционных форм внеурочной деятельности, активно внедряя инновационные. В нашем исследовании мы располагаем возможностью использовать и внедрять такие формы внеурочной деятельности как:

- студии – это оригинальная учебно-воспитательная форм (М.М. Шибеева); метод обучения и воспитания (О.П. Табаков); принцип взаимоотношений

в коллективе (М.А.Розовский). В нашем исследовании это хореографические (танцы народов мира), музыкальные, хоровые, театральные студии. Деятельность старшеклассников в студии характеризуется высокой степенью социальной активности, взаимопонимания, требовательностью и поддержкой, создающих микроклимат духовности, гражданского подъема;

- клубы многокультурной и этнографической направленности – учебно-воспитательная форма, в которой создаются условия для включения старшеклассников в активную деятельность через самопознание, самооценку, самоинформирование (Л.П.Качалова); форма, при которой возможен процесс творческого поиска и личного участия в нем;

- кружки и мастерские народно-прикладного творчества;

- культурные салоны - рассматриваются как форма, в которой гарантируется реализация личностных возможностей, самовыражения, удовлетворения познавательных потребностей, развитие гибкости и оригинальности мышления, стремление к самосовершенствованию;

- историко-этнографические, поликультурные поисковые объединения, приобщающие старшеклассников к сбору, изучению, анализу и использованию материалов, раскрывающих особенности культуры, истории, традиций быта, образа жизни, психологии народов мира, России, края.

Большое внимание во внеурочной деятельности мы уделяем коллективной творческой деятельности старшеклассников и в этом аспекте применяем разовые формы работ: конкурсы («Конкурс знатоков», «Поликультурный марафон» и т.д.), викторины, олимпиады; системные: выпуск стенгазет (Столицы мира и культуры мира), разработка проектов («Люди, не принадлежащие к моей культуре: кто они?, Общее и особенное в играх разных народов»), экскурсии (виртуальные экскурсии «Австралия»), театрализованные представления по произведениям, отражающим культуру, культуротворчество, обычаи, традиции народов мира.

Особое место отводится организации самостоятельной поисково-исследовательской деятельности старшеклассников, которая направлена на сбор, изучение, анализ и использование материалов, раскрывающих особенности культуры, истории, традиций, психологии народов разных культур. Исследовательские проекты («По историческим вехам», «Кремль – единство трех культур», «Страны и народы» и пр.) представляют собой самостоятельный поиск, который призван заинтересовать, пробудить жажду познания, желание «проникнуть» в другую культуру.

Организационные формы внеурочной деятельности в процессе формирования поликультурной компетентности старшеклассников включали многоаспектные мероприятия, упражнения: проблемно-деловые игры, вечера дружбы, прессконференции; проводились так называемые диалоги культур «История культуры Востока», телемост «Триединство языков как необходи-

мость времени» и др.; старшеклассники участвовали в разработке сценарных проектов (сценарий мероприятия, связанного с культурным обменом); выполняли творческие работы (свободное литературное сочинение, описание решения какой-либо проблемы, размышление на тему культуры, межкультурности, поликультурности и пр.).

Доминирующее внимание уделялось формам, способствующим позиционированию старшеклассников как субъекта поликультурной компетентности, активно и, в значительной степени самостоятельно, добывающего и осмысляющего поликультурные знания в индивидуальной творческой работе за пределами школы.

Анализ показал, что предлагаемая дополняющая модель формирования поликультурной компетентности старшеклассников во внеурочной деятельности оказала существенное влияние на обогащение старшеклассников знаниями о поликультурной среде и диалоге культур, они способны критически оценивать поликультурную реальность, более терпимы к проявлению иных социокультурных групп, а также имеют первоначальный опыт проектирования своей деятельности на стыке культур, проявляют эмоционально заинтересованное отношение к реалиям поликультурной среды, демонстрируют культуру поведения в поликультурном обществе.

Литература:

1. Дмитриев, Г.Д. Многокультурное образование. М.: Народное образование, 1998. – 208с.
2. Иванова, А.В. Развитие поликультурного образования в республике Саха (Якутия): историко-педагогический анализ (XX в. – начало XXI в.) Автореф. дис. канд. пед. наук, Якутск, 2010. – 24с.
3. Качалова, Л.П. Поликультурная среда как фактор становления духовно-нравственной личности. Метод. Рекомендации для учителей и студентов педвузов. Изд-во Дом печати, Шадринск, 2010. – 97с.
4. Петров, А.А. Общекультурная компетенция учителя и ее влияние на успешность педагогической деятельности (на примере учителей естественно-математических предметов) / А.А. Петров: Дис. ... канд. пед. наук. – Пенза, 1999. – 191с.
5. Поштарева, Т.В. Формирование этнокультурной компетентности // Педагогика №3 – 2005. С. 38-39
6. Тахохов, Б.А., Богатых, Н.А. Поликультурная компетентность – фактор развития толерантности студентов // Высшее образование. – 2008. - №3. С.24-25.
7. Thomas, H. Interkulturellts Lerner im Schuleraustausch. Saarbrucken u. Fort Lauderdale, 1988. – 122с.

Аминов И.Р.,

*кандидат юридических наук, доцент кафедры
государственного права Башкирского государственного университета*

Критика структурного функционализма в урегулировании этнополитических конфликтов

Проблема поиска оптимальных способов разрешения этнополитических конфликтов в российской политологии, в числе прочего, сводится к тому, что отечественная наука в недостаточной степени уделяет внимание конструированию трансформационных особенностей и факторов этнополитической нестабильности и конфликтности. Это объясняется тем, что для структурно-функционального метода трансформационная специфика дискурса второстепенна.

Исследователь Б.В. Кабылинский по этому поводу отмечает следующее: «Предполагается, что заранее выверенная под конкретные условия технология разрешения конфликтов *a priori* дает нужный результат. Соответственно, знание о среде мотивирует субъекта на следование определенной линии поведения в конфликте». И с этим, действительно, трудно не согласиться.

Таким образом российские учёные практически не используют потенциал понятия «трансформация», ограничиваясь интерпретацией этого феномена в качестве объективирующих изменений. В этой связи особенно актуальными представляются исследования, акцентирующие внимание на проблеме поиска не только политических, но и трансформационных оснований этнополитических конфликтов.

Трансформация – как этап переходности этнополитического конфликта определяется следующими параметрами: этносистема, культура/контркультура и промежуточность.

Этносистема – это единый живой организм, совокупность коренных этносов, имеющих свою микро- и макрородину, но тесно взаимодействующих между собой и образующих бесконфликтную этническую иерархию, основанную на разной этновалентности составляющих ее элементов. Живой многоаспектный организм, который в силу своих свойств не может развиваться линейно.

Развиваясь любая этносистема наполняется культурными и контркультурными элементами, которые так или иначе приживаются в общей этнической системе. Контркультура – это, прежде всего, отрицание устаревших, по мнению этнических контрэлит, способов, приемов и правил снятия конфликтного напряжения. Этот протест происходит как будто незримо, однако в реальности проявления антагонизма подобного рода весьма ощутимы и проявляются в виде так называемого столкновения культур, от локального до мирового

масштаба, когда субъект решает что предпочтительнее – традиционный или инновационный инструментарий конфликто разрешения.

Промежуточность позволяет фиксировать и уточнять развитие конкретной этносистемы на различных этапах истории. Промежуточность обусловлена всем ходом исторического развития этнических общностей и конфликтных ситуаций между ними. Действительно, этносистемы в результате исторического развития меняют свои структурные, функциональные и идентификационные свойства, но при этом переход не является завершённым.

Современное развитие этносистем совпадают с историческими границами информационной эпохи. В этот исторический период субъекты этнополитических конфликтов действуют максимально рационально и точно. Одновременно происходит информатизация политических, экономических и социальных отношений, мотивирующая стойкую привязанность отдельного индивида к этническим общностям. При этом перспективы модификации способов принятия управленческих решений, например, перераспределение функций, ранее закреплённых за государством, в пользу неформальных институтов осуществляется только в случае, когда это выгодно с экономической точки зрения.

Способ восприятия политической действительности в информационную эру эпоху преимущественно технологичен. В той или иной степени это относится к любому проявлению этнополитической конфликтности.

Субъект, оценивая этнополитический конфликт по его результату как конструктивный, либо деструктивный, изначально пребывает в определенной настроенности или расположении. Это расположение специфично и сводится к рациональному сотрудничеству или жажде приращения капитала. В результате конфликтное расположение в современной этносистеме фиксируется в виде знания о двух парадигмах – теории порядка и теории хаоса.

Наивысшая ценность для технологичного понимания – это системность. В зависимости от своего места в политической структуре субъект претендует на оптимальную для себя функциональность. Таким образом, информативность и технологичность понимания в современной этносистеме конституирует культурную среду, в которой максимальная мотивация на конфликт проявляется в борьбе за системное переустройство, а конфликты за право реализации функциональных обязанностей заведомо характеризуются меньшей остротой и напряженностью.

Конфликтное падение в эпоху, к которой относится современная этносистема, подразумевает возможность разрешить конфликтное столкновение в большей степени не своим непосредственным участием, а посредством делегирования этих обязанностей государству.

Примером развития этносистем в информационную эпоху служит период, названный в России, как «Парад суверенитетов».

Как, например, отмечает исследователь А.Р. Сулейманов: «Действительно 90-гг. XX столетия были связаны с ростом этнического сознания и самосознания жителей полиэтнических субъектов Российской Федерации. Воспользовавшись Ельцинской свободой и необъятным стремлением к суверенитету, регионы стали строить собственные государственные образования внутри страны, угрожая целостности России. И кто знает, чтобы стало с Российской Федерацией если бы центробежные тенденции (если так можно выразиться) не были уравновешены Путиными централистскими реформами. Для нас очевидно, что особый вклад в укреплении национальной безопасности России сыграла именно политика В.В. Путина по построению «вертикали власти»: укрупнение субъектов Федерации, создание федеральных округов и полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах, изменение порядка формирования Совета Федерации Федерального Собрания России. И тогда все эти меры были вполне оправданы и принесли позитивной результат в укреплении национальной безопасности страны».

Действительно в своем развитии этнополитические конфликты проходят несколько этапов формирования: различие, поляризация, столкновение, антагонизм. Формы противоречий тоже дифференцированы – основные и неосновные, внутренние и внешние, по-разному влияют на развитие системы, в том числе и этносистем.

Однако на практике трансформации этносистем в целом и его отдельных элементов в частности осуществляются далеко не всегда планомерно и стратегически продуманно, как правило, являясь реакцией (чаще всего запоздалой) на вновь возникшие внутренние или внешние вызовы, представляя собой меры оперативной политики, а то и вовсе воплощение субъективных воль политических этноэлит и отдельных лидеров. Понятно, что вопросы оптимальности таких преобразований для сохранения устойчивости этносистем в текущий момент и в обозримой перспективе либо не поднимаются вовсе, либо оказываются на периферии политического дискурса.

Очевидно, что на сегодняшний день в этносистеме складываются серьезные пробелы и в этой связи взаимосвязь между феноменом конфликта и культуры весьма затруднительно установить, хотя некоторые аспекты не вызывают сомнений. Вполне обоснованно, например, полагать, что постоянно трансформирующиеся этносистемы проявляют себя через новые способы политического взаимодействия, борьбу за статусную декларацию, изоляционизм и иные нормы качественно иного типа.

Прежде всего необходимо отметить, что исчезает бинария и полисубъектность. В постинформационных реалиях невозможно определить количественную составляющую применительно к этнополитическому конфликту. Количество в данном случае упраздняется, точнее, оно постоянно меняется в зависимости от того, сколько участников вступает в диалог.

Расположение или настроенность перестает быть линейным и уже не придерживается чётких, относительно постоянных установок. Здесь речь идет о том, что постоянно меняющаяся настроенность субъекта этнополитического конфликта не может быть зафиксирована наукой как объект, которому присущи первичные и производные настроения.

Сущность этнополитического конфликта проявляет себя наиболее традиционным образом в постинформационных реалиях через такой общеуниверсальный ориентир, как понимание и полагание. Основная идея о борьбе за власть сохраняет свое значение со времен современной этносистемы. В этом плане в культурном дискурсе изменяется только форма этнополитического конфликта, но не содержание. Вторичная, производная этнополитическая конфликтность по сути становится борьбой за право декларировать статусные функции.

Конфликтное падение в постинформационной этносистеме сводится к возможности развиваться в асимметричном/симметричном культурном дискурсе. В результате декларируемое равенство возможностей свободных субъектов на деле становится практически иллюзорным, так как симметрия в этнополитическом конфликтном дискурсе практически не встречается.

По нашему мнению следует выделить следующие трансформационные технологии урегулирования этнополитических конфликтов:

1. Провокация и искусственное усиление. Суть данной технологии сводится в снятии конфликтного расположения, точнее, его трансформации. Результат достигается следующим образом: реальный, предметный страх потенциально конфликтующих этнических общностей подменяется бесконтрольной, стремящейся к выходу за рациональные границы, тревогой. Суть этой технологии – усиление боязни населения страны перед лицом ничто, автоматически снижающее вероятность конфликтного поведения, цель которого – снятие страха перед конкретными проблемами вроде голода, необеспеченности, непригодных условий жизни и т.д., что означает исчезновение этнополитических конфликтных мотиваций.

Уникальность данной технологии состоит в том, что этнополитический конфликт становится метафизическим, замыкающемся на самом себе. Этнополитический конфликт становится максимально масштабным, в противоборство вступают уже не единичные этнические общности, а целое государство государства. Естественно, что индивид динамически, а не статически адаптируется к меняющимся условиям в этнополитическом конфликте: трансформация личности означает качественно иное конфликтное расположение.

2. Информационное донесение этнополитического конфликта до обычного сознания. Такие технологии не достигают цели по преобразованию конфликтного понимания в бесконфликтное напрямую, однако эффективно справляются с опосредованием спонтанного, свободного его развития, что в

результате приводит к утрате интереса общества к данному этнополитическому конфликту.

Данная технология разрешения этнополитического конфликта ориентирована на подмену конфликтного мышления технологичным пониманием самой проблемы. Фактически основная цель – это транзит в массовом сознании от установки на конфликтность к технологическому его преодолению. Индивид должен осознать себя как функцию, как элемент системы, прежде всего, политических и социально-экономических взаимоотношений.

Технологичность подразумевает формирование таких принципов урегулирования этнополитического конфликта как: предсказуемость, прогнозируемость, последовательность, признание справедливости четкой иерархии социально-политической структуры и т.д. Необходимо подчеркнуть, что данная технология в современных этносистемах набирает популярность: тенденция деантропологизировать социально-политическое развитие становится все более очевидной как в теоретико-методологических концептах, так и в прикладном конфликтологическом дискурсе.

3. Подмена этнополитического конфликта бесконфликтным процессом. В некотором роде такая технология напоминает подражательное искусство в интерпретации Платона: «творение кажущегося подобным прекрасному, но при этом не исходящее из него, но лишь сходное».

Иными словами, данная технология инициирует подмену конфликтного процесса бесконфликтными способами его понимания.

Основной механизм осуществления этой технологии, по М. Фуко, сводится к четырем свойствам этносистем: отгораживание, локализация, функциональность размещений и взаимосвязь между элементами.

4. Управление этнополитическими конфликтами. На первом этапе реализации этой технологии решается задача по забрасыванию индивида в несамостоятельную, изолированную, но при этом равнозначную по отношению к соприсутствию систему (без каких либо различий, профессиональных, этнических и т.д.). Таким образом, формируется общество, в перспективе порождающее только управляемую конфликтность, соответствующую целям субъектов внешнего регулирующего воздействия на конфликтные ситуации.

Инструментарий реализации второго этапа данной технологии – это, прежде всего, «цветные» революции: технологии осуществления государственных переворотов и внешнего управления политической ситуацией в стране в условиях искусственно созданной политической нестабильности. Данная технология может способствовать максимальному приближению присутствия к этнической общности к общегосударственному единению.

Многообразие трансформационных технологий урегулирования этнополитических конфликтов не ограничивается рассмотренными примерами. Хотя бы потому, что трансформационные технологии постоянно эволюцио-

нируют по мере усложнения политического и культурно-исторического дискурса. Соответственно, расширение границ предметного поля с неизбежностью предполагает адаптивное внесение изменений в предлагаемый концепт.

В заключении хотелось бы отметить, что трансформационные основания этнополитических конфликтов, которые в данной статье были противопоставлены структурному функционализму основания – это сложносоструктурные элементы, конституирующее систему знаний об этнополитических конфликтах в различных вариациях культурного генезиса через развитие этносистем. Данный подход словно позволяет увидеть познающему субъекту во всем многообразии культурного дискурса динамику развития этнополитического конфликта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кабылинский Б.В. Индустриальное и постиндустриальное общество: трансформация социального конфликта // Кабылинский Б.В. // Конфликтология. 2012. № 4.

2. Чернов П.В. Этногеополитические основы государственности. РАН, М., 1999.

3. Сулейманов А.Р. Этническое измерение национальной безопасности современной России. Вопросы политологии. 2013. № 3.

4. Аминов И.Р. Этнополитические основания региональных конфликтов в современной России: теоретико-методологический аспект. Правовое государство: Теория и практика. 2013. Т. 2. № 32.

5. Гайдук В.В. Национальная безопасность не должна иметь этнический оттенок. Вестник Башкирского института социальных технологий. 2013. № 5 (21).

6. Платон. Сочинения в 4-х томах. Том 2. – М.: Мысль, 1994.

7. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем, 1999.

Беляев М.А.,
*аспирант РАНХиГС при Президенте РФ,
директор Агентства примирительных технологий
Центра ЮНЕСКО-ЮНЕВОК в Российской Федерации на базе
Башкирского института социальных технологий*

Этнорегиональные модификации сепаратизма в современной России: политологический анализ

Сепаратистские тенденции в современных условиях могут активизироваться в самых различных регионах. По нашему мнению, не стоит абсолютизировать и связывать очаги сепаратизма лишь с приграничными регионами – центробежной политической «чуме» могут быть подвержены (по крайней мере, гипотетически) любые субъекты Федерации. Другое дело, что не все из них имеют этнические, культурные основания и могут муслироваться отдельными политическими силами для реализации своих узконаправленных интересов.

Зарубежный ученый М. Херрера предлагает следующую картину о вероятности выхода в долгосрочной перспективе того или иного региона из состава России: «Адыгея – 15%, Кабардино-Балкария – 20%, Карачаево-Черкесия – 15%, Башкирия – свыше 20%, Татария – свыше 40%, Восточная Сибирь – 30%»¹.

В настоящей рассматриваются выше обозначенные субъекты Российской Федерации (как основные очаги сепаратистской активности) с позиций на так называемую «склонность» к политическому сепаратизму и определяются институциональные и структурные основания сепаратистской угрозы. Сразу обозначим теоретический характер подобных научных размышлений, которые могут быть использованы если не для нейтрализации открытых сепаратистских угроз, то для профилактики их латентных типов в отдельных регионах.

Республика Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачеево-Черкесия (проект «Великая Адыгея», «Великая Черкесия»). Данный тип сепаратизма, по нашему мнению, геоэтнический и формируется на базе Абхазии, Черкесии, Кабардино-Балкарии, и Адыгеи.

Абхазы, черкесы, кабардинцы, адыгейцы, а также их соплеменники, живущие в Турции, Сирии, Иордании, составляют один суперэтнос – «адыгэ». В Российской империи и в странах Ближнего Востока представители этого народа более известны как «черкесы». С образованием независимой Абхазии (а в состав России Абхазское государство в обозримом будущем принято быть не может во избежание обвинений в аннексии) возникают предпосылки для формирования нового геополитического проекта – «Великой Адыгеи» или «Великой Черкесии»².

1. <http://vened.org/statii/2386-2009-04-27-03-32-58.html>.

2. Серенко А.Н. Проект «Великая Черкесия» . - Май 5, 2009

Исследователь Э. Крюков пишет в газете «Суть времени», что под проект черкесских ультранационалистов «Великая Адыгея» найдутся и спонсоры, и способный к диалогу лидер¹.

Адыгское население Карачаево-Черкесии представлено восточными подразделениями – кабардинцами и бесленеевцами, а Кабардино-Балкарии – собственно кабардинцами. Название Адыгеи является производным от самоназвания (автонима) этноса – «адыгэ», адыгский компонент в названии Карачаево-Черкесии происходит от иноназвания (экзоэтнонима) «черкес», название Кабардино-Балкарии – от наименования подразделения кабардинцев.

Искусственное разделение единого этноса получило «научную» базу в советской историографии, провозгласившей выделение из некогда единого адыгского (черкесского) народа трех близкородственных, но разных народов – адыгейцев, черкесов и кабардинцев. Однако в результате демократических преобразований в новой России, в которой историческая наука во многом утратила функции государственной монополии, политического и идеологического инструмента, советская мифологема о трех народах потеряла свой смысл и актуальность, уступив место процессу осознания адыгами Северного Кавказа своего национального единства, выражающегося в общности этногенеза, истории, языка, культуры и ментальности. Этот процесс более всего углубляется в молодежной среде, свободной от псевдонаучных историографических концепций советского периода.

Ученый Х. Бжахо выделяет следующие приоритеты дальнейшего развития адыгского (черкесского) народа:

- восстановление единого этнонима (унификация) для обозначения адыгов (черкесов), проживающих в Российской Федерации, признание органами государственной власти Российской Федерации их этнического единства, внесение соответствующих изменений в наименование республик Северного Кавказа, в которых адыги являются одним из субъектов образующих этносов;
- создание межгосударственных координационных органов республик Адыгея, Карачаево-Черкесия и Кабардино-Балкария для решения гуманитарных вопросов по сохранению и развитию адыгского (черкесского) этноса;
- создание единого адыгского (черкесского) алфавита, возможно, единого литературного языка;
- создание политико-правовой и финансовой базы для репатриации потомков вынужденных эмигрантов 19 века;
- создание единого субъекта Российской Федерации (при жестком и непреклонном условии соответствующих договоренностей с народами и группами, чьи интересы будут затронуты при подобной трансформации);
- возрождение института, статуса и функций Адыгэ Хабзэ как морально-нравственной и духовной основы адыгства, регулятора общественных отно-

1. Крюков Э. Юг России. Земельные и территориальные споры - №22. 3 апреля 2013 г.

шений через внедрение соответствующих предметов и программ в систему образования РА, КЧР и КБР, создание социальной сети по материальной поддержке малоимущих и другую деятельность в подобном формате;

- установление органами государственной власти РА, КЧР и КБР прочных связей и осуществление взаимодействия с адыгской (черкесской) диаспорой в координации с Министерством иностранных дел Российской Федерации¹.

Республика Башкортостан (контрэлитный сепаратизм). Как и другие республики Поволжья, на этапе «Парада суверенитетов», Республика Башкортостан испытывала на себе тенденции этнического сепаратизма, выраженного в некоем социально-культурном сопоставлении так называемого титульного этноса с другими этническими общностями и народностями. В Республике Башкортостан подобные тенденции были выражены в следующих аспектах: изучение башкирского языка в школах, результаты переписи и т.д. Следует особо подчеркнуть, что радикальной конфронтации этносов на территории Республики Башкортостан не было, и сам сепаратизм был скорее лингвистическо-культурным. Хотя определенные трудности все же возникали. Так, до сих пор определенное внимание общественности Республики Башкортостан вызывает изучение в школах башкирского языка.

В новой редакции Закона Республики Башкортостан «Об образовании» от 1 июля 2013 года №696-з преподавание и изучение башкирского языка остается обязательным². Согласно пункту 2 статьи 6 республиканского законопроекта преподавание башкирского языка будет осуществляться как государственного языка Республики Башкортостан в государственных и муниципальных образовательных учреждениях на территории республики. Изучение будет вестись в рамках имеющих государственную аккредитацию образовательных программ в соответствии с федеральными стандартами³. Данный закон внес окончательную ясность в дискуссии вокруг вопроса, связанного с изучением башкирского языка в республиканских школах.

Вместе с тем, на наш взгляд, лингвистическо-культурный (лингвистическо-этнический) сепаратизм в Республике Башкортостан сегодня трансформировался в контрэлитный сепаратизм, который выражен в своеобразной политической конкуренции действующей власти в Республике Башкортостан с оппозицией, в своем большинстве поддерживающей прежнюю власть.

Для нас очевидно, что некая политическая контрастность в Республике Башкортостан, существование как минимум двух «центров» региональной власти пагубно сказывается на преодолении сепаратистских тенденций в регионе. Это обусловлено тем, что в политических играх элит и контрэлит вновь может быть разыграна «этническая карта», как в период «Парада суверенитетов», но с более радикальной выраженностью.

1. <http://adygi.ru/index.php?newsid=109>.

2. <http://www.rg.ru/2013/07/17/bashkiriya-zakon696-reg-dok.html>.

3. <http://proufu.ru/obcestvo/item/26258>.

Республика Татарстан (радикально-интеллектуальный сепаратизм). Еще в период «Парада суверенитетов» Республика Татарстан (как, собственно, и Чеченская республика) находилась в особом положении в сфере центра-периферийных отношений. Республика Татарстан не принимала участия во всенародном голосовании за проект Конституции России 1993 года. Более того, Татарстан окончательно подписал Федеративный договор о разграничении полномочий Центра и регионов 1992 года лишь в 2007 году. Это позволяет судить о том, что Республика Татарстан, если так можно выразиться, выступает «привилегированным» субъектом Федерации, что, на наш взгляд, недопустимо для преодоления сепаратистских тенденций.

«Татарстанские власти пытаются защитить самостоятельность республики, и это неплохо, – отмечает академик Российской академии политических наук В. Беляев. – Это нужно, чтобы было больше возможностей в остатках федерализма и унитарная вертикаль была демонтирована»¹.

Вместе с тем стремительное социально-экономическое развитие Татарстана, объясняющееся во многом огромными и фактически безвозмездными кредитами, которыми регулярно подпитывает республику федеральный центр, обрывается для Москвы дальнейшим ростом местного сепаратизма².

Республика Татарстан переживает сейчас интересную эволюцию. Татарстану удалось стать главным претендентом на роль (альтернативного официальной Москве) научного генератора гуманитарных подходов, создающим собственную модель исторического, этнологического и политологического описания российской реальности. Именно интеллектуальная деятельность канализирует в республике татарскую активность. Процесс выращивания сепаратизма примечателен тем, что в Казани серьезно занимаются проблемой адаптации собственных наработок к российскому общественному мнению – как либеральному, так и подверженному традиционным ценностям, но воспитанному на работах склонных к «реабилитации» роли татар в русской истории Л.Гумилева или А.Фоменко, что свидетельствует об интеллектуальном характере татарского сепаратизма.

Хотя и в этом вопросе не все так просто. И в последнее время сепаратизм в Республике Татарстан явно радикализировался. Как отмечает Р. Сулейманов, татарские сепаратисты начинают находить поддержку не только у США или Турции, но также и у постсоветских стран, ориентирующихся на них. Речь идет о Грузии и Азербайджане. Тбилиси, который сейчас взял курс на раскручивание проблемы так называемого «геноцида черкесского народа», все больше обращает внимание на сепаратистов из Поволжья. По телеканалам Грузии транслируются видео-мосты между Тбилиси и «татарскими борцами

1. <http://grrussia.ru/page/29-06-2012>.

2. Сепаратизм «тюркских окраин». Татарстану вскружило голову от экономических «успехов» за федеральные деньги // <http://www.russianskz.info/politics/3806-separatizm-tyurkskih-okrain-tatarstanu-vskruzilo-golovu-ot-ekonomicheskikh-uspehov-za-federalnye-dengi.html>.

против имперской политики России». Сюда же стоит отнести периодически проводимые «вечера памяти Джохара Дудаева» в Казани, устраиваемые местными сепаратистами. С А. Дудаевой, женой Д. Дудаева, проживающей в Грузии, татарские национал-радикалы периодически поддерживают связь. Что же касается поддержки со стороны Азербайджана, в том числе и финансовой, то она происходит в результате пантюркистских заявлений татарских сепаратистов в поддержку Баку в нагорно-карабахском конфликте¹.

Нельзя умолчать и тот факт, что сепаратизм в Республике Татарстан проявляется в открытых радикальных формах. Так, в ночь с 16 на 17 ноября 2013 года сгорели молитвенный дом в селе Ленино Новошешминского района и строящийся храм в Чистополе. А в ночь с 28 на 29 ноября 2013 года сгорели церкви в селе Албай Мамадышского района и в селе Крещеные Казылы Рыбно-Слободского района. По фактам поджогов культовых сооружений были возбуждены уголовные дела².

Республика Алтай, Алтайский край, Читинская область, Кемеровская область, Новосибирская область (сибирский сепаратизм).

Термин «сибирский сепаратизм» стал широко употребляться после раскрытия в 1865 году так называемого «Дела о попытке отделения Сибири от России». Ознакомление с материалами этого «Дела» позволяет заключить, как минимум, следующее:

- в середине XIX века сформировалась группа интеллигентов, по преимуществу студентов, открыто заявивших о необходимости изменения колониального статуса Сибири, повышении уровня ее автономизации в рамках царской России;

- особое недовольство этой группы вызывала практика управления Сибирью царским правительством, не учитывающая специфику экономической и социальной жизни сибиряков, исключаящая их право на «народоправство», то есть демократическое управление своей жизнедеятельностью;

- лидирующую роль в этой группе играли Григорий Николаевич Потанин и Николай Михайлович Ядринцев – соавторы теории сибирского областничества;

- явного призыва к отделению Сибири от России лидеры этой группы (но не все ее члены) не выдвигали и практических сепаратистских действий не предпринимали, ограничиваясь научно-исследовательской и культурно-просветительской деятельностью в русле так называемого «областнического движения», целью которого являлась подготовка сибиряков (экономическая, образовательная и нравственная) к будущей административной и культурной автономии Сибири в рамках России;

- идеи раннего сибирского областничества не проникли в народные массы

1. Идеология, организации, зарубежное влияние национал-сепаратизма в Татарстане в начале XXI века // <http://www.gumilev-center.ru/ideologiya-organizacii-zarubezhnoe-vliyanie-nacional-separatizma-v-tatarstane-v-nachale-xxi-veka/>.

2. <http://kazan.bezformata.ru/listnews/na-vosstanovlenie-sozhzhennih-tcerkvej/16151634/>.

и не стали импульсом массовых акций сепаратистского характера¹.

Современный сибирский сепаратизм характеризуется неманифестированностью, латентной конфликтностью, признаками его выхода из латентной фазы в следующие стадии развития конфликта. Он проявляется, во-первых, в росте массового недовольства сибиряков (особенно бизнесменов, муниципальных чиновников, государственных служащих и представителей интеллигенции) углублением диспропорций в уровнях социально-экономического и социокультурного развития Сибири и Европейской России; во-вторых, в негативно-стимулирующем воздействии на протестное поведение сибиряков, усиливающим социальную напряженность в сибирских субъектах Российской Федерации; в-третьих, в позитивно-сдерживающем влиянии на развитие этнического сепаратизма нерусской части населения Сибири².

Исследователь Д.И. Щербинин в одной из своих научных работ обращает внимание «... на существенные отличия показателей полной и частичной солидарности населения различных регионов с идеологией сибирского сепаратизма (соответственно с сецессионистской и автономистской ее формами)» и приходит к следующим выводам: «В промышленно развитых регионах (Кемеровской и Новосибирской областях, а также Красноярском крае) сепаратистские идеи распространены в значительно большей мере, чем в целом по Сибири, особенно ее аграрных регионах. Взаимосвязь сепаратистских настроений с уровнем индустриализации регионов имеет гораздо более сложный характер, чем может показаться на первый взгляд. Тем не менее, очевидно, что дальнейшая индустриализация Сибири по используемым направлениям будет иметь своим следствием развитие сепаратистских настроений ее жителей и повышение конфликтного потенциала этих настроений»³.

В этом контексте крайне важно интервью, которое дал агентству «Накануне.RU» директор Института демографии, миграции и регионального развития Ю. Крупнов. В числе прочего он сказал: «Если в ближайшее время не будет решительной восточной политики у России, то есть политики Зауралья, всей большой страны за Уралом, то мы просто потеряем ее. С точки зрения материально объективных, сермяжных факторов, Сибирь и Дальний Восток имеют в миллион раз больше возможностей для отделения, чем Северный Кавказ. Это первый момент. Потому что живет там, собственно, «пол-Москвы», если

1. Щербинин Д.И. Проблема сибирского сепаратизма в контексте защиты территориальной целостности России // *Общественные системы в условиях мирового финансового кризиса: тенденции, проблемы и перспективы стратегического и технологического развития, экологическая безопасность*: Сб. статей. - Волгоград - М.: Центр прикладных научных исследований, 2010. - С. 78-81.

2. Щербинин Д.И. Сущность и проявления сибирского сепаратизма // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего*. Межвузовский сборник научных трудов (международный выпуск), вып. 11/ Под общей ред. проф. С.Н. Волкова. Пенза: Издательство Пензенской государственной технологической академии, 2008. - С. 118 - 121.

3. Щербинин Д.И. Проблема сибирского сепаратизма в контексте защиты территориальной целостности России // *Общественные системы в условиях мирового финансового кризиса: тенденции, проблемы и перспективы стратегического и технологического развития, экологическая безопасность*: Сб. статей. Волгоград - М.: Центр прикладных научных исследований, 2010. - С. 78-81.

брать Дальний Восток. Или Москва, если брать Восточную Сибирь и Дальний Восток по количеству населения. Пространства необъятные и сверхбогатые, и, по большому счету, все материально-объективные предпосылки для сепаратизма есть. Плюс очень сильно иницируется сепаратизм. Напомню слова Кашина Олега, печально знаменитого, по поводу того, что Сибирь надо бы продать, отдать. Значит, соответственно, Сибири надо отделиться»¹.

Очевидно, что список возможных гипотетических угроз сепаратизма в российских регионах не ограничивается лишь субъектами Российской Федерации, выделенными зарубежным ученым М. Херрером. Поскольку сепаратистская активность периодически прослеживается на Северном Кавказе в своей радикальной открыто-военной форме (Чеченская Республика, Ингушетия, Дагестан), может вспыхнуть в приграничных регионах – в Калининградской области. Эти типы российского сепаратизма достаточно полно освещены в научной литературе и, на наш взгляд, не требуют в рамках данной работы дальнейшего углубления. Вместе с тем от сепаратистской тенденции в полной мере не может быть защищен ни один регион в условиях глобализации современного политического процесса. Не стоит забывать и того, что именно региональные особенности задают общий колорит российскому федерализму и при всех своих конфликтных потенциях формируют общенациональное территориальное пространство.

Безусловно, при решении проблемы сепаратизма следует стараться максимально использовать ненасильственные политические методы: вести переговоры с региональными политическими элитами, интенсифицировать просветительскую и пропагандистскую деятельность в проблемных регионах, объясняя широкому слою населения преимущества стабильной территориальной целостности государства и недостатки или невозможность отделения, образования новой страны. Этнические и религиозные различия могут использоваться для разжигания конфликтов, однако основная их причина – это структурная и системная несправедливость, заключающаяся в отстранении населения от участия в управлении страной, в отсутствии возможности влиять на распределение экономических ресурсов и в систематическом нарушении прав человека. Стабильность в стране может быть достигнута лишь в условиях соблюдения принципа социальной справедливости вне зависимости от региона проживания граждан. Нарушение этого принципа закладывает фундамент новой проблемы, которая непременно проявит себя в будущем, если только ситуация не будет изменена к лучшему в кратчайшие сроки. Также важно не допускать резкого ухудшения условий жизни широких слоев населения, когда люди готовы силой изменить положение вещей, чем могут воспользоваться радикально настроенные региональные политические силы, строящие свои кампании на сепаратистских идеях.

Говоря о противодействии сепаратизму, важно понимать, что не все опреде-

1. <http://ufaland.info/>.

ляется ресурсами. Многое зависит от воли, знаний, умений и целеустремленности противоборствующих сторон. Гуманитарные технологии представляют собой «обоюдоострое оружие». Ключом к подрыву целостности государства являются ослабление и разрыв системообразующих связей и отношений, реконфигурация отдельных элементов и придание антигосударственного характера культурному, символическому, информационному и психологическому пространству. Напротив, укрепление целостности государства требует упрочнения системных связей и отношений, создания дополнительных элементов и соотношений, а также обеспечения благоприятной среды в каждом из перечисленных пространств.

Концепт «умной силы» предписывает применять как «мягкие» (ненасильственные), так и «жесткие» (насильственные) методы, а главное – уметь различать случаи, когда уместны первые или вторые. Самый жесткий ответ должны встречать сепаратистские действия и намерения субъектов, обладающих силовым, административным и (или) финансовым ресурсом. Основной удар должен наноситься не столько по рядовым исполнителям, сколько по организаторам и заказчикам подрывной деятельности.

В обществе должен быть создан климат неприятия сепаратизма. Факты, дискредитирующие лидеров соответствующих течений, должны предаваться огласке и становиться предметом общественного обсуждения. Вместе с тем важно не допускать превращения последнего в средство косвенной «раскрутки» активистов, не имеющих сколько-нибудь существенных известности и влияния.

Противодействие сепаратизму должно быть поставлено на научную основу. Необходимы исследовательские программы по изучению политических и исторических корней, причин, закономерностей, тенденций развития и конкретных проявлений этого явления. Запуск таких программ – часть ответственности власти перед обществом. Также под патронажем органов власти должны осуществляться социальные целевые программы.

Особое место должно уделяться профилактике, заблаговременному выявлению «болевых точек». Эффективное решение проблем регионов и ликвидация несправедливостей в межрегиональных и межэтнических отношениях способны выбить из-под ног сепаратистов почву, на которой они паразитируют. Реализация совокупной воли власти и общества обеспечит синергетический эффект, в результате которого будет создан механизм профилактики сепаратизма и социокультурный климат неприятия экстремистских подходов.

В заключение хотелось бы отметить, что в декабре 2013 года Президент России В.В. Путин подписал закон о наказаниях за публичные призывы к сепаратизму. Закон дополняет Уголовный кодекс России новой статьей, предусматривающей ответственность за «публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ».

Максимальное наказание по добавленной в Уголовный Кодекс России статье – пять лет лишения свободы. Призывы к отделению территорий будут наказываться штрафом в размере до 300 тысяч рублей, обязательными работами на срок до 300 часов или лишением свободы на срок до трех лет. Если эти призывы прозвучали в СМИ или интернете, срок наказания составит до пяти лет лишения свободы либо до 480 часов обязательных работ. Статья Уголовного Кодекса России «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации» начнет действовать с 9 мая 2014 года. Дела по новой статье отнесены к подследственности Следственного Комитета России¹.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Идеология, организации, зарубежное влияние национал-сепаратизма в Татарстане в начале XXI века // <http://www.gumilev-center.ru/ideologiya-organizacii-zarubezhnoe-vliyanie-nacional-separatizma-v-tatarstane-v-nachale-xxi-veka/>.
2. Крюков Э. Юг России // Земельные и территориальные споры. №22. 3 апреля 2013 г.
3. Сепаратизм «тюркских окраин». Татарстану вскружило голову от экономических «успехов» за федеральные деньги // <http://www.russianskz.info/politics/3806-separatizm-tyurkskih-okrain-tatarstanu-vskruzhilo-golovu-ot-ekonomicheskikh-uspehov-za-federalnye-dengi.html>.
4. Щербинин Д.И. Проблема сибирского сепаратизма в контексте защиты территориальной целостности России // *Общественные системы в условиях мирового финансового кризиса: тенденции, проблемы и перспективы стратегического и технологического развития, экологическая безопасность: Сб. статей.* Волгоград – М.: Центр прикладных научных исследований, 2010.
5. Щербинин Д.И. Сущность и проявления сибирского сепаратизма // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего. Межвузовский сборник научных трудов (международный выпуск), вып. 11 / Под общей ред. проф. С.Н. Волкова. Пенза: Издательство Пензенской государственной технологической академии, 2008.

1. <http://www.interfax.ru/russia/349590>.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Франция

Япония

Китай

Бирюков С.В.,

*доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политических наук
Кемеровского государственного университета*

Рябова Е.Л.,

*доктор политических наук, профессор. Директор издательства «Этносоциум и
межнациональная культура»*

Мануэль Вальс: шанс для Франции?

События во Франции, связанные с последними муниципальными выборами и их неожиданными для многих наблюдателей результатами, стали своеобразной политической «развилкой» для страны. Франция — одна из крупнейших европейских стран, и понятно, что результаты муниципальных выборов сейчас крайне интересны на фоне выборов в Европарламент 25 мая. Однако наибольшее значение возникший по итогам выборов прецедент имеет именно для французской политики. Во Франции до сего дня не было случая, когда муниципальные выборы приводили к смене правительства. Впервые столь радикальные выводы, касающиеся национального уровня политики и управления, были сделаны по итогам голосования на местном уровне. Результаты голосования оказались весьма показательными. Так, если проанализировать уровень активности 788 коммун с числом жителей более 50000 человек (что соответствует 23% всего населения страны), можно увидеть, что абсентеизм достиг рекордного уровня. И проявилось оно главным образом, среди избирателей, два года назад солидарно голосовавших за Франсуа Олланда.

Главный же результат выборов заключается в том, что социалисты впервые за много лет уступили «правым» в тех муниципалитетах, которые традиционно причислялись к числу их электоральных «вотчин». Партия потеряла позиции в более чем 155 городах Франции с населением больше 9 тыс. человек. В итоге многие из мэрий, традиционно занимаемых «левыми», перешли под контроль «правых» и, в частности, Союза за народное движение (UMP). С учетом того обстоятельства, что местная (и не только) политика во Франции имеет «клиентелистскую» природу, подобный результат означает настоящую «электоральную катастрофу». Последнее чревато для социалистов потерей значительной части электората и неудачами на следующих выборах.

Другой важный результат прошедших муниципальных выборов – подлинный «электоральный прорыв» крайне «правых» из Национального Фронта Марин Ле Пен, которые достаточно успешно и последовательно освобождаются от многолетнего статуса «антисистемной» партии. На сегодняшний день «Национальный фронт» сумел преодолеть условный барьер, до сего времени сдерживавший их активность в масштабах всей страны. Его представители стали мэрами в 13 городах с населением больше 10 тыс. человек. Это беспре-

цедентный результат, поскольку по итогам предыдущих выборов за «крайне правыми» было всего четыре города. На последних выборах показатели «Национального фронта» увеличились более, чем в три раза. Всего же на этих выборах, включая мелкие города и поселки, представители «Национального фронта» заняли 98 постов мэров. Весьма показательным стал завоеванный «крайне правыми» пост мэра в седьмом городском районе «знакового» для партии Марсея, где, как в Лионе и в Париже, где существует особая модель муниципальных выборов.

Таким образом, по итогам прошедших выборов «Национальный фронт» заметно усилили свою политическую субъектность. Более того, теперь у НФ более 1,5 тыс. муниципальных депутатов по всей стране. Это означает, что на следующих президентских выборах НФ сможет непосредственно выдвинуть своего кандидата в президенты, не прибегая к коалициям и договорам.

Но главное - прошедшие муниципальные выборы во Франции привели к политическому кризису в стране. Несмотря на частичные успехи (Соцпартии удалось сохранить за собой Париж, мэром которого станет представитель партии Анн Идальго), представители правоцентристской партии «Союз за народное движение» и ультраправый «Национальный фронт» (НФ) с полным правом ощущают себя победителями в масштабах всей страны. Провал социалистов привел к отставке премьер-министра Франции Жана-Марка Эро 31 марта 2014 года, провалившего заявленную ранее экономическую программу, которого сменил другой партийный выдвиженец, бывший министр внутренних дел Мануэль Вальс. В телеобращении, показанном на национальном телевидении, Олланд высказал надежду, что Вальс «сможет повести правительство в бой»¹.

8 апреля Национальное собрание парламента Франции выразила вотум доверия правительству Мануэля Вальса — 306 «за», 239 «против». Выступая перед парламентом Вальс призвал коллег «смотреть правде в глаза» и плотно взяться за решение проблем, назвав своей главной задачей «восстановление доверия французов» не только к нынешним властям, но и ко всей политической системе в целом». В свете всего произошедшего личность Вальса заслуживает отдельного рассмотрения.

Мануэль Вальс – правый среди левых, самый правый политик в рядах левой Социалистической партии. Подобную роль некоторое время назад в ней играл Жан-Пьер Шевенеман, известный в партийных рядах технократ, бывший министра обороны и внутренних дел. Кандидатура главы МВД Франции Мануэля Вальса на пост премьер-министра в этой связи очевидна, поскольку должность министра внутренних дел является знаковой для страны. Спонтанное выдвижение Вальса напоминает возвышение Николя Саркози в рядах «умеренно правых» накануне президентских выборов 2007 года, открывшее последнему дорогу в Елисейский дворец. Характерно, что Саркози перед своим президентством занимал пост как раз главы МВД и отличился своей жесткой политикой именно в этой должности. Вальс, подобно Саркози, занимает

1. Hollande nomme Valls à Matignon et promet des baisses d'impôts // Le Monde. – 2014 – 31 mars.

жесткие позиции по миграционным вопросам, более жесткие, чем Соцпартия и французские «левые» в целом¹. Вальс обладает высоким рейтингом, и высоки шансы, что он может стать следующим президентом Франции. Его назначение на пост главы кабинета — это еще одно свидетельство поражения французских «левых».

Ставка правящих социалистов на министра МВД Мануэля Вальса — единственный шанс на спасение партийных позиций в ситуации «политического дефолта». Он — единственная фигура в составе Соцпартии, способная противостоять стремительно набирающим популярность евроскептикам и консерваторам. Выдвижение Вальса — проявление эффекта «*deus ex machina*», попытка партии остаться на плаву, выделив внутри себя правый (право-популистский) сегмент, который планируется сделать ядром консолидации для различных партийных фракций. Последнее означает идеологическую исчерпанность социалистов, и равно — острейший дефицит лидерства, проявляющийся в крайне малой популярности действующего президента Франсуа Олланда и большинства претендентов на пост главы партии; показательны в этом отношении уход на вторые роли еще недавно считавшихся «перспективными» Сеголен Руаяль и Бертрана Деланоэ, а равно и забвение опального Доминика Строс-Кана.

Социалистическая партия Франция, похоже, окончательно размыла свою идеологию, не имеет новых идей и ярких лидеров и стремительно теряет свой электорат. Стратегия «социального популизма» в версии Олланда очевидно исчерпала себя за два года его президентства. Для ее проведения в жизнь просто отсутствуют необходимые ресурсы. Государственный социализм «по-французски» оказался банкротом.

Помимо этого, левый популизм (в связке с левым либертарианством) не позволяет французской Соцпартии вписаться в глобальный политический и элитарный формат, где ныне господствуют неолиберальные тренды.

Единственный шанс для «левых» устоят и влиться в глобальную элиту — совершить тот самый разворот «вправо». Однако для этого была необходима популярная фигура. Для этой цели социалистам и понадобился условно «правый» популист- харизматик Мануэль Вальс. Он воплощает собой образ силовика и неидеологизированного прагматика-управленца, с которым связываются надежды на сохранение и укрепление пребывающей в глубоком кризисе Пятой Республики.

Между тем, прогнозы относительно перспектив и возможных свершений недавно сформированного кабинета пока неутешительны. В складывающейся ситуации Вальс, по всей видимости, отдаст приоритет внешним обязательствам перед внутренними интересами и социальными приоритетами социалистов.

Он продолжит курс Саркози на укрепление военно-силовой составляющей внешнеполитической мощи Франции, проведение либеральных реформ

1. Бадовский Д. Социалисты Франции сознательно делают ставку на Вальса // Известия. — 2014. — 1 апреля.

в экономике, консолидацию остаточного государственного ресурса и политико-административного персонала, ссылаясь на ситуацию «кризиса». Это будет означать разрыв со многими прежде традиционными приоритетами социалистов.

Подтверждение намечающейся «ревизии» – заявленные Вальсом приоритеты политики нового кабинета министров. В своей речи во время церемонии торжественного вступления в должность в Национальном Собрании Франции 8 апреля Мануэль Вальс добросовестно перечислил директивы президента Олланда: «пакт об ответственности» с Движением французских предпринимателей (Medef), «энергетический переходный период» для зелёных и «социальный договор» для народных масс». Все эти меры направлены только на то, чтобы удовлетворить разные группы своих избирателей, и, по мнению Тьерри Мейсана, не представляют собой единый политический курс¹.

Таким образом, смена правительства, по мнению французского политолога, не является ответом на голосование французов на муниципальных выборах – она соответствует личной стратегии Франсуа Олланда, который постепенно выдаёт свои истинные политические устремления – возобновление колониальной политики и защита интересов Французского Движения предпринимателей (Medef). Последнее выражает интересы крупного капитала (только пятая часть самых крупных предприятий входит в состав этого синдиката). Правый популизм, помноженный на социальную риторику с целью закамуфлировать реализацию «корпоративных» интересов – очевидный «стержень» политики кабинета Мануэля Вальса.

Представляется уместным сказать несколько слов о заявленной новым премьером Вальсом территориальной реформе, которая стала камнем преткновения для многих предыдущих французских правительств. Подчеркнув свою приверженность европейскому механизму и французско-германскому сотрудничеству, последний заявил о своём намерении провести глубинную реформу «территориального тысячелестника». Территориальный вопрос – один из ключевых для Французской Республики, остро ощущающей последствия административной «гиперцентрализации», описанной еще А де Токвилем. Между тем, сложившаяся во Франции трехуровневая система территориального управления (регион-департамент-коммуна) испытывает немалые напряжения и с трудом справляется с вызовами глобализации и европейской интеграции. При этом происходит постоянное усложнение и самой этой системы – за последние годы к коммуна и департаментам добавились ещё и образования из коммун, новые территории и регионы. Все это делает проблему реформы АТД одной из ключевых в рамках современной «повестки дня». Главный вопрос – в избранной французскими властями общей стратегии реформирования.

Так, если французские «левые» традиционно выступали за децентрализа-

1. Мейсан Т. Франсуа Олланд раскрылся // <http://www.voltairenet.org/article183219.html>.

цию и расширение полномочий регионов, то их «правые» оппоненты (за редким исключением) - за укрепление начал централизации. Предлагаемая Вальсом реформа выходит за рамки обеих упомянутых стратегий. Он предложил сократить вдвое число регионов, ликвидировать департаменты вместе с их Генеральными Советами и провести укрупнение коммун, вероятно за счёт устранения наиболее мелких. Пересмотр существующего территориального деления не соответствует французской политической традиции и традиционным подходам к государственному реформированию, а создает условия для поэтапного демонтажа института суверенных национальных государств с передачей основных полномочий на уровень Европейского Союза. Этот проект предусматривает преобразование государств-наций в большие регионы и передачу верховной власти бюрократическим образованиям типа Европейской Комиссии. Многолетний спор «централистов» и сторонников децентрализации во Франции оказывается де-факто законченным. Реализация заявленной Вальсом реформы означает фактический отказ от деголлевского проекта 1966 года, целью которого было укрепление суверенитета Франции и ее превращение в региональную державу.

Таким образом, французские социалисты после своего очередного прихода к власти фактически завершают процесс демонтажа французского национального суверенитета и самой Пятой Республики при формальном сохранении ее институтов. Очередной цикл политической истории Франции завершается, а способность французских граждан влиять на определение своей политической судьбы будет прогрессивно уменьшаться. Политический «декаданс», длившийся в течение нескольких последних десятилетий, придет к своему логическому завершению.

В то же время, серьезным вызовом для этого тренда является недавний успех «Национального фронта» на выборах в Европарламент. Эксперты отмечают первую крупную победу Нацфронта на выборах во Франции и разгромное поражение Соцпартии. По словам наблюдателей, французские избиратели в ходе выборов вновь продемонстрировали своё недовольство правящей партией, а также недоверие к «Союзу за народное движение», который был у власти в годы правления Николя Саркози. Кроме того, результаты выборов говорят о весьма скептическом отношении французов к Европе в нынешнем виде. «Результаты выборов - это уже не сигнал тревоги, это потрясение, шок. Послание всем находящимся у власти о том, что необходимо действовать», - прокомментировал ситуацию премьер-министр Франции Манюэль Вальс. В свою очередь, председатель Национального фронта, лидирующего на выборах в Европарламент, потребовала от президента Франции Франсуа Олланда «распустить Национальное собрание и отправить в отставку кабинет министров». Однако сумеет ли находящийся на подъеме «Национальный фронт» превратиться в «системную альтернативу» своим оппонентам – покажет уже ближайшее будущее.

Перская В.В.,

д.э.н., проф., Заслуженный экономист России

Национальная конкурентоспособность - условие и фактор поступательного развития России.

(Обзор материалов международной научно-практической конференции)

15 апреля 2014 г. в Финансовом Университете при Правительстве Российской Федерации состоялась международная научно-практическая конференция «Россия в ВТО: проблемы конкурентоспособности экономики и стимулирования экспорта».

Конференцию открыл ректор Финансового Университета проф. Эскиндаров М.А., отметив, что в рамках научно-практических конференций, круглых столов, проводимых в стенах Университета и посвященных празднованию его 95-летию, рассматриваются разносторонние аспекты членства России в ВТО. В условиях санкций и рестрикций со стороны стран ЕС и США повышение конкурентных преимуществ российского национального хозяйства – это условие обеспечения национальной экономической безопасности. Одновременно проф. Эскиндаров М.А. подчеркнул, что мы являемся участниками достаточно сложного и болезненного перехода мирового сообщества к многополярности. В этой связи правовые и хозяйственные отношения как на уровне межгосударственного сотрудничества, так и хозяйствующих субъектов должны строиться в двусторонних и многосторонних отношениях на взаимовыгодном и равноправном партнерстве на основе принципов уважения независимости и суверенитета, прагматизма, транспарентности, многовекторности, предсказуемости, неконфронтационного отстаивания национальных приоритетов¹.

Выступления всех участников конференции можно группировать на два основных направления – экономические и валютно-финансовые факторы повышения конкурентоспособности. Первой группе вопросов были посвящены выступления – Спартака А.Н., Дмитриевой О.Г., Перской В.В., Лукьяновича Н.В., Метелева С.Е., Орусовой О.В., Портанского А.П., Поспелова В.К., Кашбразиева Р. В., Ревенко Л.С., Силуанова А.В., Тихонова А.О., Ткаченко А.А.

Вопросы валютно-финансового характера, оказывающие существенное воздействие на повышение национальной конкурентоспособности были освещены в выступлениях Красавиной Л.Н., Абрамовой М.А., Варламовой С.Б., Алексева П.В., Джагитяна Э.П., Навоя А.В., Сафоновой И. В., Печерской В.В.

1. Концепция внешней политики Российской Федерации .Утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 12 февраля 2013 г., п.1.е.

Выступающие неоднократно подчеркивали, что повышение национальной конкурентоспособности России в современных условиях – это фактор обеспечения не только национального поступательного развития, но и снижения социального расслоения и ликвидации диспропорциональности доходов и дифференциации уровней территориального развития внутри страны. Одновременно только рост конкурентоспособности национальной экономики может обеспечить устойчивого развития регионов России, формируя одновременно предпосылки достижения сбалансированности в многополярном мировом хозяйстве. Одновременно выступившие подчеркнули, что только национальная конкурентоспособность может явиться условием достойного противостояния глобальным рискам, инспирированным извне, получающим развитие в условиях высокой зависимости национальной экономики России от экспорта минерально-сырьевых ресурсов в мировое хозяйство.

В этой связи проф. Перская В.В. особое внимание сконцентрировала на необходимости использования программно-целевого подхода и собственно планирования как инструментов, способных обеспечить сбалансированное развитие национального хозяйства и решить вопросы, отвечающих национальным приоритетам развития и независимому позиционированию России в мировом сообществе. Автор при этом подчеркнула, что Программы должны быть комплексными и быть увязаны с реальным ресурсным потенциалом, с инвестициями и источниками инвестирования, рассматривая не отдельную фазу воспроизводственной цепочки, а весь воспроизводственный цикл в целом. Например, планируя ВЭД, надо предусматривать не только концентрацию управленческих сил и решений, но и увязывать с бизнесом, с созданием реальных предпосылок повышения экспортоспособности хозяйствующих субъектов несырьевого сектора при последовательности отказа от «догоняющей» модернизации, ориентированной на технологический импорт и импортозамещение. Эту идею развил в своем выступлении к.э.н. Алексеев П.В., который подчеркнул, что необходимо переходить к 5-летним программам модернизации отраслей экономики, устанавливая целевые показатели работы государственных институтов развития, корпораций и агентств по направлениям их деятельности. Алексеев акцентировал внимание на активизации мер государственного регулирования по опережающему развитию производственно-технологических комплексов и созданию благоприятной для этого макроэкономической среды, по воссозданию в стране системы подготовки и переподготовки национальных кадров различных уровней, отвечающих требованиям национальной экономики и повышению ее конкурентоспособности. К.э.н. Кашбразиев отметил большой потенциал в повышении наци-

ональной конкурентоспособности российского реального сектора в международной производственной кооперации, отразив при этом, что в качестве факторов, препятствующих ее развитию выступают: - отсутствие крупных корпораций в высокотехнологичных отраслях, которые смогли бы стать полноценными крупными игроками глобальной экономики. Используя термины П. Уильямсона и его коллег, автор утверждает, что российские ТНК являются приверженцами “innovation-seekingstrategies”, а не создателями стратегий создания и первого применения инноваций, т.е. “innovation-drivenstrategies; -отчетливая сырьевая направленность экспорта и продолжение негативных тенденций в развитии отраслевой структуры экономики России; - недостаточная включенность отечественных предприятий в глобальные производственные сети. Анализ зарубежного опыта развития МПК показывает множество примеров вхождения национальных компаний в сеть международных экономических отношений (the network of international economic relations). Печерская В.В. так же посвятила свое сообщение региональной конкурентоспособности, где выделила значимость для интеграционного процесса на евразийском пространстве международной кооперации и специализации всей воспроизводственной цепочки, и в первую очередь, в звене производства. Поддерживая высказанные предыдущими ораторами идеи, проф. Метелев О.В. выразил убеждение, что для активизации региональной экономической политики, повышения их конкурентоспособности при обеспечении добросовестности конкурирования в рамках ВТО в настоящее время не фонды и инвестиции имеют приоритетное значение, а кадры, информация и торговля определяют конкурентоспособность России в ВТО. Требования добросовестной конкуренции на мировом рынке ставят конкретные задачи подготовки квалифицированных кадров и технического регулирования свободного обращения на мировых рынках российских товаров и услуг с помощью сертификатов соответствия требованиям самых лучших стандартов. К сожалению, инертность мышления в области подготовки высококвалифицированных кадров, способных осуществлять адекватное включение с наименьшими издержками российской экономики в ВТО, проявляется даже на самом высоком уровне. Ученые Омского института (филиал) РГТЭУ, подтверждая предположение о смещении технологического менеджмента в область управления знаниями, разработали схему торгово-образовательного кластера, когда не создается специальная управляющая компания, что существенно экономит ресурсы. При этом обеспечивается взаимодействие научно-образовательного сообщества, государства и бизнес-структур в рамках торгово-образовательного кластера - базового инструмента конкурентоспособности, рождая ин-

новационность. Инновационный процесс в рамках кластера стимулируется за счет интенсивного обмена знаниями, компетенциями, идеями и иными нематериальными ценностями между бизнес-структурами и образовательными учреждениями при фоновом участии государства, а также за счет объединения ресурсов, требуемых для создания и коммерциализации инноваций (капитал, идеи, материально-техническая база и административно-правовая поддержка). Вопросы образования и качества труда как факторов обеспечения национальной конкурентоспособности были освещены в выступлении проф. Ткаченко А.А. Он акцентировал внимание на слабой подготовленности национальной статистики к условиям ОЭСР, что искажает и реальные возможности, и проблемы нашей экономики. Одновременно Ткаченко А.А. отметил, что Россия переживает большие трудности с регистрируемой молодежной безработицей, как и многие проблемные страны ОЭСР. Так, в 2012 г. уровень безработицы среди 15-24-летних составил в нашей стране 19,3%, что выше среднего показателя по странам ОЭСР – 16,3% и в 2 раза превышает показатель таких стран, как Австрия, Германия, Япония, Корея, Нидерланды и т.д. Одновременно проф. Ткаченко А.А. подчеркнул, что влияние на продуктивную занятость оказывает уровень оплаты труда, который играет двоякую роль в международной конкурентоспособности национальной продукции - более дешевый труд снижает общие издержки и, следовательно, товары и услуги по более низкой цене должны успешно конкурировать с более дорогой продукцией. Но это кажущееся преимущество, которое опровергает анализ качества труда. Современный квалифицированный труд не может оплачиваться неадекватно, и поэтому адекватный заработок и продуктивность занятости связаны напрямую. В России пока не обозначена тенденция уменьшения работающих бедных. Их доля в 2011 г. составляла 13,1%, в то время как общая доля живущего на уровне и ниже черты бедности населения составляла 12,7%. Доля работающих «бедных» в России выше общей доли для всего населения, что ведет к снижению мотивации труда, его качества, а при продолжительности в несколько лет – даже к деградации квалификации работников. Этот факт уменьшает конкурентоспособность нашей экономики в целом. Феномен работающих бедных не присущ большинству развитых стран мира, в США, например, планируется увеличить почасовую минимальную заработную плату с 7,25 долл. до 10,10 долл., что «выведет» из бедности 0,9 млн. работающих.

Проф. Тихонов А.О. предложил участникам конференции основные составляющие стратегии поддержания национальной конкурентоспособности Республики Беларусь, отметив, что в структуре ВВП страны на долю про-

мышленности и строительства приходится более 50%, сельского и лесного хозяйства – менее 10%, сферу услуг – около 40%. При этом от сообщил, что разработка и реализация национальной стратегии повышения конкурентоспособности осложняется в связи с постоянно увеличивающейся степенью неопределенности технологического и экономического развития. Сегодня мы находимся на стадии исчерпания пятого технологического уклада и перехода к шестому. Негативно воздействуют и вызовы глобализации, а так же то, что это достаточно «аккуратно» регулируемая сфера национального хозяйства. В качестве основных направлений автором предложены: развитие человеческого потенциала, включая развитие сферы образования и повышение качества жизни населения; институциональное развитие экономики, формирование благоприятной среды для развития бизнеса и деловой инициативы; проведение сильной промышленной политики, развитие инфраструктуры, и формирование благоприятных условий для инновационной активности. В заключение Тихонов А.О. отметил, что вступление в ВТО – это серьезный вызов, который имеет как положительные, так и отрицательные последствия. Их баланс во многом будет зависеть от эффективности действий государства, направленных на реализацию перечисленных выше ключевых направлений повышения конкурентоспособности национальной экономики Беларусь. Развивая идеи повышения конкурентоспособности стран государств-членов Таможенного союза и ЕЭП, проф. Абрамов В.Л. выделил в качестве ключевого фактора значение интеллектуальной собственности. Он обратил внимание присутствующих на роль этого фактора в деятельности ЕС, в период 2008-2010 гг. предприятия и организации обеспечили 26% занятости в ЕС. За тот же самый период предприятия, интенсивно использующие ИС, произвели почти 39% ВВП в ЕС, составляющем €4,7 триллиона. Предприятия, интенсивно использующие ИС, вносят весомый вклад во внешнюю торговлю ЕС, они производят 90% экспортной продукции. Следует отметить, что 88% импорта ЕС также состоит из продукции предприятий, интенсивно использующих ИС. Применительно к странам ТС и ЕЭП согласно представленной им доказательной базе в процессе дискуссии проф. Абрамовым В.Л. оценка конкурентоспособности национальной продукции на мировом рынке технологий и высокотехнологичной продукции может быть проведена по следующим показателям:

- доля страны в роялти и лицензионных платежах, соотношение полученных и уплаченных платежей по этой статье;
- доля страны в мировом экспорте высокотехнологичной продукции.

Одновременно докладчик подчеркнул, что необходимо проведение науч-

но-технологической, инновационной и интеллектуальной политики стран ЕАЭС, нацеленной на укрепление собственной научно-изобретательской базы, поддержку отечественных научных открытий, изобретений и других видов интеллектуальной собственности, включая авторские права. Учитывая членство в ВТО и действие ТРИПС, автор предложил: в целях формирования общего эффективного рынка ИС в рамках ТС и ЕЭП сформировать договорно-правовую базу Единой системы охраны, защиты и использования ИС, обеспечивающую оптимальный баланс между национальными и интеграционными интересами в контексте требований ВОИС и ВТО (ТРИПС); - выработать общую долгосрочную стратегию развития и использования ИС, обеспечивающую повышение технологического уровня, эффективности и конкурентоспособности; - сформировать наднациональный институт регулирования ИС и определить формы его взаимодействия с национальными институтами; и - выработать эффективные механизмы охраны, защиты и использования ИС государств-членов ТС и ЕАЭС, обеспечивая кадровую и информационную среду для эффективного функционирования Единой системы.

Проф. Лукьянович Н.В. подчеркнул, что в России до настоящего времени не разработана собственная методология анализа международной конкурентоспособности, выразив надежду, что, украинский кризис будет способствовать созданию в России национальных рейтинговых агентств. Одновременно он подчеркнул, что в условиях евразийской интеграции при переходе к Евразийскому экономическому союзу повышение конкурентоспособности российской экономики является первоочередной задачей экономической политики. Сырьевая ориентация экономики – это утрата конкурентных преимуществ России в долгосрочной перспективе, способная усилить центробежные тренды в рамках интеграционного процесса на пост советском пространстве.

Для поступательности экономической интеграции на евразийском экономическом пространстве необходима модернизация экономики, в первую очередь России как локомотива процесса, что невозможно без повышения уровня наукоемкости ВВП России и других стран СНГ. Повышение международной конкурентоспособности российской экономики в условиях евразийской интеграции предполагает координацию всех направлений экономической политики стран СНГ и ЕЭП. Одним из важнейших приоритетов совместной работы на евразийском экономическом пространстве может является кооперация и специализация в сфере производства вооружения и военной техники. Проф. Поспелов В.К., поддержал в своем выступлении идеи проф. Лукьяновича Н.В., и указал, что за 18 лет переговоров в стране не было при-

нято нормальной масштабной долгосрочной программы развития отраслей экономики, прежде всего промышленности. Такую программу правительство намерено внести в Государственную Думу до конца первой половины 2014 г. Однако главным является не сама программа промышленной политики, а то, насколько эффективно будут использоваться средства, которые предполагается выделить на ее осуществление. Существенным недостатком нынешней экономической политики является отсутствие достаточно полной картины о том, насколько эффективно используются финансовые ресурсы в экономике. Одновременно выступающий подчеркнул, что государство должно занять гораздо более активную позицию в вопросах модернизации экономики. Без этого положительный эффект от присоединения к ВТО будет незначительным. Необходимо искать пути регулирования российского бизнеса так, чтобы вектор его развития шел в желаемом направлении. Как показал накопленный опыт, бизнес, связанный с добычей и экспортом сырья или продукции с невысокой степенью обработки, не имеет достаточно мощных стимулов для диверсификации своей деятельности, ибо это связано с дополнительными затратами. При этом проф. Пospelов В.К. еще раз подчеркнул, что необходимо использование опыта прошлого, и в частности планирования как инструмента целевого и программного комплексного развития национального хозяйства, вспомнив опыт ГОЭЛРО. Силуанов А.О. в развитие предложений по поддержке развития национальных машинотехнических отраслей сфокусировал свое выступление на лизинге авиатехники и мерам селективной поддержки его в условиях ВТО. Прямое субсидирование промышленности практически невозможно, поэтому Силуанов предложил использовать схемы, не противоречащие правилам ВТО, и в частности - поддержку заказчиков - авиаперевозчиков и лизинговых компаний. Сфера услуг слабее регламентирована правилами ВТО по сравнению с производством. Он предложил так же схему поддержки с помощью выпуска государственных облигаций. При этом господдержка будет оказываться уже не авиационным и лизинговым компаниям, а банкам, кредитуящим покупателей новых воздушных судов. Это не противоречит требованиям ВТО. Данный механизм будет работать для вновь заключаемых лизинговых договоров и не может относиться к уже действующим. Он подчеркнул так же, что воздействие лизинга на повышение конкурентоспособности продукции учитывает временной фактор и использование высоких технологий, в т.ч. в интеграционных процессах. Для поддержания конкурентоспособности отечественного авиализинга необходимо разработать дополнительные меры, позволяющие компаниям не потерять свою долю на рынке, прежде всего ближнего зарубежья

Проф. Портанский А.П. попытался в своем выступлении систематизировать преимущества, полученные экономикой России вследствие вступления в ВТО, в т.ч.: снятие дискриминационных ограничений на внешних рынках; рост экспорта и выход на новые рынки; право обращаться в орган ВТО по разрешению споров; участие в переговорах внутри ВТО – отстаивание интересов РФ; полноценное участие в мировых форматах (G8, G20, присоединение к ОЭСР). По трем из указанных направлений некоторое продвижение есть. Снятие дискриминационных ограничений на внешних рынках началось с первых месяцев членства РФ в ВТО. Российская сторона начала использовать свое право обращаться в орган ВТО по разрешению споров. Но основной выигрыш от членства в ВТО может быть получен в результате роста экспорта и выхода на новые рынки. Однако, по мнению Портанского, это может произойти в среднесрочной перспективе зависит от внутренней экономической политики в РФ, в частности, от решимости властей осуществлять модернизацию экономики. В качестве условий эффективности участия России в ВТО автор выделил - эффективность национальной экономики; - устраивающие бизнес сбалансированные условия присоединения; - наличие одобренных на гос.уровне экономических приоритетов; - качество госуправления; - активная позиция внутри ВТО; - наличие необходимых кадров. Из приведенных шести позиций на сегодняшний день состояние лишь одной можно оценить как удовлетворительное – это «Устраивающие бизнес сбалансированные условия присоединения». Автор обратил внимание на необходимость как селективной защиты отраслевых рынков в рамках ВТО, так и повышение собственно конкурентоспособности отраслей и хозяйствующих субъектов. Так, в 17 регионах России были приняты планы по повышению конкурентоспособности их экономик, в 26 – программы адаптации. В этих программах и планах, по его мнению, прописаны все вопросы – от подготовки кадров до увеличения экспорта, хотя этот тезис не поддержала в процессе дискуссии проф. Перская. Доцент Орусова О.В. поддержала выступление Портанского А.П., и при этом подчеркнула, что самоизоляция в эпоху глобализации может привести к негативным последствиям как для российского бизнеса, так и для экономики страны в целом. Она указала на необходимость работу по развитию отечественного потенциала и напомнила, что вступление в ВТО предоставляет обоюдные возможности. Нужно модернизировать предприятия до уровня международных стандартов, обеспечить доступными и эффективными товарами население страны и выходить на мировые рынки сбыта. Ведь при вступлении в ВТО не только мы открываем свой рынок, но и нам открываются рынки других стран. Эти же идеи прозвучали в выступлении Сафоновой И.В., но при

акцентируется внимание на необходимость ускоренного внедрения стандартов менеджмента качества ISO 9000, систем экологического менеджмента ISO 14000 и международных стандартов финансовой отчетности и др. По мнению автора, международные стандарты финансовой отчетности – ключ к мировым финансовым рынкам. Несмотря на длительный период реформирования национальной системы бухгалтерского учета в России, пока не все удалось реализовать: не завершен процесс по созданию еще целого ряда Правил бухгалтерского учета (ПБУ). В ряде ПБУ, где заимствованы принципы МСФО, можно найти существенные несоответствия международным нормам, а также содержат слишком упрощенные правила оценки активов и обязательств, что снижает качество учетной информации хозяйствующих субъектов, прежде всего, для инвесторов. Имеет место недооценка активов российских предприятий реального сектора экономики, в первую очередь тех, участниками которых является государство. Недооценка активов компаний отрицательно влияет на инвестиционный климат в стране, на конкурентоспособность экономики. В этой связи при внедрении МСФО надо выходить на реальную стоимость активов, подчеркнула выступающая. Космачев Д.В., развивая идеи выступивших ранее докладчиков, сконцентрировал свое внимание на основных изменениях в банковском законодательстве в связи с реализацией обязательств Российской Федерации по присоединению к ВТО. Проф. Абрамова М.А. проанализировала влияние «фактора ВТО» на конкурентоспособность российского кредитного рынка, отметив, что воздействие может быть рассмотрено как через прямое влияние «фактора ВТО» на субъекты рынка, так и через анализ косвенных эффектов действия данного фактора на различные аспекты состояния рынка. Проф. Абрамова отметила, что увеличение доли иностранного капитала в российских банках может вызывать ряд рисков для процесса денежно-кредитного регулирования: проникновение иностранного капитала в российский банковский сектор через крупные зарубежные банки, в т.ч. с госучастием, усиливает системные риски банковского сектора. Банк России сегодня активно изучает вопросы контрциклического регулирования и применения макропруденциальных подходов к регулятивным и надзорным решениям, ставящим во главу угла устойчивость именно системно значимых банков. Это заставляет более осторожно подходить в проблеме приватизации данных банков на фоне усиления присутствия иностранного капитала в банковской системе России. Принятие не до конца выверенных решений может привести к тому, что и мегарегулятор может стать фактором снижения конкурентоспособности российского кредитного рынка. «Фактор ВТО», по мнению выступавшей, влияет на банки через состояние их клиентов. Быстрые

позитивные результаты от вступления в ВТО получают те отрасли и компании, которые производят конкурентоспособную на мировых рынках продукцию. Ряд жизненно важных для национальной экономики отраслей нуждается в реиндустриализации на современном технологическом уровне. Никакие «уговоры» банков выдавать кредиты под низкие проценты для стимулирования развития этих отраслей не помогут. Одним из направлений решения данной проблемы, по мнению автора, – это формирование системы банков развития, которые могли бы, используя эффекты кредитования, а не финансирования, создать условия для реиндустриализации отдельных отраслей на новом технологическом уровне. Другим направлением решения данной проблемы – это возможность государства выступать гарантом при кредитовании важнейших для модернизации российской экономики организаций, являющихся, например, организациями инновационного типа. Эту же идею поддержала доцент Варламова С.Б. применительно к региональным банкам, отметив следующие пути государственной поддержки – временное государственное участие; государственная поддержка в виде субординированного, стабилизационного или инвестиционного кредитов; использование лизинга или передачу материальных и нематериальных активов на льготных условиях, создающих банкам конкурентные преимущества: дорогостоящее программное обеспечение учёта в системе МСФО, оборудование для оснащения вновь открываемых дополнительных и кредитных офисов, операционных касс банка, компьютеры и др. Проф. Абрамова М.А., обратила внимание на необходимость учета диверсификации экономики России при разработке «Основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики».

Несколько иной ракурс повышения конкурентоспособности банковского сектора России в своем выступлении рассмотрел к.э.н. Джагитян Э.П., отметив, что задачу укрепления конкурентоспособности российских банков необходимо рассматривать через призму стратегического волеизъявления самих банков, заключающегося в инициативном реформировании их операционных моделей и основных направлений рыночной специализации, что должно создать основу экономического иммунитета к гипотетической рыночной нестабильности, экзогенным и эндогенным рискам и дефициту внешнего фондирования. В противном случае российские банки могут надолго увязнуть в нише спекулятивного краткосрочного капитала, основанного на высокомаржинальных и одновременно высокорисковых продуктах/услугах, ввиду чего горизонты и преимущества инвестиционного сотрудничества, открываемые ВТО, могут надолго остаться недостижимыми для их стратегического потенциала. Отсутствие достаточной гибкости в операционном сегмен-

те и явные признаки монополизации финансово-кредитного рынка являются причиной относительной слабости российского банковского сектора, его жесткой фрагментации по размеру банков, масштабу их деятельности и аккумуляции ресурсов. Неравномерное распределение банковских активов, в том числе по территориальному признаку, чрезмерное увлечение небанковской финансовой и нефинансовой деятельностью, относительно низкий уровень корпоративного управления серьезно ослабляют международные позиции российских банков, затрудняют процессы финансовой конвергенции России в рамках ВТО и невольно изолируют российский банковский сектор от процессов финансовой глобализации. Иными словами, конкурентоспособная деятельность российских банков на мировых рынках невозможна без создания элементарных основ межбанковской конкуренции на внутреннем российском рынке.

Проф. Красавина Л.Н. обратила внимание на роль ценового и валютного факторов в повышении конкурентоспособности, подчеркнув, что обе эти составляющие не достаточно учтены в национальной стратегии развития экономики России. Она отметила, что системное регулирование инфляции в целях формирования фундамента конкурентоспособности экономики высоких технологий, инноваций и снижения издержек должно иметь место на всех стадиях воспроизводства. В этой связи, по мнению проф. Красавиной Л.Н. целесообразно расширить понятие инфляции чрезмерных издержек производства и ввести понятие инфляции, вызванной чрезмерными издержками процесса общественного воспроизводства. Автором предложены конкретные меры регулирования инфляции в каждой стадии воспроизводственной цепочки, а так же регулирования и минимизации валютных рисков, в т.ч. вследствие импортируемой инфляции. Для снижения импортируемой инфляции предложено активизировать импортозамещение особенно потребительских товаров, учитывая высокую долю импортных товаров в розничной торговле (50%) и потребительской корзине (25%) путем развития их национального производства и импорта из евразийского ТС–ЕЭП. В целях снижения инфляционных рисков, связанных с международным движением капитала, акцентировано внимание на стимулирование притока в Россию не портфельных, а прямых инвестиций во избежание спекулятивных фондовых операций и бегства капитала. В целях сдерживания оттока капитала, в том числе российского, целесообразно активнее использовать нормы валютного регулирования и валютного контроля и при необходимости совершенствовать их или ввести более эффективные. Одновременно автор считает, что целесообразно использование налоговых и валютных меры для сдерживания

инвестиций российских юридических и физических лиц в зарубежные активы (банковские депозиты, недвижимость), которые превысили 12 млрд долл. в 2011 году. Для повышения конкурентоспособности России важно снизить инфляционные и валютные ожидания и ожидания иррационального поведения предпринимателей и населения. С этой целью полезно разработать индекс предпринимательской уверенности и совершенствовать методику Росстата по определению индекса потребительской уверенности, который пока условно отражает лишь изменения денежного спроса на потребительском рынке и не учитывает влияние динамики курса рубля и другие факторы, в частности, внезапные ценовые аномалии. Таким образом, проф. Красавина Л.Н. считает, что для реализации стратегии повышения конкурентоспособности экспорта и экономики в целом необходима система мер по обеспечению относительной ценовой и валютной стабильности в целях снижения потерь от инфляционных и валютных рисков.

Существенную роль в повышении национальной конкурентоспособности играет система национального экспортного контроля, которая должна учитывать многосторонние договоренности в этой сфере, отметила в своем выступлении проф. Ревенко Л.С. . Все национальные системы экспортного контроля, в основе которых лежат рекомендации и документы, разработанные в рамках многосторонних механизмов, содержат четыре элемента: законодательство, списки, лицензии и правоприменение. Российская система экспортного контроля, которая была создана Указом Президента Российской Федерации в 1992 году, имеет все упомянутые 4 элемента. Российская система экспортного контроля полностью гармонизирована с системами экспортного контроля, действующими в других странах, поэтому ее существование не предоставляет никаких преимуществ иностранным конкурентам (как и российские экспортеры, они вынуждены подавать заявку на экспорт и получать экспортные лицензии). Целью экспортного контроля является не запрет поставки, а постановка экспортируемых товаров под контроль, чтобы исключить их использование в незаявленных целях. В этой связи создание более благоприятных условий для российских экспортеров возможно прежде всего путем сокращения времени рассмотрения заявок на поставку контролируемых товаров. При этом любая страна вправе самостоятельно вводить на национальном уровне дополнительные меры контроля за экспортом «чувствительной» продукции. Они могут выражаться как в расширении контрольных списков, так и в распространении действия ограничений на отдельные страны – участницы многосторонних механизмов.

В заключение все выступившие сошлись во мнении, что национальная

конкурентоспособность – это важнейшее условие поступательности развития экономики России и обеспечения ее самоидентификации в мировом обществе в соответствии со своими национальными ценностями и приоритетами.

Д.э.н. Навой А.В. акцентировал внимание собравшихся на том, что выравнивание условий конкуренции в рамках ВТО для российских и иностранных финансовых посредников ставит отечественные банки и финансовые компании в заведомо невыгодные условия. В частности, стоимость ресурсов, предлагаемая глобальными банками для российских клиентов, оказывается более выгодным источником фондирования по сравнению с местными банками. Согласованные условия членства России в ВТО лишают нашу страну возможности нивелирования отрицательных последствий неравной конкурентной борьбы с банками развитых стран, так как любые ограничительные меры должны в равной степени относиться как к резидентам, так и к нерезидентам, работающим на российском рынке. Рост масштабов конкурентной борьбы за российские национальные сбережения, по мнению Навоя А., возрос после присоединения России к ВТО, что подтверждают планы по расширению списка финансовых российских инструментов, включенных в систему Euroclear и ClearStream с 2015 года. Расширение деятельности Euroclear и ClearStream на отечественном финансовом рынке говорит, по мнению Навоя, об «утекании» российского финансового рынка на зарубежные площадки, о перераспределении национальных сбережений в пользу развитых стран. Кроме того, заемный иностранный капитал – это малопригодный источник фондирования долгосрочных инфраструктурных проектов в России. Поэтому на приоритет в этой части принадлежит национальным сбережениям - беспроцентному и бессрочному ресурсу стратегического развития экономики России. В данном контексте, по мнению выступавшего, основной задачей монетарной политики является мобилизация национальных сбережений.

Основные характеристики украинской эмиграции в ФРГ на современном этапе (1990 - начало 2000-х гг.)

Рубеж 1980-1990-х годов отмечен значительной количественной и качественной трансформацией внешних миграционных процессов на постсоветском пространстве. Если до конца 1980-х гг. советские республики не знали массовой эмиграции, то 1988 год стал переломным: в результате либерализации миграционной политики советского государства объем эмиграционных потоков многократно возрос. С 1989 г. в страны Западной Европы из этого региона ежегодно въезжало до 2 млн. человек в год [2]. Один из самых плотных потоков шел из Украины в Германию: если в конце 1980-х гг. численность украинского населения ФРГ составляла примерно 20 тыс. чел. [3], то к 2012 г. она возросла более чем в 10 раз [4].

Эмиграция 1990-2000-х гг. стала новым этапом в истории украинской общины в Германии. Произошло не только ее пополнение, но был получен импульс к воссозданию и возникновению новых организаций и институтов общины, более активной ее деятельности во внутригерманской и международной жизни.

Несмотря на очевидную важность этой проблемы для обоих государств, изучена она слабо и неравномерно: до сих пор основным объектом исследователей остается временная трудовая эмиграция 1990-начала 2000-х гг. Целью же данной статьи является обобщение основных данных, характеризующих легальный переезд украинских граждан в ФРГ на постоянное жительство, то есть безвозвратных эмигрантов.

В своем исследовании мы опираемся на ежегодные отчеты Федерального ведомства статистики Германии и Федерального ведомства по вопросам миграции и беженцев (Bundesamt für Migration und Flüchtlinge/BAMF) об иностранном населении страны из серии «Население и трудовая деятельность» («Bevölkerung und Erwerbstätigkeit») и доклады о миграционных процессах в ФРГ, составленные по материалам пленарных заседаний Бундестага и дополненные результатами исследований Европейского форума миграционных исследований Бамбергского университета (Europäische Forum für Migrationsstudien Institut an der Universität Bamberg, EFMS).

Итак, пик эмиграционной активности украинцев, имевших своей целью ФРГ, пришелся на первую половину 1990-х гг. С 1 января 1993 г. они получили право выезжать за границу без «специального разрешения компетентных ор-

ганов», а через год, согласно новому Закону «О выезде из Украины и въезде в Украину граждан Украины», за гражданами Украины было закреплено право «свободно покидать страну и возвращаться на ее территорию». В сочетании с благоприятной для иностранцев, особенно репатриантов, иммиграционной политикой Германии, это стимулировало интенсивный приток украинских граждан и этнических украинцев из других государств в ФРГ. При этом нужно помнить, что ФРГ для определенного количества эмигрирующих была «перевалочным пунктом» [5].

В 2000-е гг. по мере ужесточения требований к иммигрантам, насыщения германского трудового рынка и роста конкуренции на нем со стороны граждан государств-новых членов ЕС количество въезжающих в страну украинцев сократилось и численность общины в Германии перестала скачкообразно расти, стабилизировавшись к концу первого десятилетия XXI в.

По данным на 2008-2009 гг., 56,6% украинцев проживали в Германии более 20 лет, имели долгосрочные цели, связанные с работой, учебой и семьей, и намерение закрепиться в ФРГ [6]. Для остальной части переселенцев всегда была характерна текучесть: средняя продолжительность пребывания их в этой стране в настоящее время оценивается как 7,8 лет и является одной из самых коротких (так, средняя продолжительность пребывания граждан Польши в ФРГ составляет 9,4 года, России – 7,4 года, Румынии – 7,3), хотя при этом 66,9% украинцев обладают постоянным видом на жительство, совмещающая работу или учебу в Германии с частыми отлучками на родину или пребыванием в других странах Евросоюза [6: 39,42].

Основными причинами эмиграции являются экономические, связанные с низким уровнем жизни в стране исхода. В этой связи необходимо упомянуть «утечку мозгов»: половина эмигрировавших в 1990-е гг. высококвалифицированных специалистов и ученых выбирала страны СНГ и Балтии, тогда как другая половина направлялась в Израиль, США, Германию, Канаду, Францию [7].

Среди основных причин переселения можно назвать также семейные обстоятельства (брак, воссоединение семьи и пр.).

Характерной чертой украинской эмиграции в ФРГ и гендерной структуры украинской диаспоральной общины в этой стране в 1990-2000-е гг. стала непропорционально большая доля женщин, особенно в возрасте от 25 до 45 лет, что отражает не просто тенденцию к феминизации эмиграции из Украины вообще, но серьезную, к тому же постепенно усиливающуюся диспропорцию половозрастного состава украинской эмиграции в ФРГ. Если в 2005 г. доля женщин среди переселенцев составляла 60,3%, к 2012 г. показатель достиг отметки 62,9% [8: 37-40]. Особенно резкий рост наблюдается в группе 25-35-летних украинок. По состоянию на 31 декабря 2012 г., на 3464 украинца в возрасте 20-25 лет приходится 5760 женщин, в возрастной группе 25-35 лет это уже

7298 мужчин и 18901 женщин, а для 45-55-летних – 7842 и 15743, соответственно [8: 57-58]. Подобная тенденция выявляется при анализе половозрастного состава украинских общин, оформившихся к 2012 г. практически во всех регионах Германии [8: 23-25]. Вкупе со специфической рассредоточенностью украинцев в ФРГ она может способствовать ускорению ассимиляционных процессов в общине.

Противостоят углублению ассимиляционных процессов и перемене этнической принадлежности членов общины ее институты и организации, возникновение и развитие которых было вызвано ростом численности украинской общины в ФРГ и необходимостью упорядочения различных аспектов ее жизнедеятельности. Это землячества, объединяющие украинцев определенного региона, федеральной земли или города, религиозные институты, светские и церковные учебные заведения, профессиональные, женские, молодежные, детские, благотворительные и правозащитные учреждения, издательства, творческие коллективы и культурно-информационные товарищества. Важную роль в консолидации общины и установлении контактов между отдельными ее частями и связей с метрополией играют также украинские интернет-сообщества, тематические форумы, блоги, социальные сети.

Однако недостаточное присутствие в жизни общины политических и экономических национальных институтов, недостаток необходимой поддержки со стороны Украины препятствует эффективной реализации потенциала указанных институтов. Негативно влияет и их разобщенность. Консолидации же под единым руководством таких организаций, как Центральна Спілка Українців в Німеччині (ЦСУН) и Об'єднання українських організацій Німеччини, которая наметилась в 2000-е гг., препятствует существованию между иммигрантами глубоких социокультурных различий.

Таким образом, интенсивная и сложная по половозрастному, социальному, этническому составу эмиграция украинцев в Германию в конце XX-начале XXI вв. трансформировала структуру украинской общины в этой стране. Вследствие быстрой феминизации миграционных потоков, в структуре ядра общины в 1990-2000-е гг. стали доминировать женщины в возрасте от 25 до 45 лет, что чревато в будущем повышением доли смешанных браков и в перспективе - ускорением ассимиляционных процессов. Другим фактором, влияющим на интенсификацию ассимиляции украинцев, является их дисперсное расселение на территории ФРГ. Деятельность культурно-информационных, общественно-политических и религиозных организаций общины амортизирует данные процессы, однако при отсутствии должной поддержки со стороны украинского государства и развитых координирующих структур самой украинской диаспоральной общины в ФРГ их потенциал реализуется не в полной мере.

Список литературы:

1. Войнова В.Д., Ушкалов И.Г. Современные эмиграционные процессы в России//Социологические исследования. 1994. № 1. С. 39-49.
2. Потемкина О.Ю., Грацианская Н.Н. Основные тенденции миграционных процессов в Западной Европе: Проблемы политики и этносоциальной адаптации//Этнические проблемы и политика государств Европы. Сб. ст./ Отв. ред. Мартынова М. Ю., Грацианская Н. Н. М., 1998. С. 41–93.
3. Украинцы. - М.: Наука, 2000. С. 92
4. Bevölkerung und Erwerbstätigkeit. Ausländische Bevölkerung Ergebnisse des Ausländerzentralregisters. Fachserie 1. Reihe 2. Statistisches Bundesamt, Wiesbaden. 2013. S. 41. [Электронный ресурс]. Режим доступа:https://www.destatis.de/DE/Publikationen/Thematisch/Bevoelkerung/MigrationIntegration/AuslaendBevoelkerung2010200127004.pdf?__blob=publicationFile (дата обращения 10.08.13).
5. Migrationsbericht der Ausländerbeauftragten im Auftrag der Bundesregierung. Europäische Forum für Migrationsstudien Institut an der Universität Bamberg, 2001. S. 12. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bmi.bund.de/cae/servlet/contentblob/149602/publicationFile/15184/migrationsbericht_2001.pdf (дата обращения 10.08.13).
6. Ruhl S. Grunddaten der Zuwandererbevolkerung in Deutschland. Integrationreport/Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. Working Paper 27 der Forschungsgruppe des Bundesamtes. Erschienen 2009. Aus der Reihe „Integrationreport“, Teil 6. S. 7, 25, 38, 39, 42
7. Аналитический обзор миграционной ситуации в Украине за 1990-1999 годы. Под ред. Г. Адлера. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.germany.com.ua/textes/info_2.htm (дата обращения 10.07.14)
8. Bevölkerung und Erwerbstätigkeit. Ausländische Bevölkerung Ergebnisse des Ausländerzentralregisters. Fachserie 1. Reihe 2. Statistisches Bundesamt, Wiesbaden. 2013. S. 37-40, 57-58, 23-25 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.destatis.de/DE/Publikationen/Thematisch/Bevoelkerung/MigrationIntegration/AuslaendBevoelkerung2010200127004.pdf?__blob=publicationFile (дата обращения 15.08.13).

Лян Чжэ,

стажер кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, аспирантка Факультета истории и культуры Шаньдунского университета

Православие в Китае: на примере китайских русских Трехречья (Северная Маньчжурия)

Православие, одно из трех основных ветвей христианства, как мировой религии, впервые появилось в Китае еще в период правления монгольской династии Юань (1271-1368 гг.), а затем исчезло вместе с гибелью Монгольской империи. При императоре Канси (1662-1722 гг.) православие вновь проникает в Китай. В обоих случаях это было связано с контактами с подданными Российского государства. Со временем в Китае были учреждены 6 церковно-административных округов, в Поднебесной империи было построено более 300 церквей (1920-1950-е гг.), а число православных верующих достигло 300 тысяч человек, правда, в своем подавляющем большинстве они были иностранцы, в первую очередь русские эмигранты.

С отъездом из Китая эмигрантов из России, число православных в стране значительно уменьшилось. Годы культурной революции, борьба с религиозностью нанесли по православию в Китае сильнейший удар. Но дело не только в репрессиях по отношению к служителям культа, в разрушении церквей, уничтожении икон. Православие за более чем двести лет не укоренилось в китайском обществе, оставаясь во многом противопоставленной китайской традиционной идеологии и культуре.

В настоящее время православие не принадлежит к числу пяти основных религий Китая, имеющих правовой статус (буддизм, даосизм, ислам, католицизм, протестантство), однако, его присутствие в Китае является бесспорным фактом.

Согласно статистике РПЦ, сегодня в Китае насчитывается больше десяти тысяч православных. Их можно разделить на две группы: одна – граждане КНР, потомки русско-китайских браков, другая – граждане из России и других стран (Украина, Белоруссия, Грузия, Молдавия, Сербия, Греция и т.д.), работники посольств, представители международных организаций и компаний, бизнесмены, студенты и другие. Среди собственно ханьцев или китайских граждан других национальностей православных верующих чрезвычайно мало.

Если говорить о больших городах, то в них большинство православных – это иностранцы. Например, в Пекине, кроме нескольких сотен православных китайцев, потомков албазинских казаков, основная масса верующих состоит из граждан России и других православных стран. В Шанхае и Тяньцзине большинство православных – это, в первую очередь, россияне, занимающиеся торговлей, образованием и культурным обменом, хотя есть и православ-

ные китайцы. В Харбине, городе когда-то основанном русскими в связи со строительством КВЖД, русских потомков с гражданством Китая осталось исключительно мало, православные – это также приезжие из России (бизнесмены, студенты и др.).

Православные граждане Китая большей частью проживают в Автономном округе Внутренней Монголии и Синьцзян-Уйгурском автономном округе, и в основном в районах вдоль китайско-русской и китайско-казахстанской границ – например, в городском уезде Инин в Синьцзяне, г. Аргунь во Внутренней Монголии и др.

Специфику китайского православия мы рассмотрим в данной статье на примере городского округа Аргунь, который среди россиян и жителей Северной Маньчжурии называется Трехречьем.

Трехречье – территория, расположенная в Северной Маньчжурии между реками Хаул, Дербул и Гэньхэ, являющимися правыми притоками реки Аргунь, по которой проходит граница между Забайкальским краем России и Хулунбуирским аймаком КНР. В начале прошлого века оно активно заселялось русскими эмигрантами – казаками и жителями приграничных забайкальских городков и поселков. Проживание на территории Китая способствовало появлению смешанных русско-китайских браков. На данный момент метисы, потомки этих брачных союзов, составляют значимую часть населения региона, и даже в шестом поколении они сохраняют некоторые черты славянского антропологического типа.

Общее число китайских русских Трехречья – около семи тысяч человек¹. Здесь необходимо сказать, что не все китайско-русские метисы Внутренней Монголии официально включены в состав данной этнической группы, которая официально появилась в Китае в 1991 г. При этом, по результатам полевого исследования китайских ученых из Китайской Академии общественных наук КНР, православные верующие занимают лишь малую часть трехреченских китайских русских, как правило – это пожилые женщины. Поэтому нельзя считать всех китайских русских православными, большинство из них уже практически позабыли традиции своих русских предков, не участвуют в жизни общины, и нужно сказать, что в первую очередь это относится к молодежи².

Когда-то в Трехречьи было более 20 православных церквей, построенных русскими эмигрантами в период 1921-1949 гг. С 1955 г., по мере их возвращения на Родину, отъезд в Австралию и другие страны, они были закрыты, а в годы «культурной революции» – разрушены. В течение 1989-1991 гг. правительство г. Аргуни (современный административный центр региона), построило новую православную церковь, которая была освещена в честь святителя

1. Китайская православная церковь. <http://drevo-info.ru/articles/1370.html>

2. См.: Тан Сяофэн 唐晓峰. Распространение православия в Китае с точки зрения факторов распространения религий 从宗教传播诸要素看东正教在中国的传播 // Мировая религиозная культура 世界宗教文化. 2012. № 6. С. 31.

Иннокентия Иркутского. В настоящее время это единственный официально признанный православный храм Трехречья. Он был освещен 30 августа 2009 г. отцом Ван Цюаньшэн из Шанхая. Аргунская Иннокентьевская церковь в настоящее время является четвертой православным храмом в Китае. Ее строительство и освещение символизирует возрождение в XXI веке православия в Китае в целом, и в Трехречье, в частности. 4 апреля 2010 г. в ней впервые прошло пасхальное богослужение. Известно, что в нем приняло участие более 70 верующих, подавляющее большинство которых были местные жители – китайские русские. В настоящее время Пасха включена в список Нематериального культурного наследия Внутренней Монголии¹.

Китайско-русские метисы в основном проживают в нескольких селах городского округа Аргунь, расстояние между ними значительное, а церковь только одна. В связи с этим, многие верующие, проживающие далеко от города, посещают ее лишь на большие праздники, совершая обычные богослужения дома перед иконами, которые имеет каждый православный китайский русский.

Находящееся в 90 километрах от Аргуни село Эньхэ – единственная русская национальная волость в Китае, в нем наибольшее число китайско-русских метисов в пропорции к представителям других национальностей. В центре Эньхэ в 2007 г. было построено величественное здание, похожее на православную церковь, с водруженным крестом на ротонде. Однако это не храм, а русский национальный музей, в котором иконы всего лишь экспонаты среди предметов русского быта и чучел животных, обитающих в лесах Северной Маньчжурии.

Долгая изоляция от континентальной части России, влияние традиционных китайских религиозных верований на воззрения метисов Трехречья определило важную особенность православия китайских русских, которое можно обозначить следующим образом: синкретизм православия и традиционного китайского вероисповедания. Примером этого может быть кумирня Царя драконов в селе Шивэй, которая долгое время была одним из мест проведения православных молебнов китайско-русских метисов этого поселка. До 2004 г. в кумирне вместе с одиннадцатью статуями и ритуальными табличками даосских божеств находилось четыре православные иконы. И китайскими русскими перед кумирней Царя драконов совершались молебны о дожде и праздничные «богослужения» (на Пасху, Троицу и другие дни православного календаря).

В 2004 г. за счет государственной фермы Шивэя рядом с кумирней была возведена православная часовня. Она больше размерами, чем кумирня – ее высота позволяет проводить молебны прямо в ней. После постройки в нее были перенесены иконы, находившиеся в кумирне Царя драконов. Позже иконостас

1. См.: Тан Гэ 唐戈. 俄罗斯文化在中国——人类学与历史学的研究 俄罗斯文化 в Китае: антропологическое и историческое исследование. Харбин. 2010. С. 280-281.

значительно пополнился другими образами, которые принесли жители села. Сегодня метисы, приходящие к часовенке помолитя, нередко также крестятся и читают краткую молитву, обратившись к кумирне Царя драконов.

В настоящее время православное вероисповедание в Китае, если сравнивать с другими христианскими конфессиями, распространено слабо, и этому есть ряд объяснений.

В декабре 2003 года в Пекине скончался албазинец отец Ду Лифу, наиболее известный из последних православных священников Китая. Отсутствие священников объясняется тем, что в стране не было и нет православной духовной академии, которая могла бы готовить служителей церкви. Существуют духовные академии протестантов и католиков, но закончившие их священники не могут служить в православных церквях.

В начале 2000-х гг. православные организации и отдельные верующие из России и Австралии предоставили стипендии нескольким китайско-русским метисам, чтобы они смогли пройти обучение в России, в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. На сегодняшний день уже больше двадцати молодых китайско-русских метисов (в том числе и из Трехречья) получили образование в русских духовных академиях. Успешно завершили обучение в России также четверо трехреченцев, среди них есть и те, кто готов был получить сан священника, и те, кто изучал духовное пение, и те, кто постигал мастерство иконописания. Казалось бы, вернувшись домой, они должны были бы способствовать укреплению православия в Трехречье. Но до сих пор в православной церкви Аргуни отсутствует священнослужитель, а потому невозможно организовать богослужение в соответствии с каноническими правилами. Поэтому службы проходят только по воскресеньям, и только по мирскому чину, которые сопровождаются духовной музыкой, звучащей в записи. Лишь изредка, и то после особого разрешения, проходят праздничные богослужения под руководством приезжающих из России русских батюшек.

Католическая и протестантская церкви в Китае имеют множество средства распространения своего вероучения – печатные издания, передачи на радио и телевидении, развитые миссионерские сети. В Китайской православной церкви ничего подобного нет. Православной редакции Священного писания на китайском языке не существует. Среди книг известен только православный молитвенник, другой духовной литературы чрезвычайно мало и в самом Китае она не издается. Большинство доступных верующим материалов для чтения на китайском языке было издано Православной церковью Гонконга. Что же касается православных журналов и книг на русском языке, то среди верующих практически нет тех, кто в силах их прочесть. Количество аудио и видео продукции еще меньше. При этом деятельность православных миссионеров из других стран (России, Австралии, Америки) запрещена законодательством страны.

Отсутствие духовных академий, священников, миссионеров, соответствующей литературы напрямую определяет чрезвычайно низкий уровень раз-

вития китайского православного богословия. Даже те верующие, которые хотят познакомиться с основами православия, могут этого сделать лишь по научным трудам Юе Фэна «История православия» («东正教史») и профессора Чжан Байчуня «Мысли о богословии современного православия» («当代东正教神学思想»).

В православии всегда подчеркивалось важность ритуалов, которые рассматриваются как инструмент влияния на поступки и помысли верующих. Однако отсутствие священников привело к тому, что такие обряды, как крещение, причастие, исповедь, освящение бракосочетания, поминовение и др. верующими не исполнялись и не проводились десятилетиями. Китайские русские придерживаются православной обрядовой традиции в том виде и форме, как они узнали от своих старших родственников, точнее сказать – увидели. Китайский этнолог Тан Гэ в процессе своих полевых исследований познакомился с довольно сложными ритуалами, но на вопросы о том, почему его участники поступают именно так, а не иначе, в чем заключается значение того или иного действия или элемента, в ответ обычно слышал «стандартный» ответ: «Я не знаю, моя мама раньше именно так делала»¹.

Существенным препятствием для активного развития православия являются также экономические затраты на содержание храмов. Церковь в Китае отделена от государства, и ни число православных верующих, ни уровень их благосостояния не позволяют поддерживать жизнь православного клира на должном уровне.

Это хорошо видно на примере Трехречье, где всего лишь одна православная церковь, но число верующих ограничено, нет священника, миссионерский энтузиазм прихожан не высок. Все эти факторы приводят к тому, что количество верующих становится меньше и меньше. Идеи же связанные с развитием церковного туризма, предлагаемые руководством прихода, что могло бы по идее увеличить финансовые поступления необходимые на поддержку церкви, представляются утопичными и не соответствуют духу православия.

Проникновение православия в Китай было связано с деятельностью Российского государства, с его внешней политикой. В Китае православие с самого своего появления стало официальным «представителем» России. Это напрямую сказывалось на пастве. Даже в период наибольшей численности православных в Китае (первая половина XX века), подавляющее большинство из них были этнические русские, оказавшиеся в стране волею глобальных исторических изменений в России. Собственно китайцев-православных всегда было очень мало (к примеру, согласно статистике 1904 г., только 1304 китайцев приняли православное крещение).

Непосредственным следствием этого стало то, что православие воспринимается и понимается как национальная религия этнических русских, а не ве-

1. Тан Гэ 唐戈. О особенностях православия в районе Аргунь 简论额尔古纳地区东正教的特点 // Вестник Хунаньского политехнического университета 湖南工业大学学报. 2008. № 4. С. 64.

роисповеданием для других народов. Именно поэтому она официально была признана религией китайско-русских метисов, которые в свою очередь рассматривают ее как элемент своей национальной идентичности.

Таким образом, единственными субъектами православной веры в Китае оказываются китайско-русские метисы, что как ни странно, в дальнейшем не будет способствовать развитию православия в Китае. Жизнь диктует свои условия, и китайско-русские метисы все чаще и чаще заключают семейные союзы с китайцами, монголами и представителями других национальностей страны. Это приводит к размыванию православных традиций в семье, под влиянием китайских, монгольских и др. религиозных верований большинство метисов принимают и начинают поклоняться «иноэтническим» божествам и мифическим духам (например, китайскому богу богатства, Царю драконов и др.).

Православие становится элементом туристической экономики, активно развивающейся в Трехречье¹. Киот с иконами становится интересным элементом «русского дома», теряя свою сакральную функцию.

Со временем, скорее всего, китайские русские будут ассимилированы китайцами и потеряют свое этническое своеобразие, в том числе и веру, хотя это будет утратой разнообразия и богатства мира религий и культур многонационального Китая.

Список литературы:

1. Китайская православная церковь. URL: <http://drevo-info.ru/articles/1370.html>
2. Кляус В.Л. “Русская” деревня на карте этнотуристического маршрута в Маньчжурии (КНР) // Новый исторический вестник. № 26 (4). 2010. С. 60-72.
3. Тан Гэ 唐戈. О особенностях православия в районе Аргунь 简论额尔古纳地区东正教的特点 // Вестник Хунаньского политехнического университета 湖南工业大学学报. 2008. № 4. С. 61-65.
4. Тан Гэ 唐戈. Русская культура в Китае: антропологическое и историческое исследование. Харбин 俄罗斯文化在中国——人类学与历史学的研究. Харбин. 2010.
5. Тан Сяофэн 唐晓峰, Распространение православия в Китае с точки зрения факторов распространений религий 从宗教传播诸因素看东正教在中国的传播 // Мировая религиозная культура. № 6. 2012.
6. Чжан Байчунь 张百春, История и нынешнее состояние распространения русского православия в Китае 俄国东正教在中国传播的历史和现状 // Культурный обмен между Китаем и западными странами: ретроспектива и перспектива. Очерки международной научной конференции в память двухсот лет со дня приезда Роберта Моррисона в Китай 中西文化交流 回顾与展望 纪念马礼逊来华两百周年国际学术研讨会论文集. Шанхай. 2009.
7. Ши Хэнтань 石衡潭, Тан Сяофэн 唐晓峰, Нынешнее состояние православия в северо-восточном районе Китая 中国东北地区的东正教现状. URL: http://www.xjass.com/mzwh/content/2012-08/14/content_241656.htm

1. Кляус В.Л. “Русская” деревня на карте этнотуристического маршрута в Маньчжурии (КНР) // Новый исторический вестник. № 26 (4). 2010. С. 60-72.

Создание Евразийского экономического союза как новый виток интеграционных процессов на пространстве СНГ

Стремительное ускорение процессов глобализации в XXI веке способствовало тому, что сегодня практически все регионы мира, так или иначе, вовлечены в интеграционные процессы. Интеграция является одной из ключевых тенденций развития, влекущей за собой серьезные институциональные и качественные изменения политических контуров современного мира. Российская Федерация – крупнейшая мировая держава, наследница СССР, имеющая огромный экономический и политический потенциал, не может оставаться в стороне от процессов региональной интеграции.

Одним из ключевых приоритетов региональной политики нашего государства является развитие отношений с государствами пространства Содружества Независимых Государств 2013 года, о чем свидетельствуют заявления руководства страны, подкрепленные основополагающими документами. Так, в рамках Концепции внешней политики России вопрос развития отношений со странами СНГ выделяется как первостепенный: «приоритетными направлениями российской внешней политики являются развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами - участниками СНГ, дальнейшее укрепление СНГ - основы углубления регионального взаимодействия его участников»¹, а интенсификация интеграционных процессов на постсоветском пространстве - как одна из ключевых задач. В Концепции РФ в сфере содействия международному развитию, утвержденной Указом Президента РФ от 20 апреля 2014 года, в качестве одной из ключевых задач РФ на региональном уровне выделяется «содействие интеграционным процессам на пространстве Содружества Независимых Государств»².

29 мая 2014 года интеграционное развитие на постсоветском пространстве получило новый, кульминационный, виток – руководителями России, Белоруссии и Казахстана был подписан Договор о создании Евразийского экономического союза, который вступает в силу с 1 января 2015 года. Данный шаг свидетельствует о запуске нового интеграционного проекта, отвечающего духу времени, а также интересам стран-участниц.

В Концепции внешней политики РФ, наряду с интеграцией СНГ, ключевым приоритетным обозначено создание Евразийского экономического

1. Концепция внешней политики Российской Федерации. 12 февраля 2013 года. Режим доступа: «ГАРАНТ»: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/#ixzz33wCnZyCi>

2. Концепция Российской Федерации в сфере содействия международному развитию. 20 апреля 2014. Официальный сайт МИД РФ. Режим доступа: <http://www.mid.ru/ns-osndoc.nsf/0e9272befa34209743256c630042d1aa/00cc9154529e1c7fc32575bc002c6bb5>

союза (ЕАЭС), «призванного не только максимально задействовать взаимовыгодные хозяйственные связи на пространстве СНГ, но и стать определяющей будущее стран Содружества моделью объединения, открытого для других государств»¹. Таким образом, опыт взаимодействия в формате Содружества предполагается использовать как стартовую площадку для создания нового интеграционного объединения.

Евразийская идея уходит корнями в первую половину XX века. Евразийство как философское течение зародилось на основе славянофильства, благодаря трудам русских иммигрантов, которые отвергали европоцентризм как стратегию будущего развития региона стран, входивших в СССР (а также Монголии). К числу евразийцев относится П.Н. Савицкий², Н.С. Трубецкой, Г.В. Флоровский и другие. Они выступали за создание федерации в пространственных рамках государств Союза.

Неоевразийство получило свое развитие во второй половине XX века благодаря работам Л.Н. Гумилева, выдающегося историка и географа, который, опираясь на классиков евразийства, создал свою концепцию пассионарного этногенеза, обосновывающего географические и культурно-исторические связи народов Евразии.

Среди современных исследователей наиболее ярким последователем евразийства является А.Г. Дугин, он представляет концепцию неоевразийства к контексте глобализации, рассматривая глобализм как угрозу, единственным противовесом которому является евразийство: «главная угроза целостности и идентичности страны присутствует сегодня внутри самого общества. Наша евразийская идея состоит в противопоставлении однополярному общепланетарному глобализму под эгидой США...»³. Существуют и другие современные концепции евразийства, если попытаться условно систематизировать научные теории, то можно выделить два других направления: континентальное, которое обосновывает объединение евразийского континента уникальными геополитическими характеристиками; и региональное, в рамках которого России уготовлена роль гегемона, который объединит под свои началом постсоветские и некоторые азиатские государства⁴.

Идея создания Евразийского союза «назрела» только в XXI веке. В 1994 году Нурсултан Назарбаев выносил свои предложения по созданию подобного объединения (Евразийского Союза Государств) на рассмотрение членов СНГ, однако тогда не хватило мотивации, объективных условий для движения в данном направлении.

1. Концепция внешней политики Российской Федерации. 12 февраля 2013 года.

2. См. П. Н. Савицкий. Евразийство. 1925. Режим доступа: <http://evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=785>

3. А.Г. Дугин. Основы Евразийства. Москва. 2002

4. См. Н. А. Нартов, В. Н. Нартов. Геополитика : учебник для вузов. Глава 5. Неоевразийство в системе геополитического знания. М. 2013.

Строительство Таможенного союза началось в 1995 году, когда руководители России, Белоруссии, Казахстана подписали договор о создании ТС как формы торгово-экономической интеграции этих государств. В 2007 году в рамках саммита ЕврАзЭС была принята концепция Таможенного союза трех государств: России, Белоруссии и Казахстана. Реально действовать организация начала с июля 2010 года, когда был принят Таможенный кодекс, который стал действовать на территории всех трех стран. ТС предусматривал формирование ЕЭП: снятие таможенных барьеров, применение единой тарифной политики в отношении третьих стран.

Функционирование общего рынка оформлено в рамках ЕЭП, созданного в январе 2012 года, оно обеспечивает координацию экономической политики стран-участниц и свободное движение всех факторов производства: капитала, товаров, услуг и рабочей силы.

Не будет преувеличением сказать, что создание Таможенного союза и ЕЭП заложило основы для углубления региональной интеграции стран и формирования Евразийского экономического союза.

3 октября 2011 года В.В. Путин опубликовал статью «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня»¹. В ней он изложил план построения Единого экономического пространства (ЕЭП), стартовавшего 1 января 2012 года, а также основные цели и задачи, которые ставят перед новым интеграционным объединением руководители России, Белоруссии и Казахстана. 17 октября 2011 года Президент Белоруссии, А.Г. Лукашенко опубликовал ответную статью «О судьбах нашей интеграции»², в которой отметил судьбоносную роль «предвыборной статьи» В.В. Путина: «Россия впервые за многие годы ясно и недвусмысленно заявила о приоритете отношений с государствами, с которыми... вышла из общей советской шинели»³. Дискуссию поддержал и глава Казахстана, Н.А. Назарбаев, опубликовав статью «Евразийский союз: от идеи к истории будущего»⁴.

Данные статьи не только дали серьезный импульс евразийским интеграционным процессам, но и вынесли в плоскость общественного обсуждения данный проект. Это особенно важно, поскольку руководители, предоставив широкой публике проект в зарождении, разъяснив его сильные стороны, что способствует наращиванию не только политической воли объединения, но и укреплению социальной базы будущего интеграционного объединения.

1. В.В. Путин. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Газета «Известия» // 3 октября 2011. Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/502761#ixzz33gvpUUo7>

2. А.Г. Лукашенко. О судьбах нашей интеграции // Газета «Известия» // 17 октября 2011. Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/504081>

3. См. А.Г. Лукашенко. О судьбах нашей интеграции

4. Н.А. Назарбаев. Евразийский союз: от идеи к истории будущего // Газета «Известия» // 25 октября 2011. Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/504908>

Ключевые цели ЕЭП и будущей Евразийской интеграции, обозначенные В.В. Путиным¹, можно разделить на краткосрочные и долгосрочные. Краткосрочные цели относятся к внутреннему реформированию интеграционного пространства:

Создание полноценного эффективного и привлекательного экономического союза.

Создание понятной и привлекательной для всех граждан интеграционной структуры, которая будет являться долгосрочным и устойчивым проектом.

Выработка согласованной политики в макро- и микроэкономике, в сфере транспорта, сельского хозяйства, тарифной политики, - на первом этапе. Затем – единая миграционная политика, свободное движение капитала, товаров и услуг, людей.

Создание полноценной профессиональной наднациональной руководящей структуры, которая будет руководить деятельностью организации, принимать действенные решения, снижать бюрократические барьеры и представлять интересы граждан в целом.

Поддержание открытости Евразийского проекта для расширения за счет новых членов, в первую очередь - стран СНГ. Вступление должно проходить исключительно на принципах доброй воли, сохранения суверенитета стран-членов.

Долгосрочные цели направлены на закрепление места Евразийского союза как центра силы в мировой системе и формирования устойчивой системы взаимодействия с другими регионами:

Превращение Евразийского союза в новый полюс (центр силы) современного мира, в «связку» между Европой и Азией.

Движение к созданию Евразийского союза послужит драйвером интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Иными словами, субрегиональные объединения постепенно будут сливаться в единое целое.

Евразийский союз будет строиться как часть системы, часть Большой Европы, продвигая общие ценности.

Полицентричность региональных объединений, единая экономическая политика и цели придадут более устойчивый характер мировой политической и экономической системе.

А. Г. Лукашенко в своей статье обратил внимание на важный фактор, который придает полноценность и эффективность интеграционному объединению – это равенство в представлении и защите интересов каждой страны-участницы. «На неравной основе союз единомышленников и партнеров не построить. Это аксиома!»², - утверждает А.Г. Лукашенко.

1. См. В.В. Путин. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня

2. А.Г. Лукашенко. О судьбах нашей интеграции

Экономическая направленность и исключительно экономическая целесообразность ЕАЭС подчеркивается главами государств особо. Если ранее, в 2011 году активно обсуждалась перспектива формирования Евразийского союза, то теперь принято решение сконцентрироваться на видимых результатах, выбрана так называемая факторная модель интеграции. По словам В.В. Путина, «Россия, Белоруссия и Казахстан переходят на принципиально новый уровень взаимодействия, создают общее пространство со свободным перемещением товаров, услуг, капиталов и рабочей силы. Государства «тройки» будут проводить согласованную политику в ключевых отраслях экономики – в энергетике, промышленности, сельском хозяйстве, транспорте»¹.

Н. А. Назарбаев также подчеркнул важность экономической основы интеграции: «Экономические интересы, а не абстрактные геополитические идеи и лозунги — главный двигатель интеграционных процессов»².

В октябре 2013 года на заседании Высшего евразийского экономического совета в Минске, Н. А. Назарбаев предложил распустить Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) с целью не поддерживать существование параллельных организаций, дублирующих функции друг друга.

За прошедшие 23 года интеграционные процессы на постсоветском пространстве характеризуются многовекторностью: с момента распада Союза на постсоветском пространстве сформировалось множество параллельных интеграционных проектов:

Содружество Независимых Государств (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина³);

Союзное государство России и Белоруссии;

ЕврАзЭС (Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан);

Организация Договора о коллективной безопасности – ОДКБ (Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан, Узбекистан (приостановил членство));

Таможенный союз (ТС) и Единое экономическое пространство (ЕЭП) (Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия);

ГУАМ⁴ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдавия)

Евразийское экономическое сообщество ЕАЭС (Россия, Белоруссия, Казахстан).

Такое обилие интеграционных проектов характеризует разноскоростную

1. Официальный сайт Президента РФ. Заявления для прессы по итогам заседания Высшего Евразийского экономического совета. 29 мая 2014. Режим доступа: <http://kremlin.ru/transcripts/45790>

2. Н.А. Назарбаев. Евразийский союз: от идеи к истории будущего

3. В виду политического кризиса в Украине, 19 марта 2014 года Совет национальной безопасности и обороны Украины заявил о начале выхода Украины из состава СНГ.

4. Данная структура носит антироссийский характер.

и многовекторную направленность регионального интеграционного развития постсоветского пространства.

Руководство РФ официально оформило стремление развивать ЕАЭС в Концепции внешней политики РФ в 2013 году: «Россия считает приоритетной задачей формирования Евразийского экономического союза, призванного не только максимально задействовать взаимовыгодные хозяйственные связи на пространстве СНГ, но и стать определяющей будущее стран Содружества моделью объединения, открытого для других государств¹. Неоднократно подчеркивалась тесная взаимосвязь ЕАЭС и СНГ, при этом из создания первой не вытекает роспуск или сведение на нет деятельности второй, скорее, наоборот.

Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества был подписан 10 октября 2000 года в Астане главами Белоруссии, Казахстана, России, Таджикистана, и Киргизия. В вышеупомянутой Концепции внешней политики РФ отмечается, что ЕАЭС будет строиться на универсальных интеграционных принципах, а новый союз станет эффективным связующим звеном между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом (АТР).

Краткосрочная перспектива достижения уровня политической интеграции на постсоветском пространстве остается туманной. Острый политический кризис на Украине в ближайшем будущем не позволит второй крупнейшей постсоветской стране участвовать в данном интеграционном проекте на экономическом, и особенно, на политическом уровнях.

Представители классической школы исследований интеграционных процессов выделяют ряд основополагающих предпосылок успешной региональной интеграции²: развитая рыночная экономика и сходность уровней экономического развития стран-участниц; полицентричная структура; географическая близость; политическая воля руководства стран; общая культура и история; необходимость обеспечения обороны и безопасности.

Анализ интеграционных и дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве показывает, что среди ключевых предпосылок интеграции Содружества Независимых Государств можно выделить: географическую близость стран, общую культуру и историю, плотную исторически сложившуюся «ткань взаимоотношений» в различных сферах и формах. В том числе среди факторов, подталкивающих интеграционное развитие в СНГ - общемировые интеграционные тенденции усиления процессов регионализации.

Содружество имеет и некоторые дезинтеграционные черты, которые в свое время препятствовали активизации интеграционных процессов.

Основными из них являются отсутствие политической воли в странах-

1. Концепция внешней политики Российской Федерации. 12 февраля 2013 года

2. См. Пивовар Е. И. Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. СПб. 2009. С. 6. Буторина О.В. Европейская интеграция: учебник. М. 2011. С. 25

участницах выводить интеграционные процессы на более высокий, политический уровень, различие в уровнях экономического развития, центробежные тенденции, подогреваемые стремлениями национальных элит. Отношение национальных элит к интеграционным и дезинтеграционным процессам заслуживает особого внимания, поскольку «элиты стремятся удовлетворять свои амбиции. В любом случае, именно воля элит часто является определяющей в выборе той или иной стратегии развития»¹. Власть должна влиять на настроения групп и формировать информационную картину в пользу интеграции.

В данном контексте Евразийский экономический союз выглядит несколько иначе, нежели СНГ, он также имеет множество предпосылок для интеграции, но в то же время обладает экономической направленностью, что отличает его от Содружества принцип функциональной интеграции, в свое время использованный Европейским союзом. С точки зрения классиков функционализма², главной предпосылкой политической интеграции является международное сотрудничество, основанное на расширении неполитического сотрудничества и реализации экономических задач, соответствующих интересам участников. Основоположник неофункционализма, Э. Хаас, отмечал важную взаимосвязь экономики и социальных связей: «прагматические интересы и ожидание экономической выгоды «эфемерны», если не подкрепляются глубокими идеологическими и культурными соображениями»³. Этот подход руководители трех стран взяли на вооружения с целью построения экономической интеграции с мощной социальной поддержкой, что может послужить крепкой основой будущей политической интеграции.

Выбранный прагматичный путь поэтапного становление интеграции на пути к Евразийскому союзу может принести значительную выгоду всем странам и помочь элиминировать организации с дублирующими функциями, при этом, вероятно, что СНГ будет социально-гуманитарным, культурно-цивилизационным базисом интеграции на постсоветском пространстве. В статье, посвященной ЕЭП, В.В. Путин в очередной раз выступил против утверждения, что проект СНГ как интеграционного объединения не реализовал себя: «По большому счету была найдена та модель, которая помогла сберечь мириады цивилизационных, духовных нитей, объединяющих наши народы»⁴. Существует вероятность, что в долгосрочной перспективе многие страны пространства СНГ и Центральной Азии могут «влииться» в конструкт будущего Евразийского союза. Однако это вопрос грядущих десятилетий.

1. Пивовар Е. И. Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. СПб. С. 21.

2. См.: Mitrany D.A. Working Peace System. An Argument for the Functional Development of International Organization. 4th ed. L, 1946.

3. Теория международных отношений: Хрестоматия. П.А. Цыганкова. М. 2002. С. 319.

4. В.В. Путин. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня

Шарко М.В.,

государственный советник Российской Федерации 3 класса, доцент Факультета национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службе при Президенте РФ, кандидат политических наук

Россия и Япония в аспекте актуальных тенденций в АТР

В настоящее время трудно поспорить с тем, что Азиатско-Тихоокеанский регион является одним из наиболее перспективных в геоэкономическом отношении районов мира. В эпоху ускоряющейся динамики развивающихся и вновь формирующихся экономик, концентрирующихся в АТР и вокруг него, и низких темпов западных стран именно здесь происходят едва ли не все главные события мировой политики и экономики, либо, по крайней мере, так или иначе геополитически экстраполируются в восточноазиатскую и в целом евразийскую часть АТР. Например, на фоне украинского кризиса, развертывающегося при поощрении и поддержке ЕС и НАТО вдоль западных границ России, США торопятся воспользоваться факторами геополитической уязвимости региона вдоль дальневосточных российских границ, о чем свидетельствует азиатское турне Барака Обамы, прошедшее с 23 по 29 апреля 2014 года. В самый разгар американской истерии по поводу возвращения Крыма в состав России Барак Обама посещает именно те восточноазиатские страны (Япония, Южная Корея, Малайзия и Филиппины), которые имеют территориальные претензии либо к России, либо к Китаю. Хотя визит американского президента, в частности, в Токио планировался еще осенью. Однако при анализе итоговых японо-американских документов, подписанных во время весеннего визита, трудно избавиться от впечатления, что по своему содержанию они несут на себе отпечаток текущих событий, вызванных обострением ситуации на Украине.

АТР может оказаться одним из самых динамичных регионов планеты в геополитическом отношении в нынешних условиях и особенно в будущем. Это условия трансформации современного миропорядка, когда вся американская стратегия нацелена на поддержание глобального доминирования единственной сверхдержавы в лице США всеми способами, включая средства экономической блокады, военных угроз вплоть до прямого использования силы. Цель подобных мер в отношении неугодных Америке оппонентов (Северная Корея, Ирак, Ливия, Сирия, в настоящее время Россия и снова Ирак и т.д.) состоит либо в их глобальной изоляции всеобъемлющего характера, либо в безоговорочном подчинении вплоть до их полного уничтожения.

Однако мирное вхождение Крыма в состав России доказало несостоятельность попыток США единолично управлять геополитической динамикой

современного мира. Надвигающиеся изменения на Корейском полуострове, а также постепенно вызревающие интеграционные процессы разрешения тайваньского вопроса уже сами по себе могут существенно преобразить геополитический ландшафт региона, более четко обозначив геостратегическое лидерство АТР. Неслучайно точкой приложения своих глобальных усилий США в намеченной стратегии возвращения в Азию выбирают АТР как следствие вывода американского воинского контингента и сил НАТО из Афганистана.

Вместе с тем в регионе под воздействием внешних вызовов, в том числе и провоцируемых Западом во главе с США, формируются новые тренды, фундаментальные для неоднозначных перспектив развития стратегической ситуации в Восточной Азии. Украинский кризис самым непредсказуемым образом проецируется на ситуацию в Восточной Азии, приобретая неожиданную актуальность исключительно для всех геополитических игроков в этом регионе. При этом у разных игроков могут ассоциироваться как новые исторические аналогии (например, Крым – Тайвань в качестве торжества исторической справедливости по воссоединению разделенных народов) и неоднозначные параллели, скажем, времен «холодной войны» («Китай – США» вместо «СССР – США»), так и возрождаться на более высоком, а, следовательно, более изощренном и непредсказуемом уровне стереотипные способы действий американской гегемонии.

Совместное японо-американское заявление

Ни для кого ни секрет, что именно Восточная Азия, где пульсируют жизненно важные интересы Японии, России, Китая и других стран, в немалой степени подвержена влиянию крупных мировых держав, играющих на противоречиях и несогласованности восточноазиатских государств. На наш взгляд, суть новой геополитической интриги США в Восточной Азии наиболее полно отражает совместное японо-американское заявление под символическим названием «Соединенные Штаты и Япония: Формирование будущего Азиатско-Тихоокеанского региона и за его пределами» [1]. Как известно, Барак Обама и Синдзо Абэ подписали этот документ 25 апреля 2014 года.

Исходя из этого совместного документа, особую роль в новых геополитических условиях США отводят восточноазиатской стратегии, в основе которой заложена новая конфигурация скоординированных стратегических отношений между восточноазиатскими странами. В сложной архитектуре американской геополитической гегемонии определены глобальные соперники – в первую очередь Россия, затем Китай. На новом уровне отношений в японо-американском альянсе уточняются также и глобальные союзники, ключевым из которых традиционно является Япония как прочная основа военно-политического присутствия США в АТР. Под новым уровнем отношений подра-

зумеваются не проблема выравнивания так называемых «весовых категорий» участников японо-американского альянса, а проблема повышения роли и статуса альянса в новой глобальной расстановке сил. Помимо координации в двустороннем японо-американском альянсе провозглашается необходимость «расширения трехсторонней координации» [2] посредством тщательно сбалансированных стратегических треугольников таких, как США – Япония – Республика Корея; США – Япония – Австралия и США – Япония – Индия.

Кроме этого США и Япония, как «морские державы с глобальными и торговыми связями, от которых зависит сохранение морского порядка» [3], будут продолжать двустороннюю координацию по сотрудничеству и безопасности со странами, входящими в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Особое внимание, как разъясняет содержание вышеназванного японо-американского заявления Синдзо Абэ спустя месяц, а именно 30 мая 2014 г., в своей речи на Конференции по безопасности в Азии [4], будет уделено так называемым «морским странам» Восточной Азии, «придерживаясь принципов международного права» [5]. Прежде всего это Филиппины, с которыми Б. Обама договорился подписать новый союзнический договор, а С. Абэ предоставить десять новых патрульных судов на безвозмездной основе, затем Индонезия, которой Япония предоставит три новых патрульных суда, далее Вьетнам, которому пока выясняется, сколько подобных судов необходимо предоставить, а также Сингапур, как государство, которое круглосуточно находится в состоянии боевой готовности по причине морского пиратства. В этой же речи С. Абэ подчеркнул тот факт, что «недавно Япония сформулировала новые принципы, определяющие случаи, в которых вооружения, военная техника и технологии могут быть переданы другим странам. Теперь мы можем отправлять из Японии самую совершенную военную технику, например, для спасательных работ, транспортировки, бдительного обнаружения опасных участков и разминирования. Это возможно в случаях особого контроля» [6]. Ранее С. Абэ говорил, что подобный контроль Японии могут обеспечить США.

Следовательно, согласно последнему японо-американскому заявлению, посредством новой геостратегической конфигурации в расстановке международных сил через тесный альянс с Японией США планируют контролировать будущее не только АТР, но и геополитическое пространство, далеко выходящее за его пределы.

Если остановиться поподробнее на этом заявлении, то можно отметить следующие моменты. Во-первых, данное заявление – это официальное обращение двух давних стратегических партнеров, США и Японии, к международному сообществу, которые на основе общего видения правил международного порядка полны решимости высказать совместную позицию на будущее

АТР и будущее за его пределами. При этом США и Япония подчеркивают «необходимость скоординированных действий по отстаиванию региональных и глобальных правил и норм» [7], которые нарушаются отдельными государствами. В отношении России, в частности, говорится, что «Соединенные Штаты и Япония совместно с партнерами из «Группы семи» осудили Россию за ее незаконную попытку аннексировать Крым и намерены применить дальнейшие меры в отношении России за ее неправильное поведение, призывая Россию к деэскалации напряженности на Украине» [8].

Во-вторых, именно в АТР, здесь и сейчас, как полагает Б. Обама, пришла пора по-новому актуализировать старые, замороженные ранее тенденции в качестве целого ряда нерешенных вопросов. В частности, взаимные территориальные претензии восточноазиатских стран друг к другу (Японии к России и Южной Корее; Китая к Японии; Южной Кореи, Малайзии, Филиппин и даже Индии и других к Китаю и т.д.), которые при посредничестве США легко можно превратить в новые очаги напряженности. Отнюдь не альтруистично, а в обмен на японские санкции против России нынешний американский президент обещает недвусмысленную поддержку Японии в длительном территориальном японо-китайском споре по вопросу принадлежности островов Сэнкаку (по-китайски – Дяоюй), что также зафиксировано в этом заявлении и широко обсуждается в японских СМИ. В этом документе отмечается, что «Соединенные Штаты разместили свои самые передовые военные активы в Японии и предоставляют все необходимое для выполнения своих обязательств в рамках американо-японского Договора о взаимном сотрудничестве и безопасности. Эти обязательства распространяются на все территории, находящиеся под управлением Японии, в том числе острова Сэнкаку. В этом контексте Соединенные Штаты выступают против любых односторонних действий, направленных на подрыв территориальной целостности Японии, связанный с островами Сэнкаку» [9]. Как следует из контекста совместного заявления, речь может идти о военном характере подобной поддержки Японии со стороны США против возможных односторонних действий Китая как в отношении Сэнкаку, так и попыток утверждать китайские требования в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. К тому же подобные обещания США подкреплены ранее двумя эсминцами, переданными японским силам самообороны от американского союзника. Жесткость нынешнего выпада США против Китая объясняется не только желанием Вашингтона вместе с Японией, так сказать, «приструнить» Китай в его солидарности к России, но и сдержать его непредсказуемые действия в отношении Тайваня, возвращение которого для китайцев расценивается как завершение великой идеи объединения родины, а для Америки станет серьезнейшим геостратегическим вызовом.

Таким образом, тактика США в отношении Японии состоит в том, чтобы вначале настроить своего японского союзника против Китая, а также против России, а затем заставить Японию отстаивать свои интересы в территориальных спорах военными усилиями. Тем самым, по мнению Вашингтона, Япония сможет удовлетворить свои растущие политические амбиции, и этого будет для нее вполне достаточно. Мобильность и прагматизм американской тактики в отношении Японии проявляется в учете факторов смены японской власти: уход демократического правительства и возвращение после трехлетнего перерыва либерально-демократического правления, главными внешнеполитическими ориентирами которого были и остаются отношения с США. Кроме этого приход к власти С. Абэ рассматривается Америкой в качестве нового поколения руководителей Японии, которые будут более решительно отстаивать национальные интересы своей страны, поскольку настроены на результат. Согласно первому официальному документу, определяющему политику кабинета С. Абэ, Япония взяла курс на «возрождение внешней политики и политики безопасности посредством укрепления надежного японо-американского альянса и осуществления активной дипломатии, способной защитить национальные интересы» [10]. Именно национальные интересы Японии в настоящее время неотделимы от геополитических потребностей государства, связанных напрямую с территориальными вопросами. Соединенными Штатами учитывается и то, что сам С. Абэ, известный своей жесткой позицией к соседним странам, в частности, к Китаю, особенно по вопросу островов Сэнкаку, является сторонником новой японской геополитики. С точки зрения канонических парадигм теории американской школы политического реализма, сползание в сторону активных геополитических тенденций подпитывается геостратегическим мышлением, в котором выделяются военные аспекты возможностей и перспектив политики в территориальных вопросах. Поэтому в Восточной Азии, где существуют общеизвестные территориальные споры между государствами и более того, могут интерпретироваться властными элитами в виде защиты национальных интересов, новые геополитические вызовы вполне вероятны, что составляет едва ли не главную стратегическую угрозу безопасности для всего АТР. Однако при этом США по привычке не учитывают новых тенденций, которые начинают вызревать в японской внешней политике, о чем речь пойдет ниже.

В-третьих, Вашингтон полагает, что посредством перестройки в конфигурации стратегических отношений между восточноазиатскими странами Америка сможет справиться со своими глобальными задачами в новой геополитической ситуации. Однако эта ситуация стала особенно отчетливо меняться, причем самым кардинальным образом прямо на глазах всего международного

сообщества во многом по причине следствий украинского фактора. Ни западные геополитики, ни российские руководители, ни сами представители украинской власти не могли даже предположить, что именно украинский фактор окажется тем спусковым крючком, который изменит геополитическую расстановку сил в евразийской части АТР через вхождение Крыма в состав России, а, следовательно, и в мире в целом.

Однако стратегическая цель США, несмотря на факторы, указывающие на изменение в глобальной расстановке сил, остается прежней – развязать тугой узел противоречий в АТР. Но если совсем недавно стратегическая игра США в регионе была основана на запущенном уже процессе гонки вооружений за счет усиления международной конкуренции в военно-технологических сегментах глобальной экономики, приносящих баснословные доходы как самой Америке, так и ее западным партнерам. Суть американской тактики состояла в незаметном смещении акцентов с расширяющего экономического сотрудничества стран Восточной Азии в военную сферу. То теперь, тайная цель геополитических маневров США, согласно вышеназванному заявлению, помимо вышеназванного создать как можно скорее новый виток напряженности в Восточной Азии, актуализирующий старые территориальные споры как можно большего числа восточноазиатских стран друг к другу. Новая стратегическая игра состоит в том, что называется сыграть на противоречиях, разжигая соперничество в военной области и территориальные раздоры между соседними странами: Россией и Японией, Японией и Китаем, Китаем и Тайванем, обеими Кореями, по возможности подключить Монголию, тяготеющую к России, а в последнее время к Китаю, а далее – отдельные страны Юго-Восточной и Южной Азии.

Ничего гипотетического, с одной стороны, в подобной стратегической игре США в АТР нет. Напротив, как показывает международная практика и реальная политика двойных стандартов Запада, именно в тех или иных стратегических играх США, не считающихся с последствиями своих действий, и заключается вся суть американской глобальной гегемонии, управляющей демократией во всех регионах и континентах мира.

Однако, с другой стороны, в АТР все больше утверждается новая тенденция, в отличие от ситуации в Западной Европе. Вашингтон в Восточной Азии, несмотря на отдельные прорывы, например, в перспективе с Филиппинами, испытывает трудности с заключением новых союзнических двусторонних договоров, а тем более новых стратегических многосторонних альянсов, направленных на сдерживание Китая, КНДР, России и других потенциальных американских соперников. Так, Барак Обама не удается устранить проблемы в отношениях между Японией и Республикой Корея исторического, договорного,

территориального и иного характера как ближайших американских союзников. Потенциальных союзников Америки в Восточной Азии отпугивает ее готовность то и дело прибегать к силовой угрозе по каждому поводу. Главная причина новой тенденции в АТР в том, что США становится все труднее убедить восточноазиатские страны в угрозе, исходящей из Китая, либо России, поскольку вектор восточноазиатской геополитики задают процессы экономической интеграции. Поэтому конъюнктурные факторы не столько политического, сколько экономического характера начинают играть все большую, если не сказать определяющую роль в стратегии отношений стран в Восточной Азии.

Стратегия отношений и конъюнктура

В контексте новых тенденций в японской внешней политике речь может идти о том, что Япония намерена реализовать качественно новую стратегию отношений с Россией. Первые попытки по налаживанию более или менее нормальных отношений с Россией надеялся предпринять еще Юкио Хатояма как лидер Демократической партии Японии, пришедшей в сентябре 2009 года на смену правящей в течение более полувека Либерально-демократической партии. Однако уже в первые месяцы правления его преемника и соратника по партии Наото Кана российско-японские отношения осложнились по причине японских территориальных претензий, что привело к временному отзыву японского посла из России. Отсутствием четко выверенной стратегии Японии в отношении России возмутились даже представители японского бизнеса. Как стало известно, глава бизнес-объединения «Кэйдзай доюкай» Сакураи Масамицу упрекнул в осложнении отношений с Россией правительство Н. Кана и призвал найти правильный способ действий: «В нашей стране, особенно при нынешней администрации, недостаточно развита дипломатическая стратегия, иначе говоря, очень скудна. Японо-российские отношения – это отношения энерго-сырьевые. В экономических отношениях, в частных отношениях наши интересы тесно переплетены. Япония должна четко заявлять свою позицию, но при этом учитывать, что отношения двух больших стран распространяются и на экономику, и найти какой-то правильный способ действий» [11]. Общеизвестно, что новый импульс российско-японским отношениям придал визит нынешнего премьер-министра С. Абэ в Москву в апреле 2013 года по приглашению президента В.В. Путина.

В настоящее время Япония взяла курс на диалог с Россией. Насколько устойчивой станет развиваться именно тенденция продолжения стратегического диалога в российско-японских отношениях, зависит от влияния многих сопряженных между собой факторов. Главными факторами все-таки являются китайский и американский.

Если проанализировать важнейшие международные события в контексте

влияния конъюнктурных факторов на стратегию отношений Японии к России, то самым действенным являются не американские планы по формированию будущего АТР посредством актуализации японо-американского альянса, а газовый российско-китайский мегаконтракт. По всей видимости, именно конъюнктурными соображениями подкреплены, во-первых, предложения японских парламентариев по ускоренному строительству газопровода из России в Японию, который соединит юг Сахалина с островом Хоккайдо. Синдзо Абэ намерен обсудит газовый проект с В.В. Путиным уже этой осенью во время визита российского президента в Токио.

Японские политики начинают осознавать и фактор времени. Действительно, Японии следует срочно находить нужные для бизнеса способы взаимодействия с Россией, поскольку диверсификация маршрутов доставки энерго-ресурсов становится все более актуальной проблемой для всех участников мирового рынка. В этом плане Европе необходимо думать не о санкциях в отношении России, а о стабильности газовых поставок. Отмечая фактор времени, можно сказать следующее: Япония явно запаздывает в своем настрое на отношения с Россией по сравнению с вырывающимся вперед Китаем, а также с Южной Кореей, которая уже перешла на безвизовый режим с Россией, и даже по сравнению с Северной Кореей, которая совсем недавно вошла в рублевую зону после списания части ее долгов Россией. Япония запаздывает не на месяцы, как это может показаться на первый взгляд, и даже не на годы, а на целое десятилетие. Ведь о трубопроводе по дну Тихого океана и импорте российского газа уже заходили речь представители японского бизнеса еще в начале первого десятилетия нового века.

Во-вторых, под влиянием конъюнктурного китайского фактора Япония испытывает беспокойство по поводу баланса сил в регионе. Судя по мнению известного политолога Кадзухико Того, распространенного в российских СМИ, Япония отводит ведущую роль России в региональном балансе сил на Евразийском континенте.

Попробуем аналитически прокомментировать размышления К. Того, ныне директора НИИ мировых проблем при Институте промышленности в Киото, а в прошлом японского дипломата, поскольку его точка зрения во многом соответствует официальной позиции нынешнего японского правительства. Важно и то, что его позиция наиболее симптоматично подтверждает тенденцию о том, что Япония меняет свое отношение к России, переосмысливая при этом и свое отношение к Западу. Кадзухико Того называет две причины, препятствующие Японии в ее разговоре с Россией – Запад и территориальный вопрос. Запад мешает Японии разговаривать с русскими. Об этом К. Того прямо, совсем не по-японски, говорит США и европейским странам, входящим

в «Группу семи», следующее: «Вы делайте, как вы считаете нужным, но у нас есть свой диалог с Россией, и мы будем его продвигать. Не смейте запрещать нам говорить с русскими!» [12]. Иными словами, японцам следует различать проблемы Японии, и проблемы Запада. Главный упрек К. Того Западу состоит в том, что европейские страны, притесняя Россию, не учитывают глобальную расстановку сил. Он прогнозирует неблагоприятные геополитические последствия санкций против России и для Японии, и для Запада, говоря о том, что на Евразийском континенте может возникнуть ось Китай – Россия. К тому же Китай все активнее стремится создать новый мировой порядок с центром в Пекине, который станет общемировым.

Территориальный вопрос, по его мнению, тоже мешает Японии. Кадзухико Того предлагает территориальный вопрос передвинуть на задний план, поставив его в арьергард, то есть позади диалога с Россией. Дословно японский эксперт говорит следующее: «Территориальный вопрос должен возникнуть уже в конце. Его решение должно быть результатом, а не целью. Действительную ценность для Японии представляет возможность вести всесторонний диалог с Россией по всем вопросам современного мира» [13]. Однако в Японии есть и те, кто призывает к скорейшему и безальтернативному разрешению территориального вопроса с Россией.

Подводя итог вышесказанному, важно отметить, что Япония настраивается на долгосрочные отношения с Россией. Именно российский рынок, полный огромных технологических, инвестиционных, энергетических, технологическо-космических, инфраструктурных и иных возможностей, в полной мере отвечает потребностям возрождения японской экономики, которой пришлось пережить целых три финансово-экономических кризиса, в отличие от Запада. Именно российский рынок, как никакой другой, способен предоставить японской экономике самый широкий спектр услуг от обеспечения ее энергетической, природно-ресурсной безопасности до расширения японского геоэкономического пространства на интеграционные просторы Евразийского континента, о чем Япония мечтала еще на заре своего государственного развития и своего раннего восхождения на мировую арену в начале первого века нашей эры.

Однако время не ждет. Условия международной конкуренции ужесточаются. В динамичной игре рыночных и геополитических сил в АТР и мире в целом ставки растут. России и Японии предстоит сделать свой стратегический выбор, задающий комплексные параметры совместного развития на десятилетия вперед.

Примечание

1 U.S.-Japan Joint Statement: The United States and Japan: Shaping the Future of the Asia-Pacific and Beyond. April 25, 2014. – http://www.mofa.go.jp/na/na1/us/page24e_000045.html

2 Там же.

3 Там же.

4 Конференция по безопасности в Азии – это военно-политический форум, организованный Международным институтом стратегических исследований (Великобритания), проводится ежегодно в Сингапуре, начиная с 2002 года. Неофициальное наименование этого форума – Диалог Шангри-Ла, по названию сингапурской гостиницы. В его работе принимают участие главы оборонных ведомств на уровне министров обороны двадцати восьми стран мира.

5 Abe Shinzo. The 13th IISS Asian Security Summit - The Shangri-La Dialogue- Keynote Address by Shinzo ABE, Prime Minister, Japan. “Peace and prosperity in Asia, forevermore Japan for the rule of law Asia for the rule of law and the rule of law for all of us”. May 30, 2014. – http://www.mofa.go.jp/fp/nsp/page4e_000086.html

6 Там же.

7 U.S.-Japan Joint Statement: The United States and Japan: Shaping the Future of the Asia-Pacific and Beyond. April 25, 2014. – http://www.mofa.go.jp/na/na1/us/page24e_000045.html

8 Там же.

9 Там же.

10 Basic Policy. Cabinet Decision. December 26, 2012. – http://japan.kantei.go.jp/96_abe/decisions/2012/1226kihonhousin_e.html

11 Масамицу Сакураи. Интервью главы бизнес-объединения «Кэйдзай доюкай». Японии нужно найти более успешный способ взаимодействия с РФ. Токио. 2 ноября 2010. – <http://ria.ru/economy/20101102/291787489.html>

12 Кадзухико Того: Япония должна объяснить Западу позицию России по Крыму. 19.06.2014. – <http://ria.ru/world/20140619/1012641555.html>

13 Там же.

Терновая Л.О.,

доктор исторических наук, профессор МАДИ

(Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет)

Проявление сезонных отличий в международных отношениях

Понятие «сезон» (фр. *saison*) происходит от латинского *satio* - сеяние; время сева. Такой подход полностью отражал логику развертывания жизненного цикла аграрной цивилизации, в которой от успехов сева зависела выживаемость социума. Оттуда это понятие перешло на характеристику, во-первых, времен года - весны, лета, осени и зима, и, во-вторых, начала года именно с весны, весеннего пробуждения природы, а также обновления многих социальных процессов.

Весеннее представление о начале социального пробуждения может быть перенесено на старт многих резких, революционных изменений в общественно-политической жизни отдельных государств и регионов, оказавших влияние на состояние международных отношений. Первыми в подобной идентификации отметились европейские революции 1848-1849 гг. «Весна народов». Тогда политическая активность людей диктовалась антифеодальными и национально-освободительными потребностями, а поведение выражалось в массовом неповиновении властям, вооруженных восстаниях, провозглашении новых государств на основе объединения разрозненных территорий (Германия, Италия) или, наоборот, выделения пространств с компактно проживающим населением иной национальности из существовавших государств (Венгрия). Подъем политической активности в Европе начался после выступления 12 января 1848 г. на Сицилии и революции во Франции. Подъем политической активности начался после выступления 12 января 1848 г. на Сицилии и старта революции во Франции, когда 24 февраля отрекся от престола некогда либеральный король Луи-Филипп I и была провозглашена Вторая республика. Несмотря на то, что эти всплески протеста оказались быстро подавленными, они повлияли на рост волнений в других местах: в Италии охватили Сардинию, Неаполь; в германских государствах; в Австрии, где активизировались национальные движения итальянцев, венгров и хорватов; в Румынии. Накануне и во время этого процесса сопротивления установленным порядкам в европейских странах возникали движения, своим названием стремящиеся показать молодость, а потому и освежающую силу таких протестов. В 1831 г. появляется созданная Дж. Мадзини итальянская революционная под-

польная организация «Молодая Италия» (итал. Giovane Italia). Затем появляются «Молодая Ирландия», «Молодая Германия», «Молодая Польша» и др. Вынесение возрастной характеристики в название этих движений отражало как демографическую черту их участников, так и присущие им новые проходы к социальному устройству.

Поэтому логичным стало считать «Пражской весной» (чеш. Pražské jaro, словацк. Pražská jar) период политической и культурной либерализации в Чехословакии. Он длился с 5 января 1968 г., когда Александр Дубчек был избран первым секретарем Коммунистической партии Чехословакии, до 21 августа. Тогда началась операция «Дунай» по вводу войск Советского Союза и других членов Варшавского Договора (кроме Румынии) в страну для подавления реформ. В событиях «Пражской весны» самое активное участие приняла молодежь, прежде всего, студенческая. Несмотря на краткий период, Пражская весна повлияла соотношение сил внутри левого движения в мире¹. Не менее значительным было ее отражение в художественной литературе и музыке, в произведениях Вацлава Гавела, Карела Гуса, Карела Криля. В романе Милана Кундеры «Невыносимая легкость бытия» действие происходит в Праге в 1968 г. Согласно Кундере, бытие полно невыносимой легкости, потому что каждый человек живет всего один раз: «Einmal ist Keinmal» (нем. единожды - все равно, что никогда, то есть «то, что произошло однажды, могло совсем не происходить», «один раз не считается»). Значит, каждая жизнь несет в себе таинственную случайность, каждое наше действие не может полностью предопределить наше будущее. Любой выбор не отягощен последствиями, а потому не важен. В то же время наши действия становятся невыносимыми, если задумываться об их последствиях постоянно, потому жизнь можно охарактеризовать как «Невыносимую легкость бытия»².

И уже не удивительно, что волна демонстраций и путчей, начавшихся в арабском мире 18 декабря 2010 г., стала называться «Арабской весной». Перевоороты произошли в Тунисе, Египте, Йемене. Гражданские войны охватили Ливию, где был свергнут режим Муаммара Каддафи, и Сирии, где продолжается противостояние власти и оппозиции, несмотря на первые демократические президентские выборы. Арабская весна включила гражданское восстание в Бахрейне, массовые протесты в Алжире, Ираке, Иордании, Марокко, Омане. Волнениями оказались охвачены Кувейт, Ливан, Мавритания, Саудовская Аравия, Судан, Джибути и Западная Сахара. В мае 2011 г. на границе Из-

1. Браунталь Ю. Антиавторитарные движения в Центральной Европе, 50-60-е годы // Советское славяноведение. 1990. № 3.

2. Кундера М. Невыносимая легкость бытия / Пер. Н. Шульгина. М., 2013.

раила местной «Арабской весной» также были вдохновлены столкновения.

И еще через три года на Украине появились признаки «Русской весны». Этот термин по отношению к пророссийским акциям протеста одним из первых предложил и употребил политолог и публицист Егор Холмогоров в своем живом журнале 24 февраля 2014 г., а затем в одноименной статье о протестах на Юго-Востоке Украины¹. 26 февраля лозунг «Русская весна» скандировали демонстранты в Харькове. 1 марта байкеры из клуба «Ночные Волки» использовали это название для автопробега по восточным районам Украины. Лидер этого байк-клуба, президент Российской ассоциации байкеров «Хирург» (Александр Залдостанов) отметил, что «Русская весна» последовала за попыткой сделать на Украине «Арабскую весну».

Считается, что летом в отличие от бурной весенней общественной жизни наблюдается политическое затишье. Наверное, наблюдение, что лето проходит в социальном протестном плане незаметно, относится к давнему времени. Причем лето могло «исчезнуть» не только по политическим, но и по метеорологическим ощущениям. Так, 1816 г. получил прозвище Год без лета. Тогда в Западной Европе и Северной Америке царила необычайно холодная погода. В США тот год прозвали *Eighteen hundred and frozen to death*, то есть «тысяча восемьсот насмерть замерзших». В 1920 г. американский исследователь климата Уильям Хамфрейс связал изменение климата с извержением вулкана Тамбора на индонезийском острове Сумбава, стоившим жизни более 70 тысяч человек. Это является самым большим числом погибших от извержения вулкана за всю историю человечества. Извержение Тамбора, произошедшее в апреле 1815 г., насчитывало семь баллов по Шкале вулканических извержений (VEI), а массивный выброс пепла в атмосферу, составлявший 150 км³, вызвал эффект вулканической зимы в северном полушарии, который ощущался на протяжении нескольких лет. Для распространения пепла по земной атмосфере потребовалось несколько месяцев. В июне и июле 1816 г. в Америке каждую ночь был мороз, наблюдались обильные снегопады. Германию терзали сильные бури, многие реки, в том числе и Рейн, вышли из берегов. Необычный холод привел к катастрофическому неурожаю. Весной 1817 г. цены на зерно выросли в десять раз, а среди населения разразился голод. Резко возросла эмиграция европейцев, страдавших от разрушений Наполеоновских войн, в Америку.

Как и любой ярко выраженный политический и метеорологический феномен, 1816 г. повлиял на мировую культуру. Английская писательница Мэри Шелли проводила лето с друзьями на вилле у Женевского озера. Из-за чрез-

1. Холмогоров Е.С. Русская весна // Русский обозреватель. 2014. 25 февраля.

вычайно плохой погоды, отдыхающие часто не могли покинуть дом. Поэтому решили, что каждый напишет по страшной истории, которую потом будут друг другу читать. Шелли написала роман «Франкенштейн, или Современный Прометей» (англ. *Frankenstein: or, The Modern Prometheus*). Специалисты считают его родоначальником научно-фантастической художественной литературы. Врач лорда Байрона Джон Полидори написал повесть «Вампир» (англ. *Vampyr*) - первую историю о вампирах, задолго до появления романа Брэма Стокера «Дракула».

Выпадение лета из политического цикла компенсируется тем, что в этот сезон набирают силу культурные мероприятия и общественные движения, акции которых часто напоминают не политическую демонстрацию, а спектакль. Возможно, начало такому восприятию было положено летом 1967 г., известным как «Лето любви» (англ. *The Summer of Love*). Тогда в Сан-Франциско съехались представители хиппи, чтобы праздновать летние ощущения любви и свободы, создавая тем самым уникальный феномен культурного, социального и политического бунта. Хиппи объединялись в таком порыве и в Нью-Йорке, Атланте, Лос-Анджелесе, Филадельфии, Сиэтле, Портленде, Вашингтоне (округ Колумбия), Чикаго, Монреале, Торонто, Ванкувере, а также в европейских городах. Но именно Сан-Франциско стал центром революции хиппи. В течение «Лета любви» около ста тысяч человек со всего мира собрались в районе Сан-Франциско Хайт-Эшбери, а также в Беркли и других городах Области залива Сан-Франциско (англ. *San Francisco Bay Area*). Бесплатная еда, бесплатные наркотики и свободная любовь были доступны в парке «Золотые ворота». Бесплатная клиника Дэвида Смита, продолжающая свою работу по сей день, открылась для оказания медицинских услуг. Бесплатные магазины обеспечивали все возрастающее число хиппи одеждой и товарами первой необходимости. Лето любви объединило множество людей самых разных возрастов и профессий¹. 6 октября 1967 г. «Лето любви» «официально» завершилось церемонией *The Death of the Hippie*. Однако это же лето 1967 г. стало в США одним из сильнейших всплесков городского насилия, связанного, как правило, с расовой дискриминацией и последовавшими за этим столкновениями. Эту сторону лета 1967 г. часто англ. называют «Долгим жарким летом» (в *The Long, Hot Summer*).

Несмотря на то, что лето предполагает наличие отпуска у политиков и государственных деятелей, под закрытие политического сезона проходят знаковые международные встречи. Можно вспомнить итоговые заседания по проблемам разрядки международной напряженности, завершившиеся 1 августа. Стоун С. Хиппи от А до Я. Секс, наркотики, музыка и влияние на общество с шестидесятых до наших дней. Красноярск, 1999.

густа 1975 г. подписанием Хельсинкского акта и созданием Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), а также серию мероприятий, включающих саммиты и встречи на их полях в рамках «Группы семи» (ранее «Группы восьми»).

Хотя две мировые войны завершились осенью: Первая - Компьенским перемирием, соглашением о прекращении военных действий, заключенным 11 ноября 1918 г. между Антантой и Германией; Вторая - 2 сентября 1945 г. подписанием Акта о капитуляции Японии на американском линкоре «Миссури», наступление осени обычно не приносит ожидаемого успокоения и умиротворения международного фона. Осень не менее революционно насыщена, чем весна. Согласно взглядам российских историков Сентябрьская революция 1870 г. во Франции свергла Наполеона III и положила начало Третьей республике, но во французской исторической классификации такой термин не используется. 1917 г. отмечен Октябрьской революцией в России, 1918 г. - Ноябрьской революцией в Германии. Но и события 1989 г. в Восточной Европе, известные как «тихие», «бархатные», «осенние» революции. 17 сентября 2011 г. началась широко развернувшаяся акция гражданского протеста в Нью-Йорке «Захвати Уолл-стрит» (англ. Occupy Wall Street), цель участников которой было привлечение общественного внимания к действиям финансовой элиты и призыв к структурным изменениям в экономике.

Понятно, что связанные с осенними социальными акциями опасения просто не могли не подкрепляться представлениями о возможном климатическом региональном катаклизме, возникающем в результате ограниченной ядерной войны. Такое гипотетическое состояние климата было названо «ядерной осенью». Она проявляется в таких негативных экологических последствиях, как выпадение кислотных осадков, заражение почв и локальным эпидемиям лучевой болезни, гибель нескольких урожаев и широколиственных лесов, понижение температуры на 1-2°C. В 1980-х гг. для моделирования эффекта «ядерной осени» брался возможный ядерный конфликт в Европе на базе использования евrorакет¹. В 2000-е гг. подобный эффект начали моделировать для гипотетических ограниченных ядерных конфликтов в Индостане и на Корейском полуострове. Кроме того, эффект «ядерной осени» может возникнуть в результате поражения ядерных объектов одного из государств, например, гипотетической операции США против Ирана или КНДР.

Зима – время спячки в природе. Фактически до начала Первой мировой войны на зимний период прекращались военные действия, войска отводи-

1. Павлов Н.В., Сидоров А.Н. Американские «евrorакеты»: военная угроза и политический шантаж. М., 1984.

лись на зимние квартиры, где они ждали наступления весны для продолжения начатых боевых операций. Страх оказаться беззащитными перед лютыми морозами был так силен, что им объяснялись многие поражения противников в военных кампаниях. В 1812 г. в Англии появляется выражение «Генерал Мороз» (англ. General Frost), когда наполеоновская армия отступала из России, испытывая лишения от наступивших холодов. 1 декабря 1812 г. в Лондоне был выпущен сатирический листок-карикатура под названием «Генерал Мороз, бреющий маленького Бони» (англ. General Frost shaving little Boney). Бони - это уничижительное прозвище Наполеона Бонапарта в Англии. В 1835 г. Денис Давыдов, герой войны с Наполеоном, пишет военно-историческую статью «Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году?», где опровергает мнение о решающем значении зимы в поражении неприятеля в России¹. Но стереотип оказался настолько прочным, что накануне Крымской войны, 10 марта 1853 г., английский юмористический журнал Punch вспомнил это выражение, обратив его уже против Николая I и приписав российскому императору слова: «Россия имеет двух генералов, на которых она может положиться: это генералы Январь и Февраль». Естественно, выражения «генерал Мороз», «генерал Зима» получили широкое хождение во время и после двух мировых войн.

Условность образа Генерала Мороза не заслоняет реальной проблемы охлаждения и заморозки международных отношений. Если брать только период после Второй мировой войны, то можно отметить как примеры «заморозков»: 1961 г. - Берлинский кризис; 1961-1962 гг. - Карибский кризис; 1964-1973 гг. - обострение вьетнамского конфликта; 1967 г. - арабо-израильская Шестидневная война; 1968 г. - «Пражская весна», так и «оттепели»: 1963 г. - СССР, США, Великобритания подписывают в Москве Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в трех сферах – в атмосфере, космосе и под водой; 1968 г. ноябрь - победа на президентских выборах в США Ричарда Никсона, обещавшего смягчения в международных отношениях; 1968 г. июль – Договор о нераспространении ядерного оружия, подписанный СССР, США и Великобританией.

Если «ядерная осень» предполагала региональное покрытие, то «ядерная зима» - это уже глобальное гипотетическое состояние климата Земли в результате широкомасштабной ядерной войны. Оно может наступить из-за выноса в стратосферу большого количества дыма и сажи, вызванного обширными пожарами при взрыве нескольких ядерных боезарядов, температура

1. Давыдов Д.В. Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году? // http://az.lib.ru/d/dawydow_d_w/text_0080.shtml.

на планете повсеместно снизится до арктической в результате существенно-го повышения количества отраженных солнечных лучей. Теория «ядерной зимы» возникла еще в 1980-е гг., но она нашла подтверждение в современном компьютерном моделировании, показавшем, что даже небольшая ядерная война, когда каждая воюющая сторона использует около 50 зарядов, каждый из которых по мощности равен бомбе, взорванной над Хиросимой, даст климатический эффект, сравнимый с малым ледниковым периодом¹. Правда, следует отметить, что у этой теории есть противники, которые указывают на необходимость учитывать разработанные еще в 1960-е гг. контрсилловые сценарии ядерного конфликта. Несмотря на то, что они говорят о допустимости поражения только военных объектов противника, но и бомбежки некоторых индустриальных объектов, например, нефтехранилищ, могут быть источником значительного количества сажи в атмосфере. А это может привести к нежелательным последствиям местного характера. Хиросима загорелась из-за многочисленных кухонных пожаров в поврежденных зданиях, поскольку большинство населения в то время использовало угольные печи; дымы не поднимались выше уровня тропосферы (5-6 км) и сажа вымывалась дождями в течение нескольких дней после этого. Тогда этот феномен получил название «черный дождь». Во время войны в Персидском заливе в 1991 г. температура упала на 4-6°C. Вопреки существовавшим в то время моделям, дымы не поднялись выше 6 км и не проникли в стратосферу. Кроме того, концепция «ядерной зимы» не учитывает парниковый эффект от огромных выбросов углекислого и других парниковых газов вследствие массового применения ядерного оружия, а также то, что в первое время после войны падение температуры от прекращения доступа к солнечному свету будет компенсироваться огромными тепловыми выбросами от пожаров и самих взрывов.

Внимание к сезонным признакам проявлений международных отношений определяется тем, что в этой области так же, как и в природной, важно понимать логику цикличности и ритмичности. Если с глубокого прошлого знание этой ритмики помогало поддерживать жизненный уклад в земледельца, то сейчас осознается проникновение законов, построенных на природных ритмах, и в психику человека, и в организацию его рабочего времени, и в планирование отдыха. В условиях повышенной международной мобильности людей, а также из-за колоссально возросшего объема общения посредством современных информационных технологий, следует учитывать множество территориальных несовпадений восприятия времен года. Самыми известными среди них являются различия между северным и южным полушарием, где лето

1. Badash L. A Nuclear Winter's Tale. Cambridge, 2009.

длится с декабря по февраль, а зима - с июня по август. Разумеется, эти различия учитываются при организации крупных международных мероприятий.

Еще одна важная особенность психологического восприятия времен года состоит в том, что кроме основных сезонов, у разных народов выделялись переходные, промежуточные периоды. Например, в славянской традиции были: пролетье (поздняя весна – раннее лето), молодое бабье лето (конец лета – начало осени), осенины (середина сентября), позимье (обычно октябрь) и др. В американском английском языке впервые сочетание *Indian summer*, аналогичное бабьему лету, упоминается в 1778 г. Вероятно, выражение возникло в тех регионах Америки, которые были населены индейцами, либо именно индейцы впервые описали европейцам это природное явление. Британский вариант бабьего лета - *all Hallows summer* (лето всех Святых) или *St. Luke's summer* (*little summer*) связывают с периодом теплой погоды во время празднования дня Святого Луки (18 октября). В немецкоязычных странах это период называют «летом пожилых женщин» (нем. *Altweibersommer*, дословный перевод «лето старых баб»), в Голландии - «послелетьем». А вот южных широтах, где господствуют субтропики и, в частности, средиземноморский климат, аналогом бабьего лета является бархатный сезон. Правда, в начале XX в. бархатным сезоном называли несколько весенних недель, но уже до Первой мировой войны понятие начало означать осенние месяцы - сентябрь-октябрь¹. Это понятие стало общепринятым в практике мирового туризма, мощные потоки которого направляются в страны умеренного и субтропического климата.

Нельзя не заметить, что всем промежуточным периодам свойственны черты перехода. Политическое межсезонье оказывается временем без установленного порядка вещей. Оно, как правило, наступает в период окончания полномочий одних представителей власти и до начала прихода к управлению новых. Например, в США президент, покидающий этот пост, становится фигурой, от которой мало что зависит - «хромой уткой» (англ. *Lame Duck*). Но выражение это родилось еще в XVIII в. на Лондонской фондовой бирже, что подтверждает закономерность размытых правил как политического, так и экономического поведения в переходные периоды.

Состояние любого социального, политического или экономического транзита, как правило, сложно детерминировать и трудно переживается. В международных делах часто именно в такое межсезонье трансформация отношений сторон в их новое качество оказывается под угрозой серьезных испытаний, требующих от участников процесса умения ориентироваться в изменяемых условиях. О том, что такие перемены могут быть иллюзорными или не закре-

1. Русанов И.В. Крым. Путеводитель с мини-разговорником. М., 2006.

питься прочно и надолго, говорит неудавшийся пример с перезагрузкой американо-российских отношений. И вместе с тем, согласно закону цикличности и здесь обязательно наступает другой сезон. Но даже когда приходит весна, в том числе в международную жизнь, нельзя обольщаться, что весна будет вечной.

Литература

1. Браунталь Ю. Антиавторитарные движения в Центральной Европе, 50-60-е годы // Советское славяноведение. 1990. №3.
2. Губанов И.Б. Культурный Ренессанс и широкое общественное движение в Сан-Франциско в 1966-67 гг.: провозглашение рождения «нового народа». СПб.: Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого, 2008.
3. Давыдов Д.В. Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году? // http://az.lib.ru/d/dawydow_d_w/text_0080.shtml.
4. Зимин Н.И. Ни жарко, ни холодно // Итоги. 2013. № 33.
5. Кундера М. Невыносимая легкость бытия / Пер. Н. Шульгина. М.: Азбука, Азбука-Аттику, 2013.
6. Лавренов С.А., Попов И.А. «Пражская весна», 1968 г. // Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М.: Астрель, 2003. С. 289-336.
7. Майоров А.М. Вторжение, Чехословакия, 1968. Свидетельства командарма. — М.: Права человека, 1998.
8. Михайлов И.М. Сойти с ума в октябре // Независимая газета. 2010. 10 июля.
9. Млынарж З. Мороз ударил из Кремля. М.: Республика, 1992.
10. Павлов Н.В., Сидоров А.Н. Американские «евроракеты»: военная угроза и политический шантаж. М.: Издательство Московского университета, 1984.
11. Русанов И.В. Крым. Путеводитель с мини-разговорником. М.: Аякс-Пресс, 2006.
12. Стоун С. Хиппи от А до Я. Секс, наркотики, музыка и влияние на общество с шестидесятых до наших дней. Красноярск: Издательский дом: Нip, 1999.
13. Холмогоров Е.С. Русская весна // Русский обозреватель. 2014. 25 февраля.
14. Шик О. Весеннее возрождение - иллюзии и действительность. М.: Прогресс, 1991.
15. Badash L. A Nuclear Winter's Tale. Cambridge: MIT Press, 2009.

Аннотации

Бессонов Е.Г.,

Информационно-алгоритмическое познание социума как путь выхода из глобализационного кризиса

В статье рассматриваются уровни информационно-алгоритмического познания мира, связанные с возможностью освоения человеком определённой информации. Раскрываются отличительные особенности фактологической, методологической и алгоритмической информации. Определяется необходимость формирования тенденциальной картины мира для постановки целей, направляющих человека и общество к развитию, что способствует к выходу из глобализационного кризиса.

Ключевые слова: информация, алгоритм, картина мира, тенденции, методология, общества

The article considers the levels of information-algorithmic knowledge of the world, associated with the possibility of development of certain information. Reveals the distinctive features of fact, the methodological and algorithmic information. Is determined by the necessity of forming tended picture of the world for setting goals that guide individuals and society to development, which contributes to the exit of the global crisis.

Key words: information, algorithm, picture of the world, trends, methodology, society

Лоло М.М.,

Музей кино в формировании политической культуры

В статье раскрывается роль музеев кино в формировании политической культуры. Показаны особенности функционирования музеев кино в разных странах, отмечен факт совпадения их создания с ростом политического сознания и стремления наиболее активной части граждан к политическому самовыражению. Анализируется судьба российского музея кино.

Ключевые слова: музей, кинематограф, политическая активность, политическая культура, международное сотрудничество.

Cinema Museum in shaping the political culture

This article explores the role of cinema museums in shaping the political culture. Noted the features of the functioning of cinema museums in different countries, the coincidence of their creation with the growth of political consciousness and desire of the most active part of citizens to political expression. Analyzes the fate of the Russian cinema museum.

Keywords: museum, cinema, political activism, political culture, international cooperation.

Грязнова В. Н.,
Байтурина Г.Р.,

Влияние социальных движений на кадровое обеспечение государственной гражданской службы

В статье исследуется проблематика взаимодействия государственной гражданской службы и социальных движений

Ключевые слова: социальные движения, кадровое обеспечение государственной гражданской службы, влияние социальных движений на кадровое обеспечение государственной службы, взаимодействие органов государственной власти и социальных движений

Зорина О.А.,

Кадровое обеспечение как условие реализации кадровой политики в сфере здравоохранения

Статья посвящена исследованию кадрового обеспечения здравоохранения как условия эффективной политики по рациональному использованию, востребованности и развитию кадрового потенциала медицинской отрасли современной России.

Ключевые слова: кадровая политика, кадровое обеспечения здравоохранения, профессиональное развитие медицинского персонала, конкурентоспособность лечебно- профилактических учреждений.

The article is devoted to the study of personnel maintenance of health as a condition of effective policy for the rational use, relevance and development of personnel potential of the medical industry of modern Russia.

Key words: personnel policy, staffing of health, professional development of medical staff, the competitiveness of medical institutions.

Орлова Е.М.

В.М. БЕХТЕРЕВ О СОЦИАЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ МУЗЫКИ

Рассматриваются основные взгляды В.М. Бехтерева на роль музыки в общественной жизни. В понимании В.М. Бехтерева музыка предстает как символ и посредник в общении между людьми и культурами разных времен.

Ключевые слова: музыка, общество, влияние музыки, коллективная рефлексология.

V.M. BEKHTEREV ON SOCIAL MEANING OF MUSIC

We consider the basic V.M. Bekhterev's views on the role of music in different contexts of social life. From the point of V.M. Bekhterev's views music is presented as a symbol and an intermediary in the communication between people and cultures of different times.

Keywords: music, society, the influence of music, collective reflexivity.

Гайтукиева Е.Б.

Повышение активности населения в решении вопросов местной жизни в процессе институционализации местного самоуправления

В статье рассматривается активность населения в решении вопросов местной жизни. Показано, что местное самоуправление как социальный институт по определению должен опираться на волю граждан, всемерно способствовать увеличению политической активности населения. Исследуются проблемы повышения активности населения в решении вопросов местной жизни в процессе институционализации местного самоуправления, определены препятствия на пути совершенствования местного самоуправления, на основе анализа мнений муниципальных служащих в результате недоучёта роли населения в решении проблем муниципальных образований

Ключевые слова: население, муниципальные образования, участие в местном самоуправлении, гражданская активность, институционализации местного самоуправления.

Gaytukieva E.B.,

Increased activity of the population in solving local issues as a mechanism for institutionalizing of local self-government

The article considers the human capacity of municipalities. It's shown that training manager must begin with the early stages of training and education. Reveals the concept of multi-level system of continuous training of municipal management, which can be the basis of establishing a regional program for the formation of managers capable of sustainable community development today and in the future.

Keywords: personnel potential, personnel technologies, municipality, development program of the municipal service.

Веричев Д.К.,

Миротворческая деятельность: основы, особенности и вызовы нового времени

В данной статье рассмотрены основы и принципы проведения миротворческих операций под эгидой Совета Безопасности ООН. Приведены статьи Устава ООН и резолюции Совета Безопасности, являющиеся нормативно-правовой базой для проведения операций по установлению и поддержанию мира. Проанализированы изменения, произошедшие в механизмах проведения подобных операций после того, как НАТО и США взяли на себя роль главных сил по предотвращению и урегулированию конфликтов. Приведены примеры операций, проведенных блоком НАТО за последние два десятилетия. Рассмотрены последствия вооруженного вмешательства во внутренние дела некоторых суверенных государств, осуществленного без санкции Совета Безопасности ООН, либо в обход его резолюций. Дана оценка подобных действий и сделан вывод о необходимости неукоснительного соблюдения устава ООН и решений Совета Безопасности, как наиболее эффективном способе предотвращения и урегулирования конфликтов.

Ключевые слова: Организация Объединенных Наций, Совет Безопасности ООН, миротворчество, миротворческие операции, операции по поддержанию мира, международные отношения, международная безопасность

Verichev D.K.,

PEACEKEEPING: FOUNDATIONS, CHARACTERISTICS AND CHALLENGES OF MODERN AGE

This article examines the foundations and principles of peacekeeping operations under the auspices of the UN Security Council. Articles of the UN Charter and Security Council resolutions, which are the legal basis of operations for the establishment and maintenance of peace, are given. Analyzed changes in the mechanisms of such operations after NATO and the U.S. took over the role of the main forces to prevent and resolve conflicts. Examples of operations conducted by NATO for the last two decades are provided. Examined the effects of armed intervention in the internal affairs of sovereign states some, carried out without UN Security Council authorization, or bypassing its resolutions. Evaluated such activities and concluded the necessity for strict compliance with the UN Charter and the decisions of the Security Council, as the most effective way to prevent and resolve conflicts.

Key words: United Nations, UN Security Council, peacekeeping, peacekeeping operations, peacemaking operations, international relations, international security.

Филатова Т.В.,

Феномен самоуправления (по рекомендации Пусько В.С.)

В статье рассматриваются вопросы развития самоуправления в контексте исторических аспектов и современного состояния государственного управления. Обосновывается необходимость поиска баланса между местной и центральной властью в разграничении полномочий в политической, экономической и культурной сферах. В статье доказывается, что феномен самоуправления в современном мире служит в качестве фактора устойчивости национального суверенитета.

Ключевые слова: Самоуправление, государственное устройство, централизация власти, глобализация, суверенитет, эффективность государственного управления, региональные элиты.

THE PHENOMENON OF SELF-GOVERNMENT

Article is devoted to questions of self-government's development in a context of historical aspects and a current state of public administration in world and regional scales. The phenomenon of self-government is considered in a context of the globalization changes, the borders which were characterized by "unclear" and strengthening of centrifugal tendencies. Need of search of balance between the local and central government in differentiation of powers in economic, cultural and other spheres is emphasized. That thesis locates in article that the self-government phenomenon in the modern world serves as a factor of stability of the national sovereignty.

Key words: Self-government, state system, power centralization, globalization, sovereignty, efficiency of public administration, regional elite.

Нигматуллина Т.А.,

Идентификационные процессы в молодежной среде: политический аспект

Современные социально-политические детерминанты ускоряют развитие всех сфер общественной жизнедеятельности и характеризуют молодежь как «многоликую» общность с инновационным и поликультурным сознанием. Вместе с тем инновационные трансформации нарушают традиционные формы идентификации и ставят под сомнение субъективные ощущения самоидентичности человека, сформированные в рамках прежних культурных традиций.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, культура, полиэтничность, традиции, идентичность.

Modern social and political determinants accelerate the development of all spheres of public activity and characterize the youth as a "many-sided" community with innovative and multicultural consciousness. At the same time the innovative transformations break traditional forms of identification and prejudice the subjective feelings of self-identity of the person, created within the frames of former cultural traditions.

Key words: youth, youth policy, culture, multiethnicity, traditions, identity.

Луценко А.В.,

Идейная основа современного западноевропейского неоязычества в сравнении с ментальностью классического политеизма

В статье рассматривается проблема культурных и религиозных истоков современного западноевропейского неоязычества. Основная тема статьи-критика некоторых аспектов провозглашаемой неоязычеством неразрывной преемственности с классическим политеизмом древности. Основной тезис статьи - современное неоязычество понимает под «классическим политеизмом» не объективную историческую реальность, а искусственно смоделированный концепт.

Ключевые слова: Неоязычество, классический политеизм, религиозная идентичность, культурная преемственность, архаизация.

Lutsenko A.V.

Ideological background of modern Western Neopaganism in comparison with classical polytheistic mentality

The article deals with the problem of cultural and religious background of modern Western Neopaganism. It's main theme- critical analysis of some aspects of Neopaganist self-declaration, as a strict successor of classical polytheism. The main thesis of the following article contains idea that modern Western Neopaganism takes fake concept of classical polytheism for real religion of historical antiquity.

Keywords: Neopaganism, classical polytheism, religious identity, cultural succession, archaisation.

Бурьяк М.К.

Многоголосное пение этнофоров Новгородской земли

Исследование направлено на выявление технологий многоголосного пения этнофоров Новгородской земли с опорой на разработанную автором статьи классификацию новгородских народно-певческих стилей. Предпринятое исследование позволяет определить потенциал многоголосного пения этнофоров Новгородской области, выявить особенности многоголосия каждого конкретного народно-певческого стиля и обоснованно применять их в современных образовательных процессах освоения детьми народно-песенных традиций региона.

Ключевые слова: народно-певческие стили, народное многоголосие, «ленточный» вид, полифонический вид, гетерофонно-полифонический вид, аккордо-гармонический вид, «терцовая/секстовая/октавная втора», этнофор, народно-певческая педагогика, народно-песенная традиция.

Buryak M.K.

The Polyphonic Singing of the Ethnophors of Novgorod Region

This research aims to identify the techniques of polyphonic singing of the ethnophors of Novgorod region. The study is based on the developed by author classification of local traditional singing styles. It allows determining the potential of polyphonic singing of the ethnophors of Novgorod region, identifying each specific folk singing style, applying it to modern educational processes of traditional singing teaching for children.

Keywords: folk singing styles, folk polyphony, "banded" form, polyphonic form, heterophonic form, choral harmonic form, "tertian / sixth / octaval second voice", ethnophors, folk-singing pedagogy, folk-singing tradition.

Приходько Я.В.,

Специфика иноязычной компетентности школьника (кадета)

В статье исследуются условия формирования иноязычной компетентности у школьников (кадетов). Рассмотрены особенности образовательного процесса ФГКОУ «Оренбургское ПКУ», особое внимание уделяется учебному предмету «Иностранный язык». Выделяются педагогические условия формирования иноязычной компетентности воспитанников кадетского училища, в том числе, реализация метапредметности и интегративности при обучении иностранному языку и перспективы использования современных информационных технологий.

Ключевые слова: иноязычная компетентность кадета, метапредметность, интегративность, кадетское образование.

SPECIFICITY OF THE FOREIGN LANGUAGE COMPETENCE OF THE SCHOOLBOY (CADET)

Conditions for the formation of foreign language competence of students (cadets). The features of the educational process FGKOU "Orenburg PKU", focuses on academic subject "Foreign Language". Distinguished pedagogical conditions of formation of foreign language competence Cadet School pupils, including the implementation of integrity and metapredmetnosti when learning a foreign language and perspectives of modern information technology.

Keywords: foreign language competence cadet metapredmetnost, integrative Cadet education.

Пудов А.Г.,

Символическая онтологизация сознания как основа конструирования этноса на этапе этногенеза

В рамках конструктивизма предлагается модель сборки этноса посредством спектра символов, изобретенных на этапе этногенеза. Этническая сборка представлена двумя процессами, метафизическим и идеологическим - символической онтологизацией сознания и самоидентификацией.

Ключевые слова: этнос, конструктивизм, символ, символическая онтологизация сознания, этногенез, символотворчество.

Symbolical ontologization of consciousness as a basis of constructing ethnos at an ethnogenesis stage

Within constructivism, the model of ethnos assembly by spectrum of an invented symbols at a stage of ethnogenesis is offered. Ethnic assembly is presented by two processes, metaphysical and ideological - a symbolical ontologization of consciousness and self-identification.

Key-words: ethnos, constructivism, symbol, symbolical ontologization of consciousness, ethnogenesis, creation of symbols.

Деречин А.О.,

Формирование поликультурной компетентности старшеклассников во внеурочной деятельности

Отличительной особенностью современного мира, а наряду с этим и современного образования, является необходимость обращенности к поликультурной среде, поликультурности как основы глобализации и интеграции всех сфер человеческой деятельности. Следствием этого является переход к компетентностному образованию, что повлекло изменение характеристик и условий образовательного пространства, обращенного к социальному заказу, востребовавшему подготовку подрастающего поколения, готового к поликультурному диалогу, нахождению компромиссов, проявляющего терпимость к чужому мнению, стремящемуся к взаимопониманию, сотрудничеству и

неконфликтному сосуществованию с представителями разных культур.

Этим обуславливается необходимость формирования поликультурной компетентности старшеклассников, проявляющейся в адекватном межкультурном, межэтническом, межличностном взаимодействии и культуросообразном поведении.

В связи с этим обозначена проблема поиска путей и средств, форм, направленных на результативность и эффективного целенаправленного процесса формирования поликультурной компетентности старшеклассников.

Ключевые слова: поликультурное воспитание, поликультурная компетентность, внеурочная деятельность.

THE FORMATION OF THE SENIOR HIGH SCHOOL STUDENTS' MULTICULTURAL COMPETENCE IN THE EXTRACURRICULAR ACTIVITIES

The peculiar feature that defines the world at the current stage thus the contemporary education is that the world and the education have to address the multicultural environment as the ground for globalization and integration of all the spheres of human activities. It has resulted in transferring to the competence education thus in shifting of the characteristics and the conditions of the educational environment. The educational environment reflects the demands the society moves, one of which is specialists that have been trained to conduct the multicultural dialogue, to find compromises, to be tolerant to somebody's opinion, to be inclined to reach out for mutual understanding, for cooperation, for non-confrontational community with people of all the nations. These are the reasons to form senior high school students' multicultural competence. The multicultural competence is the ability of a senior high school student to have appropriate intercultural, interethnic, interpersonal interaction and the ability to behave in correspondence with the culture-aligned principle. Following the stated above the article deals with the ways, means, forms that are to be used to make the process of the multicultural competence formation effective.

Key-words: multicultural education, multicultural competence, extracurricular activities.

**Бирюков С. В.,
Рябова Е.Л.,**

Мануэль Вальс: шанс для Франции?

В статье рассматривается политическое развитие Франции в контексте муниципальных выборов 2014 года и отставки прежнего правительства. Анализируются заявленная стратегия и политические перспективы нового правительства премьер-министра Мануэля Вальса

Ключевые слова: Франция, объединенная Европа, муниципальные выборы, децентрализация, интеграционные процессы, политический кризис.

**Biryukov S.V.,
Ryabova E.L.**

Manuel Valls: a chance for France?

The article considers the political development of France in the context of the nationwide municipal elections in 2014 and the resignation of the previous government. Authors analyze the stated strategy and political prospects of the new government of Prime Minister Manuel Valls.

Keywords: France, United Europe, municipal elections, decentralization, integration processes, the political crisis.

Перская В.В.,

Национальная конкурентоспособность - условие и фактор поступательного развития России. (Обзор материалов международной научно-практической конференции)

Рассмотрены разнообразные аспекты повышения национальной конкурентоспособности экономики России, исходя из факта членства России в ВТО и согласованных условий обеспечения справедливой конкуренции на хозяйственном пространстве России, акцентировано внимание на инструментарии обеспечения национальной конкурентоспособности России как для реального сектора, так и сегмента услуг, при этом сфокусировано внимание на необходимости эффективности банковско-финансового сектора для экономики России, в т.ч. в условиях введения санкций со стороны промышленных стран Запада.

Ключевые слова: конкурентоспособность, инновационность, модернизация, планирование и прогнозирование, реальный сектор, права интеллектуальной собственности, финансовые услуги и повышение их эффективности.

Consider various aspects of improving the competitiveness of the national economy of Russia, proceeding from the fact that Russia's membership in the WTO and agreed conditions ensuring fair competition in the Russian economic space, accented attention to the tools of national competitiveness of Russia as the real sector, and that services segment, also focused on the need for effective banking and financial sector for the Russian economy, including under sanctions by the industrial countries of the West .

Keywords: competitiveness, innovation, modernization, planning and forecasting , real sector , the rights of intellectual property , financial services and increase their efficiency.

Косован Е.А.,

Основные характеристики украинской эмиграции в ФРГ на современном этапе (1990 - начало 2000-х гг.)

В статье рассматривается эмиграция украинцев в Германию после распада Советского Союза. Автором выявлены основные ее характеристики, такие как численность и половозрастной, состав, проанализировано влияние последней волны эмиграции на развитие институтов украинской общины в ФРГ в указанный период.

Ключевые слова: Германия, украинцы, эмиграция, половозрастная структура, диаспоральные организации.

MAIN CHARACTERISTICS OF UKRAINIAN EMIGRATION IN GERMANY TODAY (1990-EARLY 2000'S.)

The article discusses emigration of the Ukrainians in German upon the breakup of the USSR to date. The author reveals its main characteristics, such as size, age and gender composition, the influence of the latest wave of emigration on the development of the institutions of the Ukrainian community in Germany over the specified period.

Key words: Germany, the Ukrainians, emigration, age and gender composition, diaspora organizations.

Лян Чжэ,

Православие в Китае: на примере китайских русских Трехречья (Северная Маньчжурия)

В статье рассматривается нынешнее состояние православия в Китае на примере Трехречья (Северная Маньчжурия КНР), одним из мест компактного проживания китайских православных – потомком русско-китайских брачных союзов.

Ключевые слова: православие, китайские русские, Трехречье, Северная Маньчжурия, КНР

Liang Zhe,

Orthodoxy in China: by the example of Chinese-Russian metises in Three-Rivers region (Northern Manchuria)

This article describes the current situation of Orthodoxy in China by the example of Three-Rivers region (Northern Manchuria), which is one of the places where Orthodox Chinese-Russian metises live, they are descendants of Chinese-Russian conjugal unit.

Key words: Orthodoxy, Chinese-Russian metises, Three-Rivers region, Northern Manchuria, PRC

Корнеева Е.Ю.,

Создание Евразийского экономического союза как новый виток интеграционных процессов на пространстве СНГ

В статье рассматривается создание Евразийского экономического союза в контексте региональной интеграции на постсоветском пространстве. В результате анализа предпосылок и движения к евразийской интеграции автор приходит к выводу о становлении многовекторных и разно скоростных интеграционных объединений на постсоветском пространстве: как на пространстве СНГ, так и за его пределами. Создание Евразийского экономического союза – новая ступень функциональной интеграции, в которой взаимовыгодное экономическое сотрудничество – первоначальная точка отсчета.

Ключевые слова: интеграционные процессы, евразийская интеграция, Евразийский экономический союз, ЕАЭС, СНГ, постсоветское пространство, региональная интеграция.

Foundation of Eurasian economic union as a new round of integration processes on CIS space

This article examines creation of Eurasian economic union in the context of regional integration on the post-soviet space. After analysis of reasons, ideas and stages of Eurasian integration the author comes to the conclusion that integrations of the post-soviet space are multi-vectored and differ in speed and depth of integration: both on CIS space and beyond. Creation of Eurasian economic union is a new stage of functional integration where mutually beneficial economic cooperation is a basic point of reference.

Key words and phrases: integration processes, Eurasian integration, Eurasian economic union, CIS, post-soviet space, regional integration.

Шарко М.В.,

Россия и Япония в аспекте актуальных тенденций в АТР

В статье анализируются перспективы российско-японских отношений в аспекте актуальных тенденций в Азиатско-Тихоокеанском регионе на фоне геополитической динамики современного мира. Автор исследует новые тенденции в японской внешней политике в отношении России в контексте влияния конъюнктурных факторов в Восточной Азии.

Ключевые слова: Россия, Япония, Азиатско-Тихоокеанский регион, Японо-американский альянс, внешняя политика.

Терновая Л.О.,

Проявление сезонных отличий в международных отношениях

В статье рассматриваются достаточно длительные хронологические интервалы, охватывающие времена года, позволяющие говорить об общих закономерностях сезонных появлений, в частности, охватывающих и сферу международных отношений. Аналогично с временами года в международной жизни помимо сезонов есть времена межсезонья, которые свойственны периодам перехода международных отношений в новое качество.

Ключевые слова: времена года, политический сезон, международные отношения, переходный период, социальный транзит.

Manifestation of seasonal differences in international relations

This paper discusses long enough chronological intervals covering seasons, allow us to speak of the general patterns of seasonal appearances, in particular covering and the sphere of international relations. Similarly with the seasons in international life besides seasons have the offseason, which are peculiar to the period of transition in international relations to a new quality.

Keywords: seasons, the political season, international relations, transition, social transit.

Кашперская А.П.,

Средства создания образа Влада III (Дракулы) в поэме Михаэля Бехайма «О злодее, прозванном Дракула воевода валашский»

Статья посвящена исследованию поэмы придворного поэта Бехайма «О злодее, прозванном Дракула воевода валашский» в рамках изучения проблемы возникновения немецких текстов о Владе Дракуле в Германии XV в. и их жанровой эволюции, связанной с изменением лингвопрагматической задачи. Автор статьи анализирует лексические, синтаксические и другие языковые средства, способствующие созданию негативного образа главного героя в поэме.

Ключевые слова: германистика, германская филология, историческое языкознание, источниковедение, 15 век, Дракула.

Аминов И.Р.,

Критика структурного функционализма в урегулировании этнополитических конфликтов

Современная политическая наука уделяет пристальное научное внимание этнополитическим конфликтам и способам их разрешения и урегулирования. При этом определённых результатов в изучении этнополитических конфликтов позволяет достичь использование структурно-функционального метода. Который, по нашему мнению, постепенно изживает себя в западной политической теории, ввиду очевидного недостатка универсальности в постоянно меняющихся политических процессах.

Ключевые слова: политология, этнополитический конфликт, структурно-функциональный метод, трансформация, культура.

Беляев М.А.,

Этнорегиональные модификации сепаратизма в современной России: политологический анализ

Федеративный каркас российской государственности основывается на конституционно признанном равенстве ее субъектов. Вместе с тем, в современных политических условиях достижение регионального баланса на федеративной карте представляется трудоемким процессом. Ибо сам баланс субъектов Федерации статичен и обусловлен политическими, географическими, демографическими, социально-экономическими и социокультурными особенностями отдельных регионов. В данной статье рассматриваются модифицированные типы регионального сепаратизма в России и возможные очаги их активизации.

Ключевые слова: сепаратизм, модификация, регион, субъект Федерации, противодействие, наука.

ETHNOREGIONAL MODIFICATIONS OF SEPARATISM IN MODERN RUSSIA: POLITOLOGICAL ANALYSIS

The federal framework of the Russian statehood is based on constitutionally recognized equality of its subjects. At the same time, in modern political conditions achievement of regional balance on the federative map seems to be a labor-intensive process. As the balance of subjects of the Federation is static and caused by political, geographical, demographic, social and economic and sociocultural features of certain regions. The modified types of regional separatism in Russia and the possible centers of their activation are considered in this article.

Key words: separatism, modification, region, subject of the Federation, counteraction, science.

Авторы

1. **Бессонов Е.Г.** - кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, заместитель главного редактора научного и общественно-политического журнала «Межконфессиональная миссия», директор лаборатории социальной инженерии Центра системных инициатив. E-mail: evg_georg@list.ru
2. **Лоло М.М.** – кандидат политических наук, эксперт в области взаимосвязей политики и кинематографа. E-mail: Lolo.Mark@centpart.ru
3. **Грязнова В.Н.** - кандидат социологических наук, доцент кафедры госслужбы и кадровой политики факультета «Институт государственной службы и управления персоналом» РАНХиГС при Президенте РФ. E-mail: verarags@mail.ru
4. **Байтурина Г.Р.** - магистр кафедры госслужбы и кадровой политики факультета «Институт государственной службы и управления персоналом» РАНХиГС при Президенте РФ
5. **Зорина О.А.** - доктор медицинских наук, магистр кафедры госслужбы и кадровой политики факультета «Институт государственной службы и управления персоналом» РАНХиГС при Президенте РФ/ E-mail: verarags@mail.ru
6. **Орлова Е.М.** - психолог, психотерапевт, действительный член ОППЛ соискатель кафедры психологии МПГУ, г. Москва. E-mail: katsender@mail.ru
7. **Веричев Д.К.** - аспирант МГТУ им. Н. Э. Баумана. E-mail: Verich52@hotmail.com
8. **Филатова Т.В.** - кандидат политических наук, доцент кафедры «Политология» МГТУ имени Н.Э. Баумана. E-mail: Filatova.tatjana@yandex.ru
9. **Нигматуллина Т. А.** - кандидат исторических наук, доцент, директор БИСТ (филиала) ОУП ВПО «АТиСО». E-mail: vova-velc@yandex.ru
10. **Луценко А.В.** - старший преподаватель кафедры философии Школы гуманитарных наук ДВФУ. E-mail: AVL2009@yandex.ru
11. **Бурьяк М.К.** - кандидат педагогических наук, докторант Московского педагогического государственного университета (кафедра методологии и теории музыки), директор МАУДОД «Новгородская детская музыкальная школа русского фольклора». E-mail: buriak@yandex.ru
12. **Приходько Я.В.** - аспирант, Оренбургский государственный педагогический университет. E-mail: yana.meshkova@mail.ru

13. **Пудов А.Г.** - доцент кафедры философии, истории и социально-экономических наук ФГБОУ ВПО «Якутская государственная сельскохозяйственная академия». E-mail: agro_on_line@mail.ru
14. **Деречин А.О.** - аспирант 3 курса Шадринского государственного педагогического института. E-mail: derechin@mail.ru
15. **Бирюков С.В.** – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политических наук Кемеровского государственного университета. E-mail: birs.07@mail.ru
16. **Рябова Е.Л.** – доктор политических наук, профессор. Директор издательства «Этносоциум и межнациональная культура». E-mail: etnosocium@mail.ru
17. **Перская В.В.** - д.э.н., профессор, Заслуженный экономист России
18. **Косован Е.А.** - аспирантка кафедры истории стран ближнего зарубежья исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. ekkade@gmail.com
19. **Лян Чжэ** - стажер кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, аспирантка Факультета истории и культуры Шаньдунского университета. E-mail: liangzhe@mail.ru
20. **Корнеева Е.Ю.** - аспирант факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: ln.korneeva@gmail.com
21. **Шарко М.В.** - государственный советник Российской Федерации 3 класса, доцент Факультета национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службе при Президенте РФ, кандидат политических наук. E-mail: msw_sharko@mail.ru
22. **Терновая Л.О.** – доктор исторических наук, профессор МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет). E-mail: 89166272569@mail.ru
23. **Беляев М.А.** - аспирант РАНХиГС при Президенте РФ, директор Агентства примирительных технологий Центра ЮНЕСКО-ЮНЕВОК в Российской Федерации на базе Башкирского института социальных технологий
24. **Аминов И.Р.** - кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права Башкирского государственного университета. E-mail: aminov76@mail.ru

ПРОДОЛЖАЕМ
КОНКУРС
НА ЛУЧШУЮ НАУЧНУЮ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКУЮ РАБОТУ

ПО ТЕМЕ:

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА**

С целью выявления идей, их обобщения, анализа и апробации журнал проводит конкурс на лучшую статью (тезисы, размышления) для совершенствования стратегического курса межнациональных отношений

Работы направлять по адресу:

etnosocium@mail.ru

etnosocium@gmail.com

Факс +7 (495) 708 3000

Справки по тел. +7 (495) 708 3000

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ
В МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЭТНОСОЦИУМ»**

1. Предоставляемые материалы должны быть актуальными и новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. Объём материалов не должен превышать для аспирантов и соискателей — 6 (шесть) страниц машинописного текста, для докторантов и докторов наук — до 10 (десяти) страниц машинописного текста, шрифт 14, интервал — 1,5, все источники следует снабжать библиографическими ссылками.
3. Сноски помещаются постранично, нумерация сносок должна быть сквозная, высота шрифта 8 пунктов; межстрочный интервал — одинарный.
4. К материалу необходимо прилагать аннотацию на русском и английском языках (объёмом не более 1000 знаков), авторский перевод заглавия статьи, фамилию и имя автора, список ключевых слов на русском и английском языках, а также приставейный библиографический список.
5. Все материалы следует представлять в электронном виде (как по электронной почте, так и непосредственно на носителе) и распечатанной рукописи в 2-х экземплярах.
6. Обязательно следует указать фамилию, имя и отчество автора, ученую степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы, контактные телефоны, полный домашний адрес и адрес электронной почты.
7. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

**Все права защищены. При использовании
материала ссылка на журнал
«Этносоциум и межнациональная культура» обязательна.**

Журнал получают:

- Администрация Президента РФ;
- Аппарат полномочных
представителей Президента РФ
в федеральных округах;
- Государственная Дума;
Аппарат Правительства РФ;
- Совет Федерации РФ;
- Министерства, федеральные
службы и агентства РФ;
- Совет Безопасности РФ;
- Конституционный Суд РФ;
- Высший Арбитражный Суд РФ.

Оформить подписку на журнал можно (начиная с любого номера) в редакции тел.: (495) 708-30-00, факс: (495) 708-30-00 или через электронный каталог ИНТЕР-ПОЧТА, а также во всех отделениях почтовой связи через Объединенный каталог «Пресса России» и каталог агентства «Роспечать». Индекс: 70759

Наш сайт: www.etnosocium.ru

E-mail: etnosocium@mail.ru,
etnosocium@gmail.com

Необходимую научную литературу
Вы можете приобрести на сайте www.knigadom.com

Оригинал-макет подготовлен Международным издательским центром «ЭТНОСОЦИУМ»
Отпечатано в типографии Международного издательского центра «ЭТНОСОЦИУМ»,
105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Зам.главного редактора С.В. Чапкин

Редактор Н. Э. Архипова

Корректор Ф.Э. Вайс

Дизайн и верстка Н. Э. Архипова

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro.
Формат 60x90/8. Тираж 1000 экз. Усл. п. л.23,75